ЮРИДИЧЕСКІЙ

ЛЕКСИКОНЪ,

ОБЪЯСНЯЮЩІЙ

ТЕРМИНЫ и ИНСТИТУТЫ

ПРАВЪ, СУДОПРОИЗВОДСТВА, СУДОУСТРОЙСТВА и НОТАРІАТА.

ТОМЪ ВТОРОЙ

Вт. VI
37341

Г.

БИБЛІОТЕКА

СОСТАВИЛЪ:
Яковъ Гурляндъ.

Авторъ: „Юридическаго разбора нотаріальныхъ вопросовъ“ и „Юридическихъ вопросовъ и отвѣтовъ“.

ОДЕССА.
Русск. тип. Псаковича, уг. Дерибас. и Гаванной. соб. домъ, № 10.
1886.

ТИП. ИСАКОВИЧА.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
445
55

Дозволено цензурою. Одесса, 20 Сентября 1886 г.

Г.

ГАБЕАСЪ-КОРПУСЪ-АКТЪ (Habeas-corpus) есть юридическій терминъ англійскаго уголовнаго судопроизводства, означающій приказъ высшаго уголовнаго суда, которымъ ограничивается произволъ административныхъ мѣстъ и лицъ, распоряжающихся о личномъ задержаніи и заключеніи подъ стражею гражданъ, подозрѣваемыхъ къ какомъ-либо преступленіи. Постановленіе суда приводится въ исполненіе посредствомъ разныхъ приказовъ (mandatus), изъ которыхъ каждый называется *габеасъ-корпусъ* и дается иногда отъ имени Вестминстерской палаты, а иногда отъ имени королевскаго суда на имя присутственнаго мѣста или должностнаго лица, по распоряженію котораго сдѣлано задержаніе подъ стражею. Цѣль подобныхъ приказовъ состоитъ въ обезпеченіи личной свободы гражданъ, въ случаѣ незаконнаго заключенія въ тюрьму. По полученіи приказа или «габеасъ-корпусъ акта», присутственное мѣсто или должностное лицо, на имя котораго онъ адресованъ, обязаны въ теченіи 24 часовъ составить о томъ протоколъ, объявить подсудимому причину его ареста и сдѣлать допросъ, по которому онъ могъ-бы быть немедленно освобожденъ въ случаѣ невиновности, или отпущенъ на поруки, если окажется надобность въ производствѣ дѣла. Англійскій народъ считаетъ это постановленіе закона однимъ изъ важнѣйшихъ преимуществъ, дарованныхъ имъ другимъ закономъ, называемымъ «Большею Хартіею» (Magna Charta). Въ ней сказано, «что свободный человѣкъ не иначе можетъ быть взятъ подъ стражу и заключенъ въ тюрьму, какъ по законному опредѣленію судей, ему равныхъ, и съ закономъ въ рукѣ». Это самый древній законъ англо-саксовъ, установленный и подтвержденный Вильгельмомъ Завоевателемъ. Онъ былъ измѣненъ въ началѣ царствованія Карла I, когда опредѣленіемъ королевскаго суда постановлено было, что лица, арестуемыя по повелѣнію короля или лордовъ тайнаго совѣта, не могутъ пользоваться преимуществомъ *габеасъ-корпуса*, ни относительно объявленія имъ причины задержанія ихъ, ни относительно отдачи ихъ на поруки. Это было предметомъ жаркихъ пре-

ній въ парламентѣ и послужило поводомъ къ изданію другаго закона, подъ названіемъ: «Petition of right», которымъ подтверждено, что свободный человѣкъ не можетъ быть взятъ подъ стражу безъ объявленія причины; въ противномъ случаѣ, сообразно закону, онъ можетъ защищаться. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія, вслѣдствіе смятеній, возникшихъ въ разныхъ частяхъ королевства, парламентъ вынужденъ былъ пріостановить дѣйствіе закона *habeas-корпуса*. Это было въ 1793, 1794 и 1817 гг.; но затѣмъ, дѣйствіе этого акта было опять возстановлено. Судьи и вообще должностныя лица, нарушающія этотъ актъ, подвергаются наказаніямъ, отъ которыхъ никто не можетъ быть освобожденъ никакимъ высшимъ указомъ.

ГАБЕЛЛА (фран. Gabella). Юридическій терминъ иностранныхъ законодательствъ, имѣющій троякое значеніе: 1) вообще всякій налогъ. 2) во Франціи—налогъ на соли; 3) соляной амбаръ. Терминъ этотъ происходитъ отъ саксонскаго слова gabel—налогъ: такъ, напр. gabella emigrationis—налогъ на переселеніе; gabella hereditatis—налогъ съ наслѣдства и т. п.

ГАВЕНМЕЙСТЕРЫ. см. Корабельные смотрители.

ГВАЛЬТОВЫЕ ДНИ. Юридическій терминъ бывшаго крѣпостнаго права. Въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній обязательная работа крестьянъ называлась *пригономъ*, тоже, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ—*панщиною*; работы же сверхъ обыкновеннаго «пригона» назывались *сгонными* или *гвальтовыми* днями. (Т. VIII, уст. казен. им. ст. 123, прим.)

ГЕНЕРАЛЪ-АУДИТОРЪ. (см. Аудиторъ.)

ГЕНЕРАЛЪ ГУБЕРНАТОРЪ. Существо должности генералъ-губернаторовъ опредѣляется 417 статьею II т. св. зак., гдѣ сказано: «генералъ-губернаторъ, имѣя постоянное тщательное попеченіе о благѣ жителей ввѣреннаго ему края, есть мѣстный высшій блюститель порядка во всѣхъ его частяхъ, непрестанно ревизующій всѣ дѣйствія мѣстъ и лицъ, ему подвѣдомственныхъ, для предупрежденія или для прекращенія нарушенія законовъ, всего противнаго безопасности и пользѣ общей, или же несообразнаго съ видами верховнаго правительства, извѣстными ему, какъ лицу, полнымъ довѣріемъ Государя Императора облеченному».

Изъ опредѣленія этой статьи вытекаетъ: во 1-хъ, что генералъ-губернатору предоставленъ высшій надзоръ за дѣйствіями всѣхъ мѣстъ и лицъ во ввѣренномъ ему краѣ; и во 2-хъ, что дѣятельность его, какъ органа надзора, основывается не только на общихъ указаніяхъ закона, подобно надзору губернаторскому, но и на «извѣстныхъ ему видахъ верховнаго правительства»,—что, конечно, сообщаетъ генералъ-губернаторскому надзору исключительный характеръ. Внѣ этой обязанности, генералъ-

губернаторъ не имѣетъ *опредѣленнаго* круга вѣдомства, хотя законъ и ввѣряетъ особенному его попеченію цѣлый рядъ предметовъ, имѣющихъ характеръ скорѣе нравственныхъ совѣтовъ, нежели юридическихъ предписаній.

Дѣятельность генералъ-губернаторовъ должна быть разсматриваема въ трехъ отношеніяхъ: къ верховной власти, къ центральнымъ установленіямъ и къ губернскимъ или мѣстнымъ учрежденіямъ.

Отношенія генералъ-губернаторовъ къ *верховной власти* опредѣляются тѣмъ общимъ началомъ, что должность эта замѣщается лицомъ, пользующимся особеннымъ довѣріемъ Императорскаго Величества. На этомъ основаніи генералъ-губернаторамъ предоставляется право представлять непосредственно на Высочайшее усмотрѣніе «*о всѣхъ тѣхъ предметахъ, кои они признаютъ нужными и необходимыми*». Законъ рекомендуетъ имъ только пользоваться этимъ правомъ «*съ должною осторожностью*» и дѣлать означенныя представленія «*о дѣлахъ особенной важности и въ чрезвычайныхъ случаяхъ*», не утруждая Императорское Величество представленіемъ по такимъ предметамъ, разрѣшеніе которыхъ зависитъ, по закону, отъ министровъ, или для представленія которыхъ на Высочайшее усмотрѣніе установленъ особый ходъ (т. II св зак. ст. 446). Одному только московскому генералъ-губернатору спеціально предоставлено «обо всемъ, касающемся *полицейскаго* управленія столицею, доносить прямо Государю Императору и испрашивать непосредственно разрѣшеній Его Величества» (тамъ-же ст. 443). Генералъ-губернаторъ можетъ получать Высочайшія повелѣнія непосредственно по дѣламъ, относящимся до ввѣреннаго ему края. На немъ же лежитъ обязанность приведенія этого повелѣнія въ исполненіе, при чемъ онъ обязанъ только довести до свѣдѣнія министровъ и главноуправляющихъ, какъ о Высочайшемъ повелѣніи, такъ и о мѣрахъ, принятыхъ къ его исполненію (ст. 448).

Отношенія генералъ-губернатора къ *центральнымъ установленіямъ* опредѣляются тѣмъ, что онъ есть какъ бы посредствующая инстанція между губернскими и высшими установленіями. Поэтому, съ одной стороны никакая новая мѣра или особое распоряженіе, относящееся до ввѣреннаго ему края, не принимается высшимъ правительствомъ иначе, какъ по предварительномъ истребованіи соображеній генералъ-губернатора (ст. 451);—всѣ представленія губернскихъ мѣстъ по всѣмъ предметамъ восходятъ къ центральнымъ мѣстамъ не иначе, какъ чрезъ него. Далѣе, всѣ распоряженія министровъ по предметамъ, ввѣреннымъ особому попеченію генералъ-губернаторовъ, сообщаются къ исполненію въ губернію также не иначе, какъ чрезъ нихъ. Однако, въ экстренныхъ случаяхъ, законъ

дозволяетъ отсылать предписанія непосредственно губернскимъ начальствамъ, сообщая генералъ-губернатору только списки съ предписаній (ст. 450).

Наконецъ, отношеніе генералъ-губернатора къ *губернскимъ учрежденіямъ* установляется общимъ правиломъ, что послѣднія обязаны исполнять «всѣ законныя требованія и предписанія генералъ-губернатора» (ст. 457). Губернаторамъ тѣхъ же губерній, которыя подчинены главнымъ начальникамъ края, воспрещается дѣлать какія-бы то ни было представленія помимо этихъ лицъ, за исключеніемъ случаевъ, исчисленныхъ въ 637 ст. т. II, св. зак.

Генералъ-губернаторы, въ качествѣ главныхъ начальниковъ края, поставлены въ одинъ рядъ съ высшими государственными должностями и потому имѣютъ мѣсто въ сенатѣ, гдѣ присутствуютъ, какъ въ общихъ собраніяхъ, такъ и въ департаментахъ, какимъ подвѣдомъ ввѣренный имъ край (ст. 424).

Историческія условія должности генералъ-губернаторовъ отражаются на дѣйствующихъ нынѣ объ нихъ постановленіяхъ. Наказъ 1853 г. разсматриваетъ эту должность какъ исключительную и облеченную особыми полномочіями. Это видно, какъ изъ порядка опредѣленія генералъ-губернаторовъ, такъ и изъ способа отправленія ими своей должности, такъ, наконецъ, и изъ круга предоставленныхъ имъ дѣлъ.

Мысль объ учрежденіи генералъ-губернаторства принадлежитъ правительству прошлаго вѣка. Должность генералъ-губернатора есть превращеніе должности прежняго намѣстника и имѣетъ свое историческое развитіе. По духу «Учрежденія о губерніяхъ», намѣстникъ долженъ былъ составить часть установленій и имѣть ту долю надзора, которая впослѣдствіи была предоставлена губернаторамъ. Но историческія обстоятельства придали должности намѣстника особый характеръ *чрезвычайной* власти. *Чрезвычайная* власть, ввѣренная намѣстникамъ, принесла въ то время, значительную пользу. Грубое общество, давившее крестьянъ, чиновничество, воспитанное въ школѣ казнокрадства и взяточничества, экономическія бѣдствія страны,—словомъ, все, что произвело пугачевщину, могло быть нѣсколько исправлено только силою и энергическою властью просвѣщенныхъ намѣстниковъ. Поэтому, намѣстникъ не могъ составить одно цѣлое съ губернскими учрежденіями, а онъ былъ поставленъ внѣ ихъ, какъ нѣчто особенное, и въ 1781 году, когда «Учрежденіе о губерніяхъ» начало приводиться въ дѣйствіе, императрица Екатерина II-я, учредительница губерній, отступила отъ первоначальнаго плана—отожествовать губернію съ намѣстничествомъ. Связь между намѣстниками и губернскими учрежденіями была разорвана и намѣстникъ только явился посредствующею ин-

станціею между губерніями и высшимъ правительствомъ. Мѣстное управленіе, сосредоточенное въ системѣ коллегіальныхъ и полуколлегіальныхъ установленій, съ намѣстникомъ во главѣ, по мысли «Учрежденія» раздѣлилось между двумя учрежденіями: *губернскою* и *намѣстническою*. Императоръ Павелъ I, относившійся вообще недовѣрчиво къ преобразованіямъ своей матери Екатерины II, въ 1797 году задумалъ возвратиться къ старому порядку. Вслѣдствіе этого въ столицѣ были возстановлены уничтоженныя коллегіи, а должности государственныхъ намѣстниковъ сокращены. Въ 1816 году, по Высочайшему повелѣнію Императора Александра I-го, былъ составленъ проектъ новаго учрежденія намѣстничествъ. Въ силу этого проекта, имперія должна была раздѣлиться на 12 намѣстничествъ; каждое изъ нихъ предполагалось составить изъ 3—5 губерній. Намѣстничество ввѣрялось намѣстнику, при которомъ состоялъ «Совѣтъ» съ правомъ совѣщательнаго установленія; голосъ намѣстника одинъ долженъ былъ имѣть рѣшительное значеніе. Въ завѣдываніи этого «Совѣта» и во власти намѣстника предполагалось сосредоточивать всѣ части управленія: судебную, полицейскую, хозяйственную, духовную, учебную, почтовую и д. Въ слѣдующіе годы званіе «намѣстника» было окончательно замѣнено званіемъ «генералъ-губернатора» и взглядъ правительства на кругъ дѣятельности этихъ высшихъ государственныхъ сановниковъ провинціи мѣнялись неоднократно. Императоръ Александръ I-й опредѣлилъ званіе генералъ-губернатора такъ: «генералъ-губернаторъ есть всегдашній наблюдатель всякаго распорядка и всякаго исполненія въ порученныхъ ему губерніяхъ, или ежеминутный инспекторъ всѣхъ частей внутренняго управленія въ его округѣ». По выраженію перваго генералъ-губернатора пяти сѣверныхъ губерній, Балашева, которому императоръ Александръ поручилъ составить новый проектъ: «генералъ-губернаторы должны быть безпрерывными инспекторами всѣхъ частей управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ главными начальниками полиціи. Министры направляютъ дѣятельность подчиненныхъ властей, а генералъ-губернаторъ наблюдаетъ за исполненіемъ предписаній высшаго правительства. Въ такомъ видѣ, продолжаетъ онъ, генералъ-губернаторы не могутъ быть противны министрамъ и не полезны службѣ. Польза, ожидаемая отъ генералъ-губернаторской должности, должна состоять въ томъ, что они будутъ наблюдать, «чтобы министерскія части одна другой не вредили и которая никого свыше мѣры предписанной не стѣсняла». Устраняя генералъ-губернаторовъ отъ дѣйствительнаго *управленія*, составитель проекта, по необходимости, долженъ былъ признать самостоятельность губернаторовъ. По поводу отличія губернаторской отъ генералъ-губернаторской отвѣтственности, онъ выразился весьма опредѣленно: «Губернаторъ, какъ власть *управляющая*, отвѣчаетъ

за то, правильно-ли онъ распорядился или исполнилъ, а генералъ-губернаторъ, какъ власть *надзирающая*, за то, не поступилъ-ли онъ въ молчаніи и въ невзысканіи неправильнаго распорядка или исполненія». И такъ, по мнѣнію составителя проекта, *управленіе* должно лежать на губернаторѣ, а *надзоръ* за управленіемъ и за самимъ губернаторомъ—на генералъ-губернаторѣ. Но этотъ проектъ не получилъ одобренія законодательной власти. Когда вопросъ о пространствѣ власти генералъ-губернатора и объ отношеніи этой власти къ губернскимъ учрежденіямъ дошелъ до нашего знаменитаго правовѣда Сперанскаго, то, не смотря на весь свой талантъ, самъ Сперанскій не могъ ничего сдѣлать въ этомъ отношеніи. «Его проектъ—говоритъ профессоръ Градовскій*)—есть образецъ политической ловкости и удачныхъ комбинацій, но онъ не достигалъ своей цѣли». Хотя Сперанскій въ своемъ проектѣ принимаетъ признанное уже правительствомъ основное положеніе, что должность генералъ-губернатора состоитъ въ *надзорѣ* за мѣстнымъ управленіемъ, но онъ понималъ и то, что нѣтъ возможности, въ такой сильной должности, какъ генералъ-губернаторская, провести границу между «надзоромъ» и «управленіемъ». Поэтому, онъ предполагалъ, сколько возможно, ослабить личное вліяніе генералъ-губернатора на мѣстную администрацію и парализовать возможность личнаго произвола. Онъ предполагалъ изъять генералъ-губернаторовъ изъ круга мѣстныхъ учрежденій и отнести эту должность къ кругу *государственныхъ* установленій. «Генералъ-губернаторъ—по мнѣнію Сперанскаго—есть ни что иное, какъ *министерство*, дѣйствующее на мѣстѣ и принадлежащее къ обще всѣхъ министерствъ составу, къ сенату. По его проекту министерское установленіе имѣло-бы два вида: одинъ *общій*, въ коемъ всѣ дѣла раздѣляются по *предметамъ*, а другой *мѣстный*, въ коемъ дѣла раздѣляются по *округамъ*. Этимъ способомъ Сперанскій думалъ обойти важное затрудненіе, устранивъ посредствующую власть между мѣстнымъ и высшимъ управленіемъ.

По кончинѣ Императора Александра I, эти проекты поступили на усмотрѣніе новаго правительства. По Высочайшему повелѣнію былъ составленъ особый комитетъ, который долженъ былъ окончательно разсмотрѣть дѣло о генералъ-губернаторахъ. Результаты совѣщанія комитета были весьма неблагопріятны для этихъ проектовъ, и въ 1837 году, когда начертанъ былъ *наказъ* губернаторамъ, кругъ дѣятельности генералъ-губернаторовъ само-собою получилъ болѣе опредѣленное значеніе. Наказъ опредѣляетъ двоякую дѣятельность губернатора: какъ высшаго представителя власти и охранителя законовъ и какъ административная. Какъ *представитель* высшей власти, онъ предсѣдательствуетъ въ губернскомъ

*) „Начала русс. госуд. права“, т. III стр. 212.

правленіи, которое и является непосредственнымъ органомъ высшаго правительства Какъ *блюститель* порядка и законовъ.онъ пользуется правомъ ревизіи и непрерывнаго надзора, и, наконецъ, какъ *администратору*.ему предоставленъ былъ обширный кругъ дѣлъ. Такимъ образомъ, *наказъ* соединилъ въ лицѣ губернатора два элемента, до тѣхъ поръ разъединенные: власть *правителя* и власть *надзора*. Съ видоизмѣненіемъ губернаторской должности нужно было подумать и объ организаціи надзора надъ губернаторами и этотъ надзоръ врученъ былъ генералъ-губернаторамъ (см. Мѣстное управленіе)

ГЕНЕРАЛЪ-ПРОКУРОРЪ. Такъ называется министръ юстиціи на томъ основаніи, что онъ является начальникомъ всѣхъ прокуроровъ и оберъ-прокуроровъ. Во Франціи прокуроръ при апелляціонной и кассаціонной судебныхъ инстанціяхъ. называется *генералъ-прокуроромъ*.

ГЕНЕРАЛЪ-СУПЕРЪ-ИНТЕНДАНТЪ. Названіе высшаго духовнаго лица лютеранскаго вѣроисповѣданія. которое избирается пасторами же изъ своей среды (т. XI ч. I. уст. дух. дѣлъ иностр. исповѣданій ст. 418—432).

ГЕНЕРАЛЬНОЕ МЕЖЕВАНІЕ есть юридическій терминъ межеваго права. означающій: измѣреніе земель. производящееся для опредѣленія окружныхъ границъ дачамъ безъ разбирательства, одному-ли или многимъ владѣльцамъ они принадлежатъ. въ отличіе отъ другого типа межеванія, установленнаго для опредѣленія границъ частнымъ участкамъ, въ окружной мелѣ находящимся, и называющагося *спеціальнымъ*. Въ межевыхъ законахъ (т. X ч III) правила генеральнаго межеванія установлены *общія* и *особенныя*. Общія правила генеральнаго межеванія изложены въ ст. 387—433, а особенныя правила этого рода межеванія—въ ст. 434—563. Согласно 563 ст. Законовъ гражданскихъ межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностью владѣнія; равнымъ образомъ не могутъ быть разрушены давностью и права. соединенныя съ постановленіемъ сихъ межъ; права, заключающіяся въ томъ именно. чтобы они опредѣляли пространство владѣній и оставались навсегда безспорными, и всякіе споры о границахъ владѣнія въ дачахъ генерально обмежеванныхъ, должны быть разрѣшаемы. въ отношеніи окружности дачи. межевыми законами (см. Межевое право).

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛЪ. Представитель правительства по торговымъ дѣламъ въ иностранномъ государствѣ, имѣющій въ подчиненіи консуловъ въ сосѣднихъ городахъ, (см. Консульское право).

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ОТКУПЩИКИ. Такъ называлась во Франціи до революціи группа капиталистовъ, которые брали на откупъ у правительства разныя отрасли государственныхъ доходовъ. Народъ ненавидѣлъ

этихъ откупщиковъ-капиталистовъ за ихъ жестокость при собираніи податей.

ГЕОДЕЗИСТЪ—межевщикъ, землемѣръ.

ГЕРАДСКІЙ СУДЪ есть типъ сельскаго суда въ Финляндіи, унаслѣдованный ею отъ шведскаго законодательства. Для уѣзднаго крестьянскаго населенія Швеціи и принадлежавшаго ей финляндскаго края издавна учреждены были такъ называемые *герадскіе суды*, состоявшіе изъ одного судьи-предсѣдателя, именовавшагося *герадсгевдингомъ* и 12 присяжныхъ засѣдателей—*немдемановъ*. Герадскій судья былъ разъѣзднымъ органомъ юстиціи; онъ завѣдывалъ въ своемъ участкѣ (härad) нѣсколькими приходами и разъѣзжалъ по нимъ въ назначенные сроки для засѣданія съ присяжными, такъ что въ каждомъ приходѣ открывалось не менѣе двухъ сессій въ годъ. Существенныя черты этого стариннаго учрежденія сохранились до сихъ поръ, какъ въ Швеціи, такъ и въ Финляндіи. Герадскій судъ, или судъ участковый, хотя по типу своему и принадлежитъ къ нашему волостному суду, но отличается отъ него тѣмъ, что судъ волостной есть учрежденіе *сословное*, *крестьянское*, судъ надъ крестьянами въ маловажныхъ гражданскихъ и полицейскихъ дѣлахъ; напротивъ же, герадскіе суды суть учрежденія *общія*, *всесословныя* и судебная власть ихъ распространяется на лицъ всякаго званія и состоянія, проживающихъ въ ихъ участкѣ или подсудныхъ имъ по особеннымъ основаніямъ мѣстной подсудности. По штату 1862 года въ Финляндіи считалось болѣе 60-ти герадскихъ судовъ. Герадскій судья назначается Высочайшею грамотою изъ трехъ кандидатовъ, представляемыхъ надворными судами, а присяжные засѣдатели избираются изъ мѣстныхъ жителей; въ засѣданіи суда ихъ должно быть не менѣе пяти. Въ прежнее время отводились въ кормленіе судьѣ особыя помѣстья и усадьбы, но теперь обычай этотъ сохранился только въ нѣкоторыхъ участкахъ, а въ другихъ онъ замѣненъ денежнымъ жалованьемъ отъ казны; кромѣ того, въ пользу судьи и засѣдателей идетъ часть штрафовъ, ими назначенныхъ*). Обыкновенныя сессіи суда бываютъ два раза въ годъ: зимнія—въ періодъ времени съ конца января или начала февраля до конца апрѣля мѣсяца, а осеннія—съ первыхъ чиселъ сентября до 24 декабря. Ближайшее распредѣленіе и росписаніе ихъ зависитъ отъ самаго судьи, но онъ обязанъ заблаговременно сообщить это росписаніе въ надворный судъ для обнародованія въ общей земской газетѣ и объявить его въ церквахъ во всеобщее свѣдѣніе. Кромѣ этихъ *обыкновенныхъ* сессій открываются, въ случаѣ надобности, *чрезвычайныя* засѣданія, именно въ случаѣ совершенія важныхъ уголов-

*) Штрафы эти раздѣляются такъ: одну треть получаетъ судья, одну треть—засѣдатели, а одну треть—уѣздъ (Финлян. улож. о судѣ, гл. 32 § 3.

ныхъ преступленій въ данной мѣстности, а по гражданскимъ и маловажнымъ уголовнымъ дѣламъ, если того потребуетъ одна изъ сторонъ, принимая на себя издержки чрезвычайнаго засѣданія.

Нужно замѣтить, что періодичность сессій оказывается не совсѣмъ удобною для сельскаго населенія; поэтому, земскіе чины ходатайствуютъ объ учрежденіи постоянныхъ судовъ въ болѣе населенныхъ частяхъ края. Это желаніе тѣмъ понятнѣе, что городской судъ, есть общій, ординарный судъ первой инстанціи, завѣдывающій судебными дѣлами всѣхъ сословій въ уѣздѣ, при томъ всѣми гражданскими и уголовными дѣлами.

Въ прежнее время мѣстные дворяне имѣли право привилегированной подсудности высшимъ судамъ, но эта привилегія въ 1867 году отмѣнена, и дворянскія дѣла, какъ тяжебныя, такъ и охранительныя, переданы судамъ первой инстанціи—въ городахъ, *ратгаузскимъ*, а въ уѣздахъ—*городскимъ*. Кромѣ того, по новымъ законамъ, къ вѣдомству городскихъ судовъ отнесены: споры между владѣльцами казенныхъ земель и споры по поводу экспропріаціи, или выселенія крестьянъ съ земель помѣщиковъ; имъ же подлежатъ дѣла по опекамъ, по совершенію закладныхъ на недвижимыя имущества, по охраненію наслѣдствъ и раздѣламъ между супругами, дѣла конкурсныя и т. д.

Производство въ городскихъ судахъ опредѣляется общими правилами процесса, изложенными въ послѣднемъ отдѣлѣ финляндскаго Уложенія, съ разными позднѣйшими дополненіями и измѣненіями особенно 1868 г. Жалобы на рѣшенія городскихъ судовъ поступаютъ въ надворный судъ (Hofgericht). Дѣла ведутся на языкахъ шведскомъ и финскомъ. Отъ русскихъ людей принимаются жалобы на русскомъ языкѣ, но отсылаются въ губернское правленіе для перевода, за что положена плата по 80 пенни съ листа, отпускаемая переводчику впередъ изъ казны, но взыскиваемая потомъ съ того, съ кого будетъ присуждено вознагражденіе расходовъ по судопроизводству (см. К. Малышева, «Курсъ гражд. судопроизводства», т. III, стр. 79--81).

ГЕРБОВАЯ БУМАГА. Такъ называется бумага, снабженная государственнымъ гербомъ, на которой пишутся всѣ договоры и обязательства, а равно и все то, что подается во всѣ административныя и судебныя мѣста. Гербовая бумага установлена во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ и вошла въ употребленіе съ тѣхъ поръ, когда государства начали вводить косвенные налоги. Впервые она введена въ Нидерландахъ въ 1624 году, а во Франціи, Германіи и Россіи лишь въ XVII столѣтіи. Въ Россіи гербовая бумага введена Петромъ Великимъ (см. Актовая бумага).

ГЕРБОВЫЙ СБОРЪ есть одинъ изъ видовъ косвенныхъ налоговъ. Сборъ этотъ установленъ двоякаго рода: 1) простой: и 2) пропорціональный. т. е. по суммѣ акта. *Простой* гербовый сборъ установленъ трехъ размѣровъ: въ 60, 10 и 5 коп.; *пропорціональный*—двухъ видовъ: для актовъ и документовъ по *личнымъ* долговымъ обязательствамъ и для актовъ и документовъ по *имущественнымъ* сдѣлкамъ. Порядокъ взиманія гербоваго сбора, какъ простаго, такъ и пропорціональнаго, изложенъ въ особомъ уставѣ, подъ названіемъ: «Устава о гербовомъ сборѣ».

ГЕРБОВЫЙ УСТАВЪ. Дѣйствующій у насъ «Уставъ о гербовомъ сборѣ». Высочайше утвержденный 17 апрѣля 1874 года, въ первый разъ помѣщенъ въ Сводѣ законовъ при изданіи продолженія 1876 года и является здѣсь какъ приложеніе къ ст. 2 Устава о пошлинахъ (т. V). Съ тѣхъ поръ, послѣдовавшими въ разное время Высочайшими повелѣніями, «Гербовый уставъ» не разъ уже подвергался болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Наконецъ, 25 мая 1882 года, Уставъ этотъ вновь значительно измѣненъ и дополненъ, главнымъ образомъ, по отношенію къ тѣмъ изъятіямъ отъ платежа гербоваго сбора, какимъ пользовались до сихъ поръ разныя лица, учрежденія и общества и какими сопровождалось дѣлопроизводство въ нѣкоторыхъ правительственныхъ и другихъ учрежденіяхъ. Еще въ 1874 году, вслѣдъ за первоначальнымъ изданіемъ гербоваго устава, была образована «Особая коммиссія» для разъясненія различныхъ возникающихъ при примѣненіи его вопросовъ. Результаты работъ этой «Коммиссіи» публикуются во всеобщее свѣдѣніе и руководство, въ видѣ состоявшихся, по ея заключеніямъ, опредѣленій правит. сената, а для лицъ, подвѣдомственныхъ министерству финансовъ, въ видѣ циркуляровъ. Первыя печатаются въ «Собраніи узаконеній и распоряженій правительства», а вторыя—въ «Указателѣ правительственныхъ распоряженій по министерству финансовъ».

Для удобства пользованія «Уставомъ» и для руководства при его примѣненіи, къ нему приложенъ особый «Алфавитный перечень документовъ и актовъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ его изъятыхъ».

Уставъ о гербовомъ сборѣ, въ отношеніи кодификаціонномъ, состоитъ изъ 113 статей, раздѣленныхъ на 7 главъ, содержащія въ себѣ общія положенія, правила, трактующія о простомъ гербовомъ сборѣ, о гербовомъ сборѣ пропорціональномъ, объ изъятіяхъ отъ гербоваго сбора, о взиманіи сбора, о заготовленіи, храненіи, разсылкѣ, продажѣ и уничтоженіи гербовой бумаги и марокъ, и, наконецъ, о взысканіяхъ по нарушенію правилъ о гербовомъ сборѣ.

ГЕРБЪ есть наслѣдственная эмблема рода, страны или государства. Такимъ образомъ, гербы бываютъ двухъ родовъ: государственные и родо-

вые. Не касаясь гербовъ государственныхъ, скажемъ нѣсколько словъ о гербахъ родовыхъ, которые имѣютъ болѣе или менѣе важное значеніе въ смыслѣ права. Употребленіе *родовыхъ* гербовъ началось во время крестовыхъ походовъ: они были необходимы для отличія народовъ, полковъ и отдѣльныхъ рыцарей. Каждый гербъ состоитъ изъ щита различныхъ цвѣтовъ и эмблемы на немъ. У насъ въ Россіи основаніе геральдики, какъ науки, принадлежитъ Петру Великому. Употребленіе родоваго герба есть такое же гражданское право, какъ и употребленіе фамиліи и титула. Въ 1863 году нашъ институтъ усыновленія былъ дополненъ новымъ закономъ, касательно передачи родовыхъ гербовъ. Кромѣ усыновленія, въ нашемъ законодательствѣ установлены для дворянъ особыя правила о передачѣ гербовъ тѣмъ изъ избранныхъ ими лицъ, которымъ они желаютъ передавать ихъ фамилію и титулъ. Согласно этому новому закону, дворянинъ, неимѣющій сыновей или кровныхъ однофамильцевъ, можетъ передать свою фамилію съ *гербомъ* и титуломъ одному изъ родственниковъ или мужу родственницы, носившей ту же фамилію до замужества. Послѣдняя передача можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда мужъ родственницы принадлежитъ къ родовому или столбовому дворянству. Передача эта хотя совершается при жизни, но осуществляется лишь по смерти передатчика, и можетъ относиться только къ *лицу*, по вступленіи его въ совершеннолѣтіе, а не ко всему его *семейству*: по смерти же его, переданная фамилія съ гербомъ и титуломъ сообщается и женѣ его, и къ нисходящему потомству старшему въ родѣ. На принятіе фамиліи съ гербомъ и титуломъ требуется письменное согласіе самаго пріемщика и его родителей. Передача уничтожается, если у передатчика родятся, послѣ передачи законные сыновья. Передачею фамиліи съ гербомъ не сообщаются наслѣдственныя права. О передачѣ герба подается просьба на Высочайшее имя, затѣмъ дѣло разсматривается въ департаментѣ герольдіи правит. сената и чрезъ госуд. совѣтъ восходитъ на Высочайшее утвержденіе (см. прил. къ 57 ст. т. IX. по прод. 1864 года).

ГЕРОЛЬДІЯ есть одинъ изъ высшихъ органовъ государственнаго управленія, существующій у насъ съ первой четверти XVIII столѣтія. Петръ Великій, поставивъ себѣ задачу, чтобы каждый дворянинъ несъ государственную службу, учредилъ въ 1722 году особое высшее присутственное мѣсто, подъ названіемъ «Герольдіи», которое обязано было наблюдать за тѣмъ, «чтобы дворяне не укрывались отъ службы». Это новое учрежденіе находилось при сенатѣ, но не входило въ составъ его вѣдомства. Первоначально герольдія состояла изъ герольдмейстера, въ качествѣ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ, составлявшихъ «присутствіе». Обязанности герольдмейстера были: содержать списки всѣмъ дво-

рянамъ имперіи, управлять школами, учрежденными для обученія дворянскихъ дѣтей экономической части и порядкомъ гражданскаго дѣлопроизводства и имѣть всегда въ готовности дворянъ для замѣщенія ими открывающихся должностей, зависящихъ отъ сената. Кругъ дѣятельности герольдіи сталъ еще обширнѣе и обязанности герольдмейстера еще сложнѣе съ того времени, когда, въ 1762 году, было узаконено, что всѣ вообще дворяне съ пятнадцатилѣтняго возраста, обязаны служить въ военной или гражданской службѣ. Наблюдать за точнымъ исполненіемъ этого закона была задача не легкая, такъ какъ дворянство, считая это одною изъ тягчайшихъ повинностей, старалось всевозможными средствами уклоняться отъ этой государственной обязанности. До учрежденія герольдіи нерѣдко случалось, что дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ, подвѣдомственныхъ сенату, весьма замедлялись отъ недостатка въ способныхъ людяхъ, укрывавшихся отъ службы подъ разными предлогами. Въ предупрежденіе подобнаго неудобства высшее правительство возложило на герольдію обязанность зачислять въ свои списки дворянъ, уволенныхъ отъ военной службы и изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ для того, чтобы, въ случаѣ надобности, замѣщать ими вакантныя мѣста. Герольдія, до размѣщенія ихъ, принимала разныя мѣры, чтобы они не уклонялись отъ службы и, между прочимъ, въ извѣстное время собирала ихъ на смотръ, для чего дворяне, внесенные въ списокъ кандидатовъ, должны были являться въ Петербургъ по первому извѣщенію. Изъ являвшихся на смотръ кандидатовъ герольдія выбирала отъ 20 до 100 и болѣе человѣкъ, преимущественно изъ тѣхъ, которые имѣли достаточное состояніе, и назначала имъ постоянное мѣстопребываніе въ Петербургѣ или Москвѣ на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго они смѣнялись такимъ же числомъ другихъ кандидатовъ, по выбору герольдіи; смѣненные же отпускались по домамъ до перваго требованія. По требованію губернаторовъ герольдмейстеръ выбиралъ самъ чиновниковъ изъ числа кандидатовъ въ двойномъ количествѣ и строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы губернаторы опредѣляли ихъ къ должностямъ по достоинству и способностямъ каждого.

Съ освобожденіемъ же дворянства отъ обязательной службы, съ измѣненіемъ условій опредѣленія на службу и надзора за служащими, прежнее значеніе герольдіи и герольдмейстера должно было измѣниться. Первоначальное опредѣленіе герольдмейстера, какъ чина, «который бы дворянъ вѣдалъ и къ дѣламъ представлялъ, когда спросятъ», не примѣнялось уже къ временамъ, слѣдовавшимъ за изданіемъ «жалованной грамоты» дворянству, послѣ сосредоточенія назначеній и увольненій отъ должностей въ рукахъ министерствъ и измѣненія порядка инспекторской части. Такимъ образомъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, именно, въ

1803 г. герольдія получила новое устройство и новыя правила дѣлопроизводства и, послѣ различныхъ измѣненій, въ 1848 году она введена была въ составъ сената, въ качествѣ департамента.

Въ настоящее время департаментъ герольдіи слагается: изъ присутствія, состоящаго изъ опредѣленнаго числа сенаторовъ; герольдмейстера и канцеляріи. Герольдмейстеръ пользуется правами оберъ-прокурора, канцелярія управляется товарищами герольдмейстера, соотвѣтствующими оберъ-секретарямъ,—старшими секретарями и секретарями. При герольдмейстерѣ полагается особый завѣдующій дѣлами. Кромѣ того, при департаментѣ состоятъ: а) особое *гербовое* отдѣленіе; б) протоколистъ, регистраторъ и экзекуторъ, онъ же казначей.

Предметы вѣдомства департамента герольдіи въ настоящее время немногосложны. Его вѣдѣнію подлежатъ:

1) Дѣла о принадлежности къ *дворянскому* состоянію, а именно:

а) разсмотрѣніе правъ на дворянское достоинство и на почетные титулы;

б) выдача грамотъ, дипломовъ, свидѣтельствъ и т. п. актовъ на принадлежность какъ этихъ правъ, такъ и на Высочайше пожалованныя села и деревни;

в) дѣла по веденію списковъ дворянъ и разсмотрѣніе жалобъ на постановленія дворянскихъ депутатскихъ собраній;

г) веденіе списковъ лицамъ, лишеннымъ дворянскаго достоинства;

д) сочиненіе гербовъ и составленіе гербовника дворянскимъ родамъ;

е) дѣла о перемѣнѣ фамилій, и

ж) разсмотрѣніе и рѣшеніе подлежащихъ вѣдѣнію упраздненнаго госуд. совѣта царства польскаго о дворянствѣ и почетныхъ титулахъ.

2) Дѣла о *почетномъ гражданствѣ*:

а) разсмотрѣніе правъ на почетное гражданство, выдача дипломовъ и свидѣтельствъ на это званіе.

б) дѣла о перемѣнѣ фамилій почетныхъ гражданъ.

3) Составленіе гербовника городоваго.

4) Дѣла о *службѣ гражданской*:

а) дѣла о производствахъ въ гражданскіе чины до V класса включительно, за *выслугу* лѣтъ;

б) дѣла объ утвержденіи въ чинахъ лицъ, поступившихъ на службу съ правами на чинъ;

в) дѣла о переименованіи отставныхъ военныхъ въ гражданскіе чины и возвращеніе прежнихъ чиновъ;

г) распоряженіе о припечатаніи въ «Сенатскихъ вѣдомостяхъ» всѣхъ перемѣнъ въ отношеніи личнаго состава гражданскихъ чиновъ; изданіе адресъ-календаря.

д) составленіе и разсылка списка гражданскихъ чиновъ первыхъ четырехъ классовъ;

е) дѣла объ опредѣленіи и увольненіи нѣкоторыхъ чиновниковъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, дѣла о награжденіи пенсіями чиновниковъ, вышедшихъ въ отставку до 1-го января 1828 г.; и

ж) дѣла объ опредѣленіи, перемѣщеніи и увольненіи нѣкоторыхъ гражданскихъ чиновниковъ.

5) Пересмотръ рѣшеній бывшей герольдіи имперіи, въ случаѣ жалобъ на нихъ.

ГЕРОЛЬДЪ. Это почетное званіе, присвоенное у насъ въ Россіи одному изъ орденскихъ офиціаловъ. На основаніи 265 ст. «Статутовъ орденовъ и орденскихъ знаковъ отличія», каждый орденъ имѣетъ двухъ герольдовъ. Они носятъ крестъ своего ордена въ петлицѣ а въ праздники—особое одѣяніе, для нихъ опредѣленное. Орденскіе герольды назначаются канцлеромъ орденовъ съ Высочайшаго разрѣшенія. Они могутъ сохранять носимое ими званіе до поступленія ихъ въ IV классъ государственныхъ чиновъ: по достиженіи же этого класса, они отъ званія герольдовъ увольняются (Учр. орд. и др. знаковъ отличія, ст. 265—269. т. I св. зак.).

Титулъ *герольдъ* извѣстенъ былъ еще въ среднихъ вѣкахъ и постепенно мѣнялъ свое значеніе. Первоначально онъ возникъ въ Германіи, во время рыцарства, и присвоивался почтеннѣйшимъ лицамъ, на которыхъ лежала обязанность быть судьями на турнирахъ и соблюдать права рыцарства и турнирныхъ уставовъ. Въ герольды обыкновенно избирались благороднѣйшіе люди (Adelige), имѣвшіе какую нибудь недвижимую собственность и сдѣлавшіеся Heeralt'ами, т. е. ветеранами, прослужившими государству съ отличіемъ не менѣе десяти лѣтъ. Отсюда собственно произошло самое названіе «Herold». Главнѣйшимъ занятіемъ средневѣковыхъ герольдовъ было точное и подробное изученіе геральдики. Кромѣ турнировъ, немного позднѣе, герольды обязаны были присутствовать при коронованіяхъ, бракосочетаніяхъ и погребеніяхъ владѣтельныхъ особъ, а равно и при крещеніяхъ принцевъ и принцессъ крови. Посвященіе въ герольды производилось съ большимъ торжествомъ.

Изъ Германіи званіе герольда перешло и во Францію, гдѣ оно получило еще болѣе почетное значеніе. Первый герольдъ во Франціи получилъ названіе «короля гербовъ» (Le roi d'armes, Wappenkönig) и принялъ это званіе съ короннованіемъ и церковнымъ празднествомъ Всѣхъ герольдовъ во Франціи было обыкновенно 30. Герольды носили особый мундиръ, на которомъ вышиты были гербы того государя, которому они служили, а въ рукахъ у нихъ былъ скипетръ или жезлъ. На празднествахъ они одѣвались въ панцырь фіолетоваго или пурпурнаго цвѣта, съ тремя лиліями

спереди и сзади. При похоронахъ у нихъ была одежда со шлейфомъ, а въ рукахъ они носили суковатую палку, въ знакъ траура. Герольды, кромѣ основательнаго знанія геральдики, обязаны были еще знать науку церемоній.

Въ настоящее время, хотя герольды потеряли свое значеніе, которое они имѣли во времена рыцарства, но тѣмъ не менѣе званіе это существуетъ во всѣхъ государствахъ, при всѣхъ дворахъ и они еще и по нынѣ употребляются при извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ-то: при пріемѣ пословъ, при торжественныхъ заключеніяхъ мира, при коронаціяхъ, бракосочетаніяхъ, погребеніяхъ и т. п.

ГИЛЬДІЯ. (Guilde, maitrise, Gilde или Gulde) есть юридическій терминъ торговаго права, означающій торговый разрядъ. Терминъ «гильдія» возникъ въ XII вѣкѣ и беретъ начало въ Германіи, особенно въ Ганзѣ. Въ средніе вѣка *городскія сотоварищи* (corporationes), а равно и утвержденныя правительствомъ *общества мастеровыхъ* одного какого-либо ремесла, имѣвшихъ свой уставъ, свою казну и уполномоченныхъ заниматься исключительно и преимущественно предъ другими тѣмъ или другимъ промысломъ или ремесломъ, назывались *гильдіею*, а уставъ, которымъ управлялись эти «общества» и «соговарищества», назывался *гильдейскимъ уставомъ*. Первый «гильдейскій уставъ» данъ былъ въ Гамбургѣ, въ 1162 г. императоромъ Генрихомъ Львомъ обществу портныхъ и лавочниковъ. Ремесленники, записанные въ гильдіи назывались *гильдмейстерами*. Въ Германіи сначала терминъ «гильдія» имѣлъ равносильное значеніе съ терминомъ «цехъ»; но въ настоящее время существуетъ различіе между этими двумя терминами. Въ однихъ мѣстахъ слово *гильдія* означаетъ высшее и почетнѣйшее ремесленное общество, а въ другихъ напротивъ, званіе *гильдіи* почитаютъ низкимъ и даютъ его простымъ ремесламъ, а прочія называютъ *цехами* (см. Цехъ).

Упасъ въ Россіи существуютъ также оба термина, и «гильдія» и «цехъ», но каждый изъ нихъ имѣетъ свое особенное, рѣзко отличающееся другъ отъ друга, значеніе. *Гильдія* присвоена одному только купеческому состоянію; ремесленныя же общества носятъ названіе *цеховъ*.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *гильдіями* называются биржи, напр. въ Англіи биржи называются guilde или guildhall, а въ Польшѣ—gielda.

Въ наше законодательство терминъ *гильдія* вошелъ лишь со времени Петра Великаго. Въ царствованіи этого Великаго Преобразователя россійскаго государства нѣкоторыя дворянскія привилегіи были распространены и на сословіе *горожанъ*. Города, какъ центры промышленности и торговли, считались издавна источникомъ народнаго и государственнаго богатства. Еще въ царскую эпоху правительство принимало нѣкоторыя

мѣры къ улучшенію условій торговли и тѣмъ думало увеличить средства казны; но систематическій видъ мѣры эти приняли лишь со времени Петра, съ изданіемъ регламента коммерцъ-коллегіи, 1719 года, и регламента главному магистрату, 1721 г. Петръ Великій, во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ, убѣдился въ томъ вліяніи, какое имѣли западные города на богатство страны. Поднять русскую торговлю сдѣлалась одна изъ его главныхъ заботъ. Этой цѣли онъ думалъ достигнуть двумя способами: въ 1-хъ, правительственнымъ попеченіемъ о торговомъ флотѣ; и во 2-хъ, о купечествѣ. Съ точки зрѣнія гешальнаго монарха, попеченіе о купечествѣ должно было состоять въ лучшей его организаціи, т. е. въ обезпеченіи условій его внѣшняго устройства, въ улучшеніи торговыхъ уставовъ и устройствѣ *гильдіи* и полиціи (см. Регламентъ коммерцъ-коллегіи 1719 г. ст. 16, 17). Купечеству давались привилегіи настолько, насколько это нужно было для интересовъ торговли. Разсматривая торговый классъ, какъ средство для достиженія фискальныхъ цѣлей, Петръ Великій продолжалъ смотрѣть на городскихъ обытателей, какъ на исключительное тяглое сословіе. Промышленность и торговля являлись какъ бы нѣкоторой службой государству, принадлежность къ тяглу горожанъ считалась обязательной. Мѣры Петра для образованія промышленнаго и торговаго класса имѣли важное послѣдствіе въ томъ отношеніи, что онѣ отдѣлили сословіе городскихъ обывателей отъ жителей городскихъ вообще. Затѣмъ, всѣ горожане въ тѣснѣйшемъ смыслѣ или, такъ называемые, *регулярные горожане* раздѣлены были на двѣ *гильдіи*. Въ *первой* гильдіи должны были состоять: банкиры, знатные купцы, городскіе доктора, аптекари, шкиперы купеческихъ кораблей и «*симъ подобные, изъ которой первой гильдіи или первостатейные состоятъ и отъ другого подлаго гражданства привилегіями и преимуществъ суть отмѣнны*». Во *вторую* гильдію поступали тѣ, которые «мелочными товарами и харчевыми всякими припасами торгуютъ, рукомесленные, рѣзчики, токари, столяры, портные, сапожники и симъ подобные». По образцу западно-европейскихъ государствъ, они отдѣлялись отъ массы простаго народа, живущаго дневнымъ трудомъ. Регламентъ главнаго магистрата предписывалъ: «не числить между гражданами городскихъ жителей и шляхетство, духовенство и иностранцевъ» (гл. VII).

Законодательство Екатерины II. установляя обширное понятіе городской общины, нашло необходимымъ разграничить городскихъ обывателей, т. е. отличить городскаго обывателя вообще, настоящаго горожанина, который владѣлъ въ городѣ недвижимостью, отъ тѣхъ, которые, по правамъ своего состоянія, подводился подъ понятіе средняго рода людей. Это отличіе и выразилось въ разграниченіи городскихъ обывателей *вообще*, отъ городскихъ обывателей въ *особенности*. Послѣдніе образовали

изъ себя сословіе городскихъ обывателей. Городовое положеніе распространило между ними права не въ одинаковой степени. Привилегіи, данныя городскимъ обывателямъ, распадались на два разряда: однѣ изъ нихъ касались правъ дворянскаго состоянія, распространяемыхъ и на городскихъ обывателей, а другія относились къ производству торговли и городскихъ промысловъ. И тѣ и другія распространялись между отдѣльными группами городскихъ обывателей, по слѣдующимъ основаніямъ:

1) По объявленію капитала, съ котораго объявившій обязывался платить пошлины въ казну и тѣмъ пріобрѣталъ право на поступленіе въ гильдію.

2) По приписке къ организованному ремеслу, чрезъ что пріобрѣтались права и обязанности цеховаго.

3) По особеннымъ занятіямъ и отличіямъ, сообщавшимъ обывателю право именитаго (впослѣдствіи—почетнаго) гражданства.

4) По принадлежности къ низшему разряду городскихъ обывателей —къ посадскимъ людямъ, впослѣдствіи—мѣщанамъ.

На этихъ основаніяхъ установлено было различіе между городскими обывателями и ихъ разрядами. Лица, не объявлявшія капитала, не приписавшіяся къ цеху и не посвятившія себя особенно *почетному* занятію, составляли однообразную массу *посадскихъ*, впослѣдствіи *мѣщанъ*. Лица, не объявившія капитала, но записавшіяся въ цехи,—получили названіе цеховыхъ, а тѣ, которые объявляли капиталъ, получили названіе *купцовъ*. Лица, объявившія за собой капиталъ выше 1000 р., поступали въ одну изъ *трехъ* купеческихъ гильдій, которыя пользовались разными преимуществами, какъ по торговлѣ, такъ и по изъятію отъ дѣйствія общихъ законовъ. Размѣръ объявленнаго капитала, дававшаго право быть причисленнымъ къ той или другой гильдіи, установленъ былъ слѣдующій: 1) для записки въ *первую* гильдію должно было объявить капиталъ отъ 10 до 50 тыс. руб.; во *вторую*—отъ 5 до 10 тыс.; въ *третью*—отъ 1 до 5 тыс. Такое *трехгильдейское* купечество продолжало существовать до 1865 года, въ которомъ издано было новое «Положеніе о пошлинахъ за право торговли», на основаніи котораго прежнее дѣленіе гильдій на *три* разряда уничтожено и установлены только два разряда: *первый* и *второй*. Согласно ст. 13 «Положенія», «купеческія свидѣтельства установлены трехъ разрядовъ: *первой* гильдіи—для оптоваго торга и *второй* гильдіи —для розничнаго. По свидѣтельству 1-ой гильдіи предоставляется право производить *оптовую* торговлю во всей имперіи русскими и иностранными товарами, лично и чрезъ приказчиковъ, и содержать для сего въ городахъ и селеніяхъ конторы, склады и амбары, безъ ограниченія въ числѣ оныхъ, но съ платою установленнаго билетнаго сбора за каждое такое

РЕПУБЛИКАНСКАЯ
БИБЛІОТЕКА

заведеніе, не изъятое отъ онаго по закону; а по свидѣтельству 2-й гильдіи предоставляется право производить въ томъ уѣздѣ, на который взято свидѣтельство, *розничную* торговлю русскими и иностранными товарами изъ лавокъ или магазиновъ, а также содержать фабрики, заводы и ремесленныя заведенія (Полож. ст. 32—33). Кромѣ того *первогильдейское* свидѣтельство даетъ право принимать повсемѣстно подряды и поставки, безъ ограниченія суммы, а *второгильдейское* предоставляетъ это право въ ограниченномъ видѣ, на сумму не свыше пятнадцати тысячъ рублей (тамъ же). Вслѣдствіе различія торговыхъ правъ первой и второй гильдій, законъ установилъ различіе и въ размѣрѣ платежа пошлинъ по той и другой гильдіи: за купеческія свидѣтельства первой гильдіи взимается въ *пять* и даже *десять* разъ болѣе, чѣмъ за *свидѣтельства второй гильдіи*. За купеческія свидѣтельства 1-й гильдіи взымается повсемѣстно одна и таже плата, а за купеческія свидѣтельства 2-ой гильдіи, пошлина взимается различно въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи, которыя, въ этомъ отношеніи, раздѣляются на пять классовъ*) (пол. ст. 27). Гильдейскія свидѣтельства предоставляютъ лицамъ, ихъ взявшимъ, сверхъ правъ на торговлю, еще званіе *купеческое* и соединенныя съ онымъ *личныя* преимущества**). Но эти преимущества никогда не были наслѣдственны. Они принадлежали купцу только до тѣхъ поръ, пока онъ состоялъ въ гильдіи. Тотъ же характеръ имѣетъ гильдія и въ современномъ законодательствѣ. (См. Купечество).

ГЛАВА СЕМЕЙСТВА (Caput familiae, pater familias) есть юридическій терминъ римскаго семейнаго и русскаго торговаго права. Устройство семьи въ древнемъ Римѣ имѣло ту особенность, что основаніемъ ему была не столько родовая связь, сколько значеніе родительской власти и связаннаго съ нею родоваго, религіознаго представленія. Семья состояла изъ главы и членовъ. Моногамическая семья въ первоначальномъ римскомъ обществѣ, была тѣснымъ и замкнутымъ союзомъ. Ея основа—хозяйственная и религіозная. Каждая семья жила въ своемъ собственномъ домѣ и этотъ домъ считался общимъ домомъ всѣхъ членовъ семьи, гдѣ каждый изъ нихъ находился въ наибольшей безопасности. Домашній очагъ былъ средоточіемъ фамильной религіи: тамъ были алтари, жертвен-

*) На основаніи «Росписи о пошлинахъ за свидѣтельства 1-ой и 2-ой гильдіи (прил. къ 27 ст. пол. о пош. на право тор.) за свидѣтельство 1-ой гильдіи полагается повсемѣстно 265 р., а за свидѣтельство 2-ой гильдіи—отъ 25 до 65 р, смотря по классу мѣстности. Въ такой же пропорціональности взымаются и дополнительные сборы съ той и другой гильдіи.

**) Преимущества купцовъ въ порядкѣ службы, податей и повинностей, натуральныхъ и денежныхъ, и суда въ дѣлахъ уголовныхъ, опредѣляются въ законахъ о состояніяхъ и въ другихъ уставахъ, по принадлежности (пол. ст. 85.)

ники и пенаты, тамъ совершались таинства, поклоненія богамъ, тамъ отправляли и богослуженіе. Семейный домъ считался убѣжищемъ настолько священнымъ и неприкосновеннымъ, что всякое нарушеніе его покоя было равносильно нарушенію закона. Поэтому, всякое насиліе надъ гражданиномъ въ его домѣ, хотя бы съ цѣлью привода его въ судъ, строго воспрещалось. По римскому праву «главою семьи» являлся только *отецъ*, но не *мать*. Римская семья представляла ту фазу, въ которой главенство матери смѣнялось главенствомъ отца и счетъ родства по женской линіи, смѣнялся счетомъ родства по мужской линіи. Отецъ, какъ глава семьи былъ домовладыкою. Власть домовладыки внутри семейства признана была безусловною и самимъ государствомъ, которое воздержалось отъ всякаго вмѣшательства въ распорядокъ внутренней семейной жизни. Это отношеніе государства къ семьѣ выразилось въ юридическомъ формулированіи личной власти главы семейства. Въ качествѣ члена государства выступалъ, главнымъ образомъ, одинъ домовладыка, а въ частной сферѣ одинъ онъ покрывалъ вполнѣ своею личностью остальныхъ членовъ семьи. Онъ—господинъ своей жены (manus mariti), властитель надъ дѣтьми (patria potestas) и кабальными (mancipium), не говоря о рабахъ, которые считались за одно съ вещами. Со смертью домовладыки, его сыновья, становясь свободными и самостоятельными, сами стали домовладыками, хотя-бы и не были еще женаты, и не имѣли бы еще потомства. Женщина же, теряя своего отца или мужа, переходила подъ власть ближайшихъ домочадцевъ (агнатовъ) но она не могла быть свободною и находилась подъ постояннною опекою. Независимо отъ какого-либо государственнаго авторитета домовладыка могъ распорядиться жизніею и свободою каждаго подвластнаго ему лица. На юридическомъ языкѣ это право выражалось такъ: «глава семьи, по отношенію къ подвластному, имѣлъ право жизни и смерти (jus vitae ac necis), право продажи (jus vendendi) и право отдачи въ кабалу, т. е. въ заработокъ, за преступленія и проступки*). *Глава семейства* (pater familias) былъ единственнымъ въ семьѣ лицомъ, независимымъ отъ посторонней власти (persona sui juris). Онъ одинъ

*) Впрочемъ, не смотря на полную независимость домовладыки отъ государственной власти, не смотря на то, что государственный судъ вовсе не вѣдаетъ семейныхъ отношеній, глава семьи, будучи безусловнымъ властителемъ надъ своими подчиненными, самъ долженъ былъ подчиняться иному авторитету, помимо государственнаго. Этотъ авторитетъ былъ *родственный совѣтъ*. Обычаи и нравы образовали власть домовладыки, но они же и направляли ее въ ея проявленіяхъ. Подъ ихъ вліяніемъ она являлась не суровою, но мягкою, въ той степени, какъ это требовалось воззрѣніями и чувствами даннаго времени. Представителями такого контроля и его органами, являлись родственники домовладыки. Безъ совѣта съ ними онъ не предпринималъ ни одного важнаго дѣйствія.

являлся въ качествѣ полноправнаго члена гражданскаго общества и лишь онъ одинъ могъ имѣть гражданскія права. Подвластныя же лица (persona alieni juris) не пріобрѣтали ничего для себя: все, пріобрѣтенное ими, принадлежало домовладыкѣ. Правда, и подвластные не были лишены возможности совершенія юридическихъ сдѣлокъ, но сила ихъ сдѣлокъ относилась не къ нимъ, а къ ихъ властелину; сдѣлка, совершенная ими рождала права и обязанности не для нихъ, а для ихъ властелина. Такимъ образомъ, своеобразная сторона, въ юридическомъ отношеніи, подвластныхъ членовъ римской семьи состояла въ томъ, что, не обладая *правоспособностью*, они владѣли *дѣеспособностью*. Сынъ, рабъ, кабальный участвовали въ гражданскомъ оборотѣ отъ имени своего домовладыки. Они пріобрѣли для *него* права даже безъ *его* вѣдома и согласія; напротивъ, обязательства подвластныхъ устанавливались не иначе, какъ съ его согласія. Поэтому, напр. принять наслѣдство сынъ или рабъ могли только съ согласія домовладыки. Было въ обыкновеніи, что домовладыка дозволялъ своимъ домочадцамъ имѣть особое имущество, пріобрѣтенное ими самими, или выдѣленное имъ изъ его собственнаго имущества. Юридически такое имущество, извѣстное подъ именемъ *пекулія* (peculium), составляло собственность домовладыки; но фактически на него смотрѣли, какъ на нѣчто обособленное (см. С. Муромцева, «Гражданское право древняго Рима», стр. 24—27).

Какъ терминъ русскаго торговаго права *глава семейства* занимаетъ видное мѣсто въ сферѣ этого права. Въ нашемъ торговомъ правѣ терминъ «глава семейства» часто замѣняется терминомъ «начальникъ семейства». Купеческій капиталъ обыкновенно объявляется отъ одного лица, которое считается *главою* или *начальникомъ* купеческой семьи. Съ нимъ вмѣстѣ его купеческими правами пользуются и лица, принадлежащія къ семейству, пока оно не раздѣлилось. Но право это предоставлено не всѣмъ лицамъ семьи, а только извѣстнымъ, въ законахъ перечисленнымъ. Такъ, при отцѣ могутъ быть внесены въ одно свидѣтельство ихъ сыновья, незамужнія дочери, усыновленные пріемыши, и внуки отъ сына, если онъ не ведетъ особой торговли. При братѣ, *начальникѣ семейства*, могутъ числиться незамужнія сестры. При вотчимѣ могутъ числиться пасынки до совершеннолѣтія и падчерицы до замужества. (Полож. о правѣ торг. ст. 72—79). Всѣ причисленные къ свидѣтельству *главы семейства*, не имѣютъ самостоятельнаго торговаго права и кредита, но торгуютъ и кредитуются лишь по довѣренности отъ начальника семейства (ст. 73). По достиженіи совершеннолѣтія, сынъ или дочь могутъ взять свидѣтельство на свое имя, и тогда торгуютъ на свой кредитъ и на свою отвѣтственность, изъ капитала отдѣльно пріобрѣтеннаго. Члены семьи, выступившіе изъ

купеческаго свидѣтельства главы семейства, могутъ, впослѣдствіи, прекращая отдѣльную торговлю, возвращаться къ семейному капиталу (Сбор. рѣш. сената, т. I № 79).

Въ судебной практикѣ возникъ весьма важный вопросъ по поводу капитала главы семейства. Вопросъ этотъ состоялъ въ томъ: имѣетъ-ли семейственный капиталъ, къ которому приписаны члены торгующаго семейства, значеніе семейнаго имущества, принадлежащаго всѣмъ лицамъ, къ нему приписаннымъ, и даетъ-ли одна эта приписка кому-либо изъ приписанныхъ лицъ, или наслѣдникамъ его, право требовать выдѣла соотвѣтственной части капитала, по прекращеніи семейнаго торговаго единства? Гражданскій касс. деп. правит. сената разрѣшилъ этотъ вопросъ *отрицательно*, высказавъ при этомъ слѣдующія соображенія: Статьи 35—51 уст. торг. относятся только къ опредѣленію правъ состоянія и торговли, а не правъ по имуществу; что распоряженіе такимъ капиталомъ, по силѣ 43, 44, 49, 51 и 52 ст. того же устава, принадлежитъ исключительно *главѣ семейства;* установленіе же иныхъ отношеній можетъ послѣдовать, согласно 759 ст. устава торговаго, лишь по договору, о товариществѣ, а по силѣ 51 и 52 ст. устава торг. и 73 ст. полож. 9 февраля 1865 года о торговыхъ пошлинахъ, при неплатежѣ отдѣльныхъ долговъ каждаго изъ членовъ, приписанныхъ къ капиталу, взысканіе не можетъ быть обращено на оный, если въ долгѣ не участвовалъ начальникъ семейства». Слѣдовательно, въ раздѣлѣ семейнаго капитала могутъ участвовать лишь участники общей торговли.

ГЛАВНАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ КВАРТИРА есть особое учрежденіе, состоящее при Особѣ Его Величества. Такъ какъ, по 1 ст. Полож. о воен. министр., командованіе арміею сосредоточено въ рукахъ Государя Императора, который есть главноначальствующій арміею, то при Немъ состоитъ учрежденіе, предназначенное для принятія Его личныхъ приказаній или для исполненія при Немъ извѣстныхъ спеціальныхъ обязанностей. Императорскую главную квартиру составляютъ: генералъ-адъютанты, генералъ-маіоры и флигель-адъютанты. Завѣдываніе императорскою квартирою ввѣряется особому командующему и состоящимъ при немъ чинамъ (Пол. о воен. мин. ст. 2, 29 и слѣд.). Въ 1884 году кругъ обязанностей главной квартиры расширенъ новою дѣятельностью, а именно: на командующаго главною квартирою возложена обязанность принятія и направленія приносимыхъ на Высочайшее имя прошеній и жалобъ,—обязанность, лежавшая прежде на особомъ учрежденіи, подъ названіемъ: «Коммиссіи прошеній», нынѣ уже упраздненной.

ГЛАВНОЕ АРТИЛЛЕРІЙСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ есть учрежденіе, завѣдывающее частями: инспекторскою, ученою, учебною и хозяйствен-

ною всего артиллерійскаго вѣдомства. Оно находится подъ начальствомъ генералъ-фельдцехмейстера, при коемъ имѣется товарищъ. При немъ состоятъ: артиллерійскій ученый комитетъ, академія и училище; вѣдомства: арсенальное, пороховое, оружейное и патронное.

ГЛАВНОЕ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ есть высшее учрежденіе, завѣдывающее медицинскою частью военнаго вѣдомства. При немъ состоятъ: военно-медицинскій ученый комитетъ и медико-хирургическая академія.

ГЛАВНОЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ СУДНОЕ УПРАВЛЕНІЕ есть судебное установленіе, состоящее подъ начальствомъ главнаго морскаго прокурора. Оно состоитъ изъ товарища главнаго морскаго прокурора, дѣлопроизводителей и оберъ-аудитора.

ГЛАВНОЕ ВОЕННО-СУДНОЕ УПРАВЛЕНІЕ есть учрежденіе, представляющее нѣчто въ родѣ военнаго министерства юстиціи. Оно состоитъ подъ начальствомъ главнаго военнаго прокурора и завѣдуетъ всей прокуратурою и всѣми судьями.

ГЛАВНОЕ ИНЖЕНЕРНОЕ УПРАВЛЕНІЕ есть установленіе, завѣдывающее устройствомъ крѣпостей, воинскихъ зданій, ихъ поддерживаніемъ и т. д. При управленіи состоятъ: инженерный ученый комитетъ, николаевская инженерная академія и николаевское инженерное училище. Оно находится подъ управленіемъ генералъ-инспектора по инженерной части.

ГЛАВНОЕ ИНТЕНДАНТСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ есть высшее установленіе, наблюдающее за снабженіемъ арміи всѣмъ нужнымъ по части продовольствія и обмундированія. При немъ находятся: спеціальный комитетъ для разрѣшенія спеціально относящихся къ этой части вопросовъ и музеумъ образцовыхъ продуктовъ, хлѣба, крупъ, и т. д. Оно состоитъ въ вѣдѣніи главнаго интенданта.

ГЛАВНОЕ КАЗНАЧЕЙСТВО есть учрежденіе министерства финансовъ, на которое возложено: пріемъ, храненіе, отпускъ и счетоводство суммъ на расходы, производимые по общему государственному управленію. Главное казначейство находится въ вѣдѣніи управляющаго, его помощника, и состоитъ изъ главнаго казначея, главнаго бухгалтера и прочихъ должностныхъ лицъ.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ есть учрежденіе, завѣдывающее всѣми военно-учебными заведеніями, кромѣ тѣхъ, которыя находятся при полкахъ для солдатъ, потому что эти послѣднія находятся въ вѣдѣніи полковаго управленія. При управленіи находится главный военно-учебный комитетъ, для содѣйствія лучшему развитію военно-учебныхъ заведеній.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО КОНОЗАВОДСТВА есть высшее учрежденіе, завѣдывающее государственными конскими заводами, и несетъ заботу о развитіи и улучшеніи конозаводства въ имперіи. Управленію подчинены: конюшни заводскихъ лошадей, аукціонныя конюшни, общество для испытанія лошадей, учреждаемые въ разныхъ мѣстахъ скачки, бѣги, выставка лошадей и испытанія ихъ. До 1874 года управленіе конозаводствомъ составляло особенное, самостоятельное вѣдомство; но съ 1874 года оно подчинено министру государственныхъ имуществъ. При министерствѣ состоитъ «Совѣтъ», образованный на коллегіальныхъ началахъ, который разсматриваетъ всѣ дѣла, относящіяся до конозаводства. Въ «Совѣтѣ» участвуютъ всѣ завѣдывающіе конозаводскими округами въ Россіи. Главное управленіе имѣетъ свою особую канцелярію.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ИРРЕГУЛЯРНЫХЪ ВОЙСКЪ есть учрежденіе, завѣдывающее войсками, не входящими въ составъ арміи, т. е. казачьими войсками.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ПО ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ, см. Цензура.

ГЛАВНОЕ ТЮРЕМНОЕ УПРАВЛЕНІЕ есть высшее установленіе, которому ввѣрено завѣдываніе тюремною частью гражданскаго вѣдомства. Функціи по дѣламъ этого рода раздѣляются между собою главнымъ управленіемъ и совѣтомъ. Такимъ образомъ, установленіе это заключаетъ въ себѣ два учрежденія: 1-е—главное тюремное управленіе, въ собственномъ смыслѣ, и 2-е—совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ.

Главное тюремное учрежденіе образовано въ 1879 году и вошло въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Главное управленіе составляютъ: начальникъ управленія, его помощникъ, шесть инспекторовъ двухъ разрядовъ и чины канцеляріи. Начальникъ управленія назначается Высочайшею властью и завѣдуетъ всѣми мѣстами заключенія, исправительными пріютами и арестантскою пересыльною частью. Всѣ распорядительныя мѣры, для дѣйствія законовъ по тюремной части, онъ принимаетъ собственною властью. Помощникъ и инспекторы состоятъ въ непосредственномъ его распоряженіи. О значеніи совѣта и о кругѣ его дѣятельности, см. Совѣтъ, по тюремнымъ дѣламъ.

ГЛАВНЫЙ АРХИВЪ есть учрежденіе, гдѣ хранятся дѣла, производившіяся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Онъ состоитъ при томъ же министерствѣ и раздѣляется на московскій и петербургскій: въ первомъ хранятся дѣла до 1801 года, а въ послѣднемъ—съ 1801 г. по настоящее время. Управленіе московскимъ главнымъ архивомъ ввѣрено особому директору, а управленіе петербургскимъ—соединено подъ управленіемъ одного директора съ государственнымъ архивомъ.

ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ СУДЪ. Судебная часть военнаго вѣдомства преобразована въ 1867 году, примѣнительно къ судебнымъ уставамъ 1864 года по скольку начала общихъ судебныхъ установленій согласны съ условіями воинской дисциплины. Роль главнаго военнаго суда двоякая: во 1-хъ, онъ является судебнымъ установленіемъ въ качествѣ главнаго военнаго кассаціоннаго суда; во 2-хъ, роль его законодательная, потому что онъ разсматриваетъ вопросы, касающіеся общаго устройства военныхъ судовъ.

ГЛАВНЫЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ СУДЪ есть высшее судебное учрежденіе для разбирательства жалобъ и протестовъ на приговоры морскихъ судовъ; ему же предоставлено обсужденіе законодательныхъ вопросовъ по военно-морской судной части. Судъ этотъ учрежденъ съ преобразованіемъ судебной части по морскому вѣдомству. При Главномъ судѣ состоитъ главный морской прокуроръ.

ГЛАВНЫЙ ШТАБЪ есть высшее военное установленіе, образованное изъ двухъ, прежде различныхъ учрежденій—инспекторскаго департамента и генеральнаго штаба. Инспекторскій департаментъ завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ по назначенію на военныя должности и по движенію по службѣ военныхъ чиновъ. Генеральный штабъ разрѣшалъ вопросы о расквартированіи арміи, о сформированіи арміи, о съемкѣ картъ и т. п. Оба эти учрежденія въ настоящее время соединены въ одно, подъ названіемъ «Главнаго штаба». Въ немъ сосредоточены: 1) дѣла по личному составу и комплектованію войскъ; и 2) дѣла по устройству, службѣ, дислокаціи (размѣщеніи), образованію и хозяйству войскъ. Въ виду такихъ обширныхъ задачъ, въ немъ сосредоточиваются полныя свѣдѣнія о войскахъ, какъ въ общемъ составѣ, такъ и въ каждой изъ составныхъ частей. На штабъ возлагается завѣдываніе геодезическими работами: составленіе картъ, плановъ, военно-статистическихъ описаній мѣстностей въ военномъ отношеніи и т. д. Штабъ находится подъ вѣдѣніемъ начальника главнаго штаба и состоитъ изъ 6 ти отдѣленій, канцеляріи съ бухгалтерскою частью и нѣкоторыхъ другихъ частей, въ числѣ коихъ главное мѣсто занимаетъ: а) военно-топографическій отдѣлъ, для завѣдыванія астрономическими, геодезическими, топографическими и картографическими работами военнаго вѣдомства; б) военно-ученый комитетъ для направленія ученой дѣятельности генеральнаго штаба, корпуса топографовъ; в) управленіепо передвиженію войскъ. Наконецъ, при главномъ штабѣ состоятъ: 1) корпусы: а) офицеровъ генеральнаго штаба, б) военныхъ топографовъ и в) фельдъегерскій; и 2) николаевская академія генеральнаго штаба.

ГЛАВНЫЕ ВИНОВНИКИ. Юридическій терминъ уголовнаго права. Преступленіе очень часто бываетъ дѣломъ не одного лица, а нѣсколькихъ. Въ этомъ соединеніи нѣсколькихъ лицъ роли ихъ рѣдко бываютъ одинаковыя, а, по большей части, различнаго качества и значенія. Естественно, что различная степень участія должна вести и къ различной степени наказанія. Нѣкоторыя законодательства, какъ напр. французское, бельгійское и др., вовсе не знаютъ раздѣленія участниковъ на разряды: сообщники подвергаются тѣмъ же наказаніямъ, какъ и совершившіе самое преступленіе. Но такая система, *во-первыхъ*, противна справедливости, потому что различныя степени безнравственности наказываются одинаково; а *во-вторыхъ*, она вредна въ практическомъ отношеніи: ею устанавливается то равенство между участниками преступленія, котораго именно добиваются главные злодѣи, приковывая этимъ къ себѣ тѣхъ, которые, хотя и отдаленно, помогали имъ. Поэтому, большая часть законодательствъ дѣлитъ участниковъ преступленія на нѣсколько группъ. Такъ, напр.: англійское дѣлитъ ихъ на *главныхъ* и *побочныхъ*, *первостепенныхъ* или исполнителей и *второстепенныхъ*; австрійскій и прусскій кодексы раздѣляютъ ихъ на *прямыхъ* и *косвенныхъ*, *непосредственныхъ* и *посредственныхъ*, а ученые различаютъ еще участниковъ *матеріальныхъ* и *моральныхъ* и т. д. Но наше уголовное право положило себѣ *особую* систему дѣленія *участниковъ* преступленія на группы и выработало для каждой изъ этихъ группъ слѣдующіе термины: главные виновники, участники, зачинщики, сообщники, подговорщики или подстрекатели, пособники, попустители и укрыватели (улож. о наказ. ст. 12—15). Такимъ образомъ, во главѣ всѣхъ группъ стоитъ группа—*главныхъ виновниковъ*. По ст. 12 Уложенія «главными виновниками признаются: *во-первыхъ*, распоряжавшіеся и управлявшіе дѣйствіями другихъ; и *во-вторыхъ*, приступившіе къ дѣйствіямъ прежде другихъ при самомъ ихъ началѣ, или же непосредственно совершившіе преступленіе».

Уголовный кассаціонный департаментъ сената далъ по поводу *главныхъ виновниковъ* слѣдующія разъясненія: что главными виновниками признаются лица, распоряжавшіяся дѣйствіями другихъ, хотя бы непосредственно и не прилагали къ нимъ руку (№ 152—1872 г.); что всѣ, непосредственно участвовавшіе въ самомъ преступленіи должны быть признаваемы *главными виновниками*, хотя бы ни одинъ изъ нихъ не распоряжался дѣйствіями другихъ (№ 904—1869 г., № 454—1871 г. и № 1167 того же года). Вопросъ о томъ принадлежитъ-ли обвиняемый къ группѣ *главныхъ виновниковъ*, или къ другой группѣ участниковъ—разрѣшается присяжными засѣдателями (№ 1123—1871 г.). Главнымъ ви-

новнымъ полагается высшая мѣра наказанія за преступленіе положеннаго (см. Участіе въ преступленіи).

ГЛАСНОСТЬ СУДОПРОИЗВОДСТВА*). Право заинтересованныхъ и постороннихъ суду лицъ присутствовать при производствѣ дѣла сообщаетъ процессу качество *гласности*. Законъ называетъ гласность судебнаго разбирательства также и другими терминами, какъ-то: «открытымъ разборомъ», «открытіемъ дверей суда» и «публичностью» (Уст. уголов. судопр. ст. 89, 620—624); но всѣ эти термины выражаютъ одно и то же понятіе: устраненіе канцелярской тайны и гласное производство дѣла, въ присутствіи сторонъ и публики.

Гласность судопроизводства, какъ на Западѣ Европы, такъ и у насъ въ Россіи, введена въ законодательства новѣйшихъ временъ; но, въ сущности, гласность не есть продуктъ новаго времени, а только повтореніе стараго, возвращеніе къ порядку судопроизводства давно минувшихъ дней. Въ эпоху народовластія, судебное производство отправлялось *гласно*, на виду всѣхъ. Дѣламъ, въ рѣшеніи которыхъ принималъ участіе весь народъ, отъ исхода которыхъ зависѣли благосостояніе, жизнь, честь и свобода гражданъ, сообщалось наиболѣе торжественности. Дни суда были напередъ извѣстны, и къ нимъ обыкновенно стекались массы зрителей. Съ развитіемъ розыска и съ устраненіемъ народнаго элемента изъ суда, гласность разбирательства мало по малу смѣнялась порядкомъ канцелярской тайны. Двери суда закрылись для публики, судъ началъ отправлять свою дѣятельность въ четырехъ стѣнахъ, и только результаты судебнаго разбирательства, т. е. рѣшенія по дѣламъ гражданскимъ и приговоры по дѣламъ уголовнымъ, оповѣщались гласно. Такой порядокъ судопроизводства существовалъ въ теченіи многихъ вѣковъ и продолжался до тѣхъ поръ, пока цивилизація—этотъ всесильный двигатель жизни народовъ—не сослужила службу и въ пользу угнетеннаго правосудія. Какъ только истинная цивилизація проникала въ какое-либо государство, тотчасъ таинственность процесса признана была формою несоотвѣтствующею ни природѣ процесса, ни цѣлямъ, ни условіямъ надлежащаго отправленія правосудія; а такъ какъ въ Западно-европейскія государства и Сѣверо-аме-

*) Главнѣйшія литературныя произведенія о гласности судебной, слѣдующія: иностранныя. Mittermaier, «Mündlichkeit, Oeffentlichkeit und Anklage princip», s. 123; Renaud, § 81, Feuerbach, „Betrachtungen über die Oeffentlichkeit und Mündlichkeit der Gerechtigkeitspflege": Bentham, Holtzendoff's Handbuch, II § 16; Ullman, Glaser, Helie и т. д.; русскія: „Курсъ граж. суд." т. I, стр. 347, К. Малышева; „Курсъ угол. суд." И. Фойницкаго, т. I стр. 89—122; «Судебное слѣдствіе», Арсеньева, стр. 1—27; «Русское угол. суд.» Чебышева-Дмитріева, стр. 559 и слѣд.; Неклюдова, «Руководство» 2 изд., стр. 403, и слѣд. Побѣдоносцева, «Руководство», § 371 и слѣд., «О закрытіи дверей», Судеб. Вѣст. 1866 г. № 7 и нѣк. др.

риканские соединенные штаты цивилизація проникла раньше, чѣмъ къ намъ въ Россію, то, весьма естественно, что эти государства признали *гласность* судопроизводства необходимымъ атрибутомъ правосудія гораздо ранѣе, чѣмъ россіяне.

Гласность судебнаго разбирательства есть одна изъ самыхъ лучшихъ гарантій правильности судебнаго производства. Дѣйствуя на глазахъ всѣхъ, судъ имѣетъ сильныя побужденія отнестись къ дѣлу съ наибольшимъ вниманіемъ и поступать такъ, чтобы не встрѣтить заслуженныхъ порицаній со стороны общества. Гласность суда поддерживаетъ въ судьяхъ живое отношеніе къ дѣламъ и препятствуетъ образованію той мертвенности и рутины въ дѣлопроизводствѣ, которыя развиваются при порядкѣ канцелярской тайны. Благодаря гласности сохраняется постоянный обмѣнъ мнѣній между судьями и остальнымъ обществомъ, вслѣдствіе чего юстиція не утрачиваетъ связи съ жизнію. «Для гражданъ,—по мѣткому выраженію Бентама,—не столько важно имѣть судъ, изрекающій безусловную истину, сколько быть убѣжденными въ томъ, что ихъ судъ правъ и хорошъ» А это общественное убѣжденіе въ достоинствѣ суда возможно подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы каждый шагъ судебной дѣятельности былъ извѣстенъ обществу. Въ дѣлахъ же *уголовныхъ* гласность суда еще гораздо важнѣе, чѣмъ въ дѣлахъ *гражданскихъ*. Гласность уголовнаго судебнаго разбирательства составляетъ одну изъ общепризнанныхъ аксіомъ. Она предполагаетъ не только гласность сторонъ, но и гласность общую. Каждое частное лицо имѣетъ право знать все, что происходитъ въ судѣ уголовномъ. Это право можетъ быть осуществляемо имъ или въ формѣ непосредственнаго присутствія въ залѣ засѣданія, двери котораго открыты для каждаго, или посредствомъ ознакомленія съ дѣломъ изъ различныхъ органовъ печати, свободно помѣщающихъ на своихъ столбцахъ все, происходящее на судѣ. Отступленія отъ гласности могутъ быть допущены лишь въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ. для огражденія общественной нравственности и безопасности. Главнѣйшіе пороки, разъѣдающіе юстицію (взяточничество, пристрастіе и т. п.) совпадали съ тѣми историческими эпохами, когда отправленіе правосудія пряталось въ четырехъ стѣнахъ.

Наше прежнее судопроизводство, какъ гражданское. такъ и уголовное, было тайное: судъ былъ закрытъ не только для постороннихъ лицъ, но и для самихъ сторонъ. Только по введеніи судебной реформы гласность стала необходимою принадлежностью не только новыхъ судовъ, но и старыхъ, и двери суда открывались для публики (Правила 11 октября въ 1865 г. ст. 42).

Гласность судопроизводства, смотря по отношению къ разсматриваемому дѣлу тѣхъ лицъ, которымъ обезпечивается право присутствія при производствѣ его, раздѣляется на *общую* и *частную* или на гласность *публичную* и гласность *сторонъ*. Общая или публичная гласность имѣетъ мѣсто, если присутствіе на судѣ дозволено всѣмъ желающимъ, а гласность частная или гласность сторонъ есть право присутствіе на судѣ лишь тѣхъ лицъ, которыя участвуютъ въ дѣлѣ въ качествѣ сторонъ. Общая же гласность, въ свою очередь, бываетъ: посредственная и непосредственная, полная и ограниченная. При *посредственной* гласности, право это предоставляется лишь нѣкоторымъ, особо для того избраннымъ представителямъ общества, а при *непосредственной*,—каждый гражданинъ можетъ присутствовать на судѣ. *Полною* гласностью называется такая, когда весь судебный процессъ, отъ начала до конца, производится публично, при открытыхъ дверяхъ и въ присутствіи постороннихъ слушателей; если же нѣкоторыя стадіи производства не допускаютъ присутствія постороннихъ зрителей, то такая гласность называется *ограниченною*. Общая гласность, помимо права личнаго присутствія въ судебномъ засѣданіи, предполагаетъ еще право оглашенія и обсужденія въ *печати* происходящаго на судѣ. Такая гласность обнародованія, въ свою очередь, можетъ быть допускаема въ различномъ объемѣ, особенно въ процессахъ уголовныхъ: оглашенію можетъ подлежать или производство по дѣлу въ полномъ объемѣ, или нѣкорыя части производства, или, наконецъ, одинъ только приговоръ.

Такъ какъ весь механизмъ суда раздѣленъ на двѣ части: на *гражданскую и уголовную*, то гласность судебная должна быть разсматриваема съ двухъ сторонъ: со стороны гражданской тяжбы и со стороны уголовнаго процесса.

Гласность *гражданскаю* судопроизводства есть такое устройство его, при которомъ разные акты производства доступны для обозрѣнія заинтересованнымъ лицамъ. Такое устройство даетъ возможность каждой заинтересованной сторонѣ, изучивъ доказательства и возраженія противной стороны и обнявъ все дѣлопроизводство въ совокупности, вооружаться тѣми аргументами, которые могутъ опровергать доводы своего противника. По ст. 13 уст. гражд. суд. «при *всѣхъ дѣйствіяхъ* судебныхъ установленій по производству гражданскихъ дѣлъ, за исключеніемъ случаевъ положительно въ законѣ указанныхъ, допускается присутствіе тяжущихся и постороннихъ лицъ». По точному смыслу этой статьи, не только судебныя засѣданія, но и *всѣ дѣйствія* судебныхъ установленій по производству гражданскихъ дѣлъ должны совершаться гласно, открыто для всѣхъ. Эта статья именно и содержитъ въ себѣ всю новизну нашей

судебной реформы: въ ней заключаются главныя начала гласности, устности и состязательнаго процесса. Основанія, принятыя при установленіи этихъ *главныхъ началъ*, состояли въ слѣдующемъ: «Канцелярская тайна въ судахъ по гражданскимъ дѣламъ составляетъ ни что иное, какъ одно изъ послѣдствій неумѣстнаго введенія *слѣдственнаго* процесса въ гражданскія дѣла; но вовсе не оправдывается необходимостью или пользою и служитъ весьма часто средствомъ къ прикрытію различныхъ злоупотребленій. Въ ней заключается зародышъ преобладанія формализма и неумѣреннаго употребленія переписки. Поэтому, признано необходимымъ, чтобы при докладѣ дѣла и при *всякомъ* дѣйствіи суда, относящемся до повѣрки доказательствъ, имѣли право присутствовать не только тяжущіеся, но и другія посторонніе лица. Принятіе этого правила имѣетъ слѣдующія полезныя послѣдствія:

1) Ограниченія пристрастія и произвола судей, вслѣдствіе окончательнаго уничтоженія въ судахъ канцелярской тайны, такъ какъ при секретномъ производствѣ дѣла, они имѣютъ возможность скрыть самыя обстоятельства дѣла и дать, такимъ образомъ, пристрастію видъ законности.

2) Побужденіе судей къ основательному изученію тяжбы, подлежащей ихъ разрѣшенію.

3) Возможность посторонними лицамъ изучить практически ходъ дѣла и впослѣдствіи быть полезными правительству» (см. мотивы къ ст. 13 уст. гражд. суд.).

Такимъ образомъ, гласность *гражданской* тяжбы есть существенная гарантія правосудія. Она предупреждаетъ кляузы, поддерживаетъ правую сторону и, открывая заинтересованнымъ лицамъ возможность постояннаго наблюденія за ходомъ производства, возбуждаетъ энергію должностныхъ лицъ, бросаетъ свѣтъ какъ на даровитыя и честныя натуры, такъ и на бездарность и пороки, поднимаетъ нравственный уровень судебнаго міра, развиваетъ въ немъ чувство законности, достоинства и приличія и усиливаетъ довѣріе общества къ суду*).

Нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства, подобно многимъ уставамъ западныхъ законодательствъ, допускаетъ нѣкоторыя *исключенія* изъ общаго правила о гласности всѣхъ дѣйствій по гражданскому судопроизводству. Эти исключенія основаны частью на вниманіи къ интересамъ самихъ тяжущихся, частью же на соображеніяхъ общественной пользы. Сами тяжущіеся иногда имѣютъ уважительный интересъ въ томъ, чтобы споръ ихъ между собою остался неизвѣстнымъ постороннему

*) См. «Курсъ граж. судопроизводства», К. Малышева, т. I, ст. 347—384.

міру. Такъ, напр. въ спорахъ между товарищами торговаго дома могутъ раскрываться на судѣ коммерческія тайны, техническіе секреты промышленности и т. п. Вотъ почему судебныя засѣданія могутъ происходить при закрытыхъ дверяхъ, когда обѣ стороны просятъ объ этомъ и судъ признаетъ просьбу ихъ заслуживающею уваженія (уст. граж. суд. ст. 326). Впрочемъ, стороны не имѣютъ безусловнаго права устранять гласность суда по взаимному соглашенію, но законъ даетъ суду право принимать въ уваженіе ихъ законные интересы въ сохраненіи тайны. Кромѣ того, гласность можетъ быть ограничена и по соображеніямъ общественной пользы, если, по особому свойству дѣла, публичность засѣданія могла бы быть предосудительна для религіи, общественнаго, порядка или нравственности. Въ такихъ случаяхъ, судъ, по собственному усмотрѣнію или по требованію прокурора, можетъ постановить, чтобы засѣданіе было при закрытыхъ дверяхъ, хотя, конечно, и при этой мѣрѣ, близкіе родственники той и другой стороны, могутъ быть допущены присутствовать въ засѣданіи.

Нужно замѣтить, что по нѣкоторымъ уставамъ западныхъ законодательствъ, какъ, напр. баварскаго, гановерскаго и друг. допускается вообще только *ограниченіе*, а не совершенное *устраненіе* публичности. и судъ имѣетъ только право, а не обязанъ непремѣнно допускать ограниченія ея. Распоряженіе суда о полномъ устраненіи публичности или даже объ ограниченіи ея не должно исходить отъ одного предсѣдателя, а отъ цѣлой коллегіи суда: оно объявляется публично и записывается въ журналъ засѣданія (уст. гр. суд. ст. 325). Гласность судебнаго засѣданія можетъ быть ограничена или совсѣмъ устранена одною властью предсѣдателя или первоприсутствующаго лишь только въ одномъ случаѣ, когда въ засѣданіи суда произведенъ будетъ безпорядокъ многими присутствующими, такъ что нельзя различать виновныхъ (учреж. судеб. уст. ст. 156).

Одно только дѣйствіе суда совершается въ сторонѣ отъ чужихъ глазъ также по соображеніямъ общественной пользы. Таково именно *совѣщаніе судей* по поводу постановленія рѣшенія (уст. граж. суд. ст. 693). Устраненіе публичности совѣщаній объясняется желаніемъ законодателя, чтобы рѣшеніе суда явилось предъ публикой какъ готовый актъ цѣлой коллегіи, чтобы разногласіе и препирательства судей между собою и особыя мнѣнія судей остались неизвѣстными*), потому что гласность ихъ могла бы ослаблять авторитетъ постановленій и стѣсняла бы

*) У насъ особыя мнѣнія судей остаются тайною для публики. Тоже самое установлено во всѣхъ законодательствахъ континентальной Европы, гдѣ отдѣльныя мнѣнія судей не объявляются. Но въ Англіи и Америкѣ они не только объявляются въ пуб-

свободное сужденіе и безпристрастіе судей. Впрочемъ, нѣтъ надобности, чтобы по каждому дѣлу судъ удалялся въ особую комнату для постановленія рѣшенія: это ему только дозволено, если онъ найдетъ нужнымъ обсудить дѣло безъ присутствія публики, но законъ его къ тому не обязываетъ.

Кромѣ *внѣшней* публичности суда, т. е. кромѣ доступности разныхъ моментовъ гражданскаго процесса постороннимъ лицамъ или публикѣ, гласность процесса очень важна въ отношеніи къ самимъ тяжущимся, для которыхъ ни одинъ шагъ судопроизводства не долженъ оставаться тайною. Тяжущіеся должны имѣть свободный доступъ не только въ залъ засѣданія и кабинеты предсѣдателей и судей, но и въ канцеляріи суда. Они имѣютъ право обозрѣвать здѣсь всѣ бумаги по ихъ дѣлу и требовать себѣ выдачи справокъ и копій рѣшеній, протоколовъ и другихъ актовъ суда. Притязанія и объясненія одной стороны, заявленныя суду, должны быть сообщаемы для свѣдѣнія противной сторонѣ и т. п.

Таковы свойства гласности судопроизводства по дѣламъ *гражданскимъ*.

Что же касается до гласности о производствѣ по дѣламъ *уголовнымъ*, то нашъ уголовный уставъ, по примѣру французскаго законодательства, раздѣляетъ процессъ на двѣ части: предварительное и судебное слѣдствіе. Первое недоступно для публики и оглашеніе дѣйствій его въ печати запрещается подъ страхомъ наказанія. Сторонамъ же право присутствія при дѣйствіяхъ предварительнаго слѣдствія принадлежитъ не одинаково. Прокуратура, выступая на предварительномъ слѣдствіи не только какъ сторона, но и въ качествѣ органа наблюденія за его производствомъ, по мысли закона, можетъ присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ; частные же обвинители и подсудимые могутъ присутствовать только при производствѣ осмотровъ, освидѣтельствованій и при допросѣ свидѣтелей. Впрочемъ, если слѣдователь находитъ нужнымъ, то первымъ вопросамъ свидѣтели подвергаются въ отсутствіи подсудимыхъ и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ (уст. угол. суд. ст. 281, 316, 444, 446 и 448). Защитникъ на предварительномъ слѣдствіи не допускается. Въ процессѣ преданія суду присутствуетъ только прокуратура.

Негласность предварительнаго слѣдствія встрѣчаетъ нынѣ громкія порицанія въ литературѣ, въ коей указывается, главнымъ образомъ, на

личномъ засѣданіи, но и печатаются въ судебныхъ «Reports» и составляютъ потомъ одинъ изъ элементовъ юридической литературы; мнѣнія знаменитыхъ судей играютъ тамъ важную роль въ развитіи права (К. Малышева, «курсъ граж. суд. т. I стр. 350, изъ Мютермейера).

англо-американскій уголовный процессъ. гласный во всѣхъ своихъ стадіяхъ безъ исключенія. Какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ, всѣ дѣйствія предварительнаго слѣдствія производятся гласно, въ присутствіи подсудимаго и посторонней публики, съ тою только разницею, что, по англійскому закону, слѣдственному судьѣ предоставляется право закрыть двери своей камеры для посторонней публики по его усмотрѣнію, а по американскимъ законамъ закрытіе дверей можетъ послѣдовать по требованію подсудимаго. Вслѣдствіе порицанія литературы негласнаго порядка предварительнаго слѣдствія нѣкоторыя континентальныя законодательства новѣйшаго времени стараются умѣрить порядокъ канцелярской тайны, допуская на предварительномъ слѣдствіи если не гласность *общую*, т. е для публики и печати, то, по крайней мѣрѣ, гласность сторонъ. Такъ, напримѣръ, поступаетъ германскій уставъ 1876 года, который даетъ право присутствія при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ прокурору, за исключеніемъ только допроса подсудимаго, а подсудимому и его защитнику, за исключеніемъ допроса тѣхъ свидѣтелей, которые, по мнѣнію слѣдователя, затруднятся высказать правду въ присутствіи подсудимаго (§ 191 и 192).

Но наше законодательство, не только при производствѣ общей судебной реформы, но и до настоящаго времени не отреклось отъ порядка, созданнаго имъ по французскому снимку и до сихъ поръ предварительное слѣдствіе продолжаетъ у насъ быть не гласнымъ, не только для посторонней публики, но даже и для сторонъ. Здѣсь строго́ проводится старое начало канцелярской тайны, тутъ сохраняется опасеніе, что оглашеніе слѣдственнаго производства гибельно для интересовъ правосудія.

Напротивъ же, слѣдствіе *судебное* и все дальнѣйшее разбирательство, т. е. процессъ обжалованія, построено на порядкѣ гласности, нарушеніе котораго влечетъ недѣйствительность всего производства. Для судебныхъ засѣданій во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ установлена у насъ гласность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ*). Гласность въ судебныхъ засѣданіяхъ по дѣламъ уголовнымъ обязательна съ перваго момента открытія судебнаго засѣданія и вплоть до объявленія судебнаго приговора. Только совѣщанія судей и присяжныхъ происходятъ въ отдѣль-

*) При составленіи нашего устава уголовнаго судопроизводства было сдѣлано предложеніе не вводить гласность въ сенатъ, на томъ основаніи, что „при довѣріи, которое онъ долженъ возбуждать къ себѣ въ виду высокаго положенія, не требуется гласности его засѣданій для удостовѣренія въ правильности его рѣшеній, и что гласность эта имѣла бы важныя неудобства при обсужденіи дѣлъ о посягательствѣ противъ правъ Верховной власти и общественнаго порядка“; но государственный совѣтъ не усмотрѣлъ необходимости дѣлать для какого бы то ни было судебнаго мѣста исключенія изъ общаго правила о гласности засѣданій. (Жур. соед. депар. стр. 180 и 181).

ной комнатѣ, доступъ въ которыя воспрещается всѣмъ постороннимъ лицамъ. Изъ гласности уголовныхъ *засѣданій* вытекаетъ и право оглашенія происходящаго на судѣ въ *печати*.

Необходимость гласности судебнаго производства по дѣламъ *гражданскимъ* не подлежитъ никакому спору. Съ допущеніемъ сторонъ къ участію въ дѣлѣ и съ установленіемъ между ними состязанія предъ судомъ, непзбѣжны еще заботы, направленныя къ тому, чтобы дать имъ возможность познакомиться съ обстоятельствами дѣла не только *до* суда, но и *на* судѣ; ибо, если послѣднія остаются имъ неизвѣстны, то самое понятіе *сторонъ* становится мертвымъ. Но если гласность необходима въ дѣлахъ *гражданскихъ*, то она является еще необходимѣе въ процессахъ *уголовныхъ*. Гражданскій процессъ есть споръ, тяжба между *частными* лицами о *частномъ* дѣлѣ. Допущеніе *сторонъ* къ участію въ разбирательствѣ имѣетъ весьма важное значеніе для охраненія ихъ интересовъ, но врядъ-ли гласное разбирательство гражданскихъ дѣлъ имѣетъ такой важный интересъ для посторонней, не заинтересованной въ дѣлѣ публики. Но не таковъ характеръ процесса уголовнаго. Уголовный процессъ—есть процессъ публичный. Въ немъ разрѣшаются интересы не *частныхъ* лицъ, а *всего* общества. Каждому гражданину важно знать не только наказаніе, которому подвергнутъ подсудимый, но также и способы дѣятельности, которыми судъ пришелъ къ постановленію приговора. Закрывать отъ глазъ публики уголовно-судебное производство неправильно даже съ точки зрѣнія теоріи устрашенія, ибо только знаніе всего хода процесса можетъ вести къ образованію общаго убѣжденія о силѣ уголовнаго закона, о томъ, что онъ примѣненъ именно къ виновному и не постигъ невиннаго; напротивъ, тайна производства, подобно жестокимъ наказаніямъ, порождаетъ состраданіе къ осужденному и неувѣренность въ правильности приговора. Такимъ образомъ, изъ публичнаго характера карательной дѣятельности необходимо вытекаетъ *общая* гласность уголовно-судебнаго производства, необходимость открытія уголовнаго суда для каждаго желающаго; на томъ же основывается и право оглашенія о происходящемъ на судѣ въ *печати*. Поэтому, гласность производства уголовныхъ процессовъ принадлежитъ къ числу наиболѣе существенныхъ формъ судопроизводства и не даромъ творцы нашего новаго процессуальнаго законодательства признали что «публичность судебныхъ засѣданій есть одна изъ лучшихъ гарантій правильности судебныхъ дѣйствій и одно изъ главныхъ условій довѣрія общества къ суду» (Жур. соед. деп. госуд. сов. 1864 г. № 47, стр. 56).

Противъ гласности уголовнаго суда слышались и слышатся возраженія, вытекающія изъ различныхъ соображеній. Одни требуютъ закры

тія дверей уголовнаго суда для посторонней публики потому, что, не имѣя достаточнаго запаса нравственныхъ началъ, она склонна покрывать ореоломъ ложной славы героевъ порока и преступленія; другіе утверждаютъ, что частое посѣщеніе уголовно-судебныхъ засѣданій неоднократно приводило на скамью подсудимымъ такихъ субъектовъ, для которыхъ тотъ же залъ засѣданій служилъ и школою соблазна, гдѣ они изучали разныя похожденія и ловкія увертки печальныхъ героевъ преступленія для того, чтобы быть ихъ достойными подражателями; третьи увѣряютъ, что гласное производство вредно для уголовнаго правосудія, затемняя искомую имъ истину и т. п. Даже одинъ изъ нашихъ отечественныхъ криминалистовъ*) высказалъ, по поводу гласнаго уголовнаго суда, слѣдующія соображенія: 1) «Судьи не имѣютъ иного значенія, кромѣ значенія представителей государства и его законовъ; не судьи судятъ, а судитъ посредствомъ ихъ самъ законъ; 2) Народъ, стекающійся на мѣсто суда, можетъ быть только худымъ контролеромъ судебныхъ дѣйствій, потому, что онъ имѣетъ самую малую часть тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы для того, чтобы правильно судить о полнотѣ и формальности слѣдствія и о правильности приговора. При томъ, хотя въ началѣ преступленія раздраженное имъ чувство требуетъ наказанія, но самый опытъ свидѣтельствуетъ, что это начальное требованіе тотчасъ уступаетъ мѣсто чувству сострадания къ преступнику, который кажется несчастною жертвою общественнаго правосудія. Возможно-ли послѣ этого ожидать отъ народа справедливаго суда о преступленіи? 3) Публичность часто служитъ средствомъ къ распространенію, особенно между молодежью, свѣдѣній о преступленіяхъ и умѣнья дѣйствовать при совершеніи ихъ; и, наконецъ, 4) Публичность уголовнаго судопроизводства совершенно противна цѣли его въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ нужно предустранить сговоръ между соучастниками въ преступленіи; оно явно содѣйствуетъ укрытію слѣдовъ преступленія и признаковъ его».

Но всѣ эти соображенія, всѣ эти доводы, по мнѣнію нашего ученаго процессуалиста, профессора Фойницкаго**), не выдерживаютъ строгой критики, по слѣдующимъ соображеніямъ: во *первыхъ*, кромѣ публики, не обладающей достаточнымъ запасомъ нравственныхъ началъ, есть, несомнѣнно, и публика имъ обладающая; во *вторыхъ*, возможность соблазна зависитъ отъ рода уголовныхъ дѣлъ, для которыхъ могутъ быть установлены исключенія, но масса дѣлъ, даже для самыхъ слабыхъ, въ отношеніи нравственной устойчивости индивидовъ, не можетъ представлять никакого соблазна; въ *третьихъ*, при негласности суда ореолъ ложной сла-

*) Баршевъ, „Основанія“ стр. 67.

**) „Курсъ уголовнаго судопроизводства“, т. I, стр. 91—93.

вы создается еще легче и сказанія о героях эшафота и каторги выслушиваются съ большимъ еще увлеченіемъ, не встрѣчая той критики, которая возможна при гласномъ разборѣ ихъ дѣлъ; въ *четвертыхъ*, гласность не только не вредна для цѣлей уголовнаго правосудія, но гораздо полезнѣе канцелярской тайны. При прежнемъ порядкѣ канцелярской тайны, каждый частный гражданинъ видѣлъ въ установленномъ судебномъ разбирательствѣ, нѣчто чуждое ему, чего слѣдовало держаться по возможности далѣе; онъ не охотно принималъ на себя обязанности свидѣтеля или эксперта; призванный къ суду для дачи показаній, онъ ограничивался формальнымъ исполненіемъ возложенной на него непріятной обязанности, отвѣчая лишь на вопросы, которые ставилъ ему судъ, не вкладывая своей инициативы для содѣйствія правосудію. Но, со введеніемъ гласности, картина совершенно измѣнилась. Присутствуя на судѣ въ качествѣ зрителей, частныя лица постепенно приходятъ къ сознанію, что дѣло правосудія близко касается каждаго изъ нихъ. Они охотнѣе исполняютъ выпадающія на нихъ обязанности свидѣтелей, и уже потому, что показанія даются ими гласно, при лицахъ, хорошо ихъ знающихъ, получается сильный поводъ для того, что бы свидѣтель не ограничивался формальнымъ отношеніемъ къ этой обязанности. Гласность разбирательства, какъ показываетъ опытъ, нерѣдко даетъ такихъ свидѣтелей, которые не являлись бы въ этомъ качествѣ при порядкѣ канцелярской тайны. Наконецъ, и на самаго подсудимаго присутствіе публики налагаетъ весьма серьезную нравственную узду, предупреждая съ его стороны многія неумѣстныя уловки, которыя легко допускались при разбирательствѣ въ четырехъ стѣнахъ. «Припомните—говоритъ профессоръ въ заключеніе своихъ доводовъ о пользѣ гласнаго суда, —какъ быстро отошло въ область давно-прошедшаго наше прежнее «знать не знаю, вѣдаю не вѣдаю», которое, при старомъ процессѣ, встрѣчалось, можно сказать, въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ».

Итакъ, гласность судебнаго разбирательства есть одна изъ лучшихъ гарантій правильности судебнаго производства; поэтому, всякія возраженія безсильны для того, чтобы убѣдить общество возвратиться когда-либо къ канцелярской тайнѣ, къ производству суда въ четырехъ стѣнахъ, въ отсутствіи не только посторонникъ зрителей, но самыхъ заинтересованныхъ лицъ.

Впрочемъ, противники гласности уголовнаго процесса могутъ удовлетворяться уже тѣмъ, что почти всѣ законодательства допускаютъ разныя исключенія, хотя не вездѣ одинаковыя. Ограниченія гласности, допускаемыя законодательствами, частью *естественныя*, лежащія въ самой природѣ вещей, напр. недостатокъ мѣстъ въ залѣ засѣданія, безпорядочное поведеніе публики и т. п., а частью *искусственныя*, вытека-

ющія изъ спеціальныхъ постановленій закона. Законныя ограниченія гласности вызваны и у насъ тѣми же соображеніями, какъ и на Западѣ. Но между нашимъ законодательствомъ и законодательствами западно-европейскими по этому предмету есть различія. Напр. французское законодательство даетъ ассизному суду право закрывать двери засѣданія для публики на время судебнаго слѣдствія и преній сторонъ во всѣхъ случаяхъ, когда *публичное* разбирательство будетъ признано судомъ вреднымъ для общественнаго спокойствія и нравственности. Австрійское—даетъ суду право объявлять двери засѣданія закрытыми по соображеніямъ нравственности или общественнаго спокойствія, оцѣнка которыхъ предоставлена суду. Тоже самое постановлено и германскимъ законодательствомъ и т. п. Но нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства ставитъ *усмотрѣніе* суда въ болѣе тѣсныя рамки, дозволяя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже предписывая ему, ограничивать публичность разбирательства лишь по дѣламъ *извѣстнаго рода*, именно въ законѣ указаннымъ (уст. угол. суд. ст. 89 и 620). При этомъ нашъ законъ ставитъ ограниченіе гласности уголовно-судебнаго разбора въ зависимость не только отъ опасности открытаго разбирательства въ данномъ случаѣ, но и отъ рода дѣла, подлежащаго разсмотрѣнію, чего нѣтъ въ иностранныхъ законодательствахъ. По нашему закону власть уголовнаго суда, при разрѣшеніи вопроса о закрытомъ или открытомъ разбирательствѣ, намѣчена несравненно тѣснѣе даже чѣмъ власть суда гражданскаго. Такое стѣсненіе судебнаго *усмотрѣнія*, какъ и всякая регламентація, имѣетъ, конечно, свои неудобства, но оно имѣетъ и свои достоинства, устраняя всякое обвиненіе судей въ стремленіи къ изгнанію гласности изъ стѣнъ суда. Судьи закрываютъ двери зала засѣданія только при разборѣ такихъ дѣлъ, которыя положительно и ясно намѣчены въ законѣ, а не по своему *личному усмотрѣнію*. Въ этомъ отношеніи нашъ уголовный уставъ опередилъ уголовные уставы другихъ законодательствъ. Негласность уголовнаго разбирательства, установленная нашимъ законодательствомъ, распадается на три вида: 1) закрытіе дверей засѣданія какъ право, а не обязанность суда; 2) закрытіе дверей засѣданія какъ обязанность, возлагаемая на судъ силою закона; и 3) закрытіе дверей засѣданія какъ обязанность, возлагаемая на судъ распоряженіемъ администраціи. Этотъ послѣдній видъ негласности неизвѣстенъ общему процессуальному законодательству, а введенъ у насъ только съ 1881 года, вслѣдствіе горькой необходимости—анархическаго движенія, имѣющій, впрочемъ, силу только для мѣстностей, объявленныхъ въ состояніи усиленной или чрезвычайной охраны.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе еще и на то, что нашему уставу

уголовнаго судопроизводства вовсе неизвѣстно ограниченія гласности по лицамъ, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ другихъ законодательствахъ существуетъ и подобное ограниченіе. Напр. Австрійскій уставъ 1873 г. запрещаетъ присутствіе въ засѣданіи суда несовершеннолѣтнихъ и вооруженныхъ: но по нашему уставу несовершеннолѣтніе допускаются на равныхъ правахъ съ совершеннолѣтними и нѣтъ никакихъ оговорокъ относительно лицъ вооруженныхъ, хотя такое молчаніе нельзя не признать пробѣломъ въ законѣ.

ГЛАСНЫЕ, въ смыслѣ юридическомъ, суть избранныя лица, изъ которыхъ образуются общественныя учрежденія: городскія и земскія. Городскіе гласные составляютъ «городскія думы», а земскіе гласные—«земскія собранія». Въ гласные городской думы можетъ быть избираемъ каждый, имѣющій право голоса на выборахъ, считая въ томъ числѣ и лицъ, которыя получили это право по довѣренности. Число гласныхъ изъ нехристіанъ не должно превышать одной трети общаго числа гласныхъ (т. II св. зак. изд. 1876 г., ст. 1982). Каждому собранію или разряду избирателей предоставляется право выбирать гласныхъ какъ изъ своей собственной среды, такъ и изъ числа избирателей, принадлежащихъ къ другимъ собраніямъ или разрядамъ. Избранными въ гласные признаются лица, получившія въ собраніи наибольшее число голосовъ и при томъ болѣе половины голосовъ всѣхъ наличныхъ избирателей (ст. 1985). Избирательныя собранія не имѣютъ права давать избраннымъ гласнымъ никакихъ инструкцій (ст. 1987). Гласные приступаютъ къ исправленію своихъ обязанностей, если въ теченіи семи дней со времени окончанія выборовъ не подано жалобы на нарушеніе вообще установленнаго для производства выборовъ порядка (ст. 1994). Гласные земскіе составляютъ земскія собранія (тамъ же ст. 1830). Земскіе гласные суть: губернскіе и уѣздные. Выборъ уѣздныхъ гласныхъ производится: на съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, на съѣздѣ городскихъ обывателей и на съѣздѣ выборныхъ отъ сельскихъ обществъ (ст. 1832) Число гласныхъ, избираемыхъ въ каждомъ уѣздѣ, опредѣлено въ особомъ росписаніи (прил. къ ст. 1849). Не могутъ быть избираемы въ гласные: мѣстные губернаторы, вице-губернаторы, члены губернскихъ правленій, прокуроры и члены мѣстной полиціи (ст. 1852). Гласные избираются на 3 года (ст. 1857). Гласнымъ никакихъ служебныхъ преимуществъ не присвояется и содержанія не полагается (ст. 1855). Губернскіе гласные составляютъ губернское земское собраніе. Число губернскихъ гласныхъ отъ всякаго уѣзда опредѣляется соразмѣрно числу гласныхъ мѣстнаго уѣзднаго собранія, на основаніи росписанія приложенія къ ст. 1849. Гласные, предъ вступленіемъ въ должность, приносятъ, каждый по своей вѣрѣ, присягу о добросовѣстномъ

исполненіи принимаемыхъ ими на себя обязанностей; если же вѣра кого-либо изъ избранныхъ лицъ не допускаетъ присяги, то отъ таковыхъ отбираются по сему предмету подписки (ст. 2043). Гласные могутъ безпрепятственно отлучаться изъ города, но о своихъ отлучкахъ обязаны извѣщать городскаго голову.

ГЛУХОНѢМЫЕ. Такъ называются лица, лишенныя слуха и способности говорить. Такое состояніе человѣка, по неспособности изъяснять мысли и изъявлять волю, принадлежитъ къ причинамъ, ограничивающимъ фактическую его правоспособность въ юридическомъ смыслѣ. Глухонѣмые, какъ лица, лишенныя дѣеспособности, вслѣдствіе своей физической ненормальности, во всѣхъ законодательствахъ поставлены подъ *особое* покровительство закона и для нихъ изданы *спеціальныя* правила, клонящіяся къ охраненію ихъ личныхъ и имущественныхъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и наше законодательство и оно несетъ особую заботу объ охраненіи интересовъ такихъ обиженныхъ природою лицъ. Согласно 381 ст. нашихъ законовъ гражданскихъ, глухонѣмые состоятъ подъ опекою до совершеннолѣтія. По достиженіи ими совершеннолѣтняго возраста они подвергаются освидѣтельствованію по правиламъ, установленнымъ въ ст. 368—372 тѣхъ же законовъ гражданскихъ, для освидѣтельствованія безумныхъ и сумасшедшихъ, съ цѣлью убѣжденія въ нормальномъ ихъ психическомъ состояніи и обладаніи ими умственными способностями. Изъ нихъ безграмотные и лишенные всякаго средства пріобрѣтать понятія и выражать волю остаются подъ опекою; надъ тѣми, которымъ окажется опаснымъ предоставить вполнѣ права совершеннолѣтнихъ, учреждается попечительство; для прочихъ же, способныхъ изъяснять свои мысли и изъявлять свою волю, всякое ограниченіе дѣеспособности прекращается. Совершеніе актовъ отъ имени глухонѣмыхъ законъ обставилъ нѣкоторыми особыми формальностями, дѣлая различіе между глухонѣмымъ грамотнымъ и безграмотнымъ. Такъ, по ст. 110—111 Пол. о нот. части, «грамотный глухонѣмой, отъ имени или на имя коего совершается актъ, долженъ, по прочтеніи акта, написать на немъ собственноручно, что читалъ его и съ содержаніемъ вполнѣ согласенъ; при совершеніи же акта отъ имени или на имя глухонѣмаго неграмотнаго, сверхъ лица, умѣющаго объясняться съ нимъ знаками, слѣдуетъ пригласить еще другое, которому знаки эти извѣстны и которое должно имѣть всѣ качества свидѣтеля, хотя бы, впрочемъ, состояло въ родствѣ съ глухонѣмымъ». Глухонѣмые, въ какомъ бы состояніи они не находились, не устраняются отъ права наслѣдованія (т. X ч. I ст. 1106), хотя въ другихъ отношеніяхъ ихъ гражданскія права ограничены. Такъ. напр. глухонѣмые не допускаются къ свидѣтельству по дѣламъ тяжебнымъ

(уст. граж. суд. ст. 371 п. 1); они не могутъ быть свидѣтелями при совершеніи актовъ (пол. о нот. части, ст. 87 п. 1) и т. п.

По уголовному праву, глухонѣмые, въ извѣстныхъ случаяхъ, пользуются правомъ невмѣняемости. Такъ, по ст. 98 улож. о наказ., «глухонѣмые отъ рожденія, а равно лишившіеся слуха и языка въ дѣтскомъ возрастѣ, когда нѣтъ сомнѣнія, что они не получили ни чрезъ воспитаніе, ни чрезъ сообщество съ другими, никакого понятія объ обязанностяхъ и законѣ, не подвергаются наказаніямъ за преступленія и проступки; но въ случаѣ учиненнаго такимъ глухонѣмымъ смертоубійства, или же покушеніе его на жизнь другого или свою собственную, или на зажигательство, дѣлается распоряженіе о содержаніи его въ заключеніи отдѣльно отъ другихъ, находящихся подъ стражею, и о строгомъ, не ослабномъ за нимъ надзорѣ». Такимъ образомъ, по уголовному праву, глухонемые отъ рожденія, не имѣющіе понятія о своихъ обязанностяхъ и законѣ, причислены къ разряду безумныхъ и сумасшедшихъ, а поэтому, въ случаѣ совершенія такими лицами преступленія и признанія невмѣняемости, надъ ними учреждается надзоръ, установленный въ IV прил къ 95 ст. улож. для безумныхъ и сумасшедшихъ (рѣш. угол. кас. деп. 1875 г. № 20.

ГМІНА есть учрежденіе въ Привислянскихъ губерніяхъ, коимъ участіе въ управленіи предоставляется мѣстному населенію. Сельскія Гмины получили новое устройство 19 февраля 1864 года. Каждая сельская гмина слагается: 1) изъ деревень и колоній, населенныхъ крестьянами разныхъ наименованій; 2) изъ фольварковъ или мызъ помѣщиковъ и прочихъ землевладѣльцевъ. Гминное управленіе составляютъ: а) гминный сходъ; б) гминный войтъ, по одному въ каждой гминѣ; в) солтысы или старосты; и г) гминный судъ и лавники, т. е. засѣдатели.

ГМИННЫЙ ВОЙТЪ. Должностное лицо гминнаго управленія въ Привислянскихъ губерніяхъ. Въ каждой *гминѣ* (см. это слово) имѣется по одному войту. Онъ избирается на три года гминнымъ сходомъ, въ которомъ онъ предсѣдательствуетъ. Вѣдомству войта принадлежатъ всѣ безъ исключенія лица, проживающія въ гминѣ. На него возлагаются дѣла полицейскія въ гминѣ, дѣла административныя и общественныя, приведеніе въ исполненіе приговоровъ гминнаго схода, наблюденіе за исправнымъ содержаніемъ дорогъ, мостовъ и т. д., наблюденіе за исправнымъ отправленіемъ всякаго рода казенныхъ и гминныхъ повинностей и т. п.

ГМИННЫЙ СУДЪ есть прототипъ нашего волостнаго суда въ Привислянскихъ губерніяхъ. До освобожденія крестьянъ судебная власть надъ крестьянами въ бывшемъ царствѣ польскомъ принадлежала вотчин-

ной полиціи. Уѣзды или повѣты дѣлились на *гмины*—городскія и сельскія. Во главѣ сельской гмины стоялъ сельскій войтъ съ гминнымъ совѣтомъ, имѣвшій право полицейскаго суда надъ крестьянами. Званіе войта въ помѣщичьихъ имѣніяхъ принадлежало помѣщику или, по его назначенію, лицу, его заступавшему. Еще до общей крестьянской реформы, а именно въ 1860 году, вотчинно-полицейская и судебная власть помѣщиковъ въ польскомъ краѣ была отмѣнена и въ сельскихъ гминахъ были учреждены особые *гминные суды*, состоявшіе изъ войта и двухъ засѣдателей или лавниковъ, которымъ, для руководства, изданъ особый уставъ, заключавшій въ себѣ не только правила судопроизводства, но и гражданское право крестьянъ и законы судебно-полицейскіе. Хотя этотъ уставъ, составленный подъ вліяніемъ дѣйствовавшихъ въ краѣ французскихъ кодексовъ, содержитъ въ себѣ много практическихъ правилъ, но такъ какъ основная идея его, стремившаяся къ выдѣленію крестьянскаго права и процесса въ особый кодексъ, оказалась ошибочною, то онъ не могъ устоять противъ движенія времени. Въ 1864 года, вмѣстѣ съ окончательнымъ устройствомъ крестьянъ, общественное управленіе крестьянъ польскаго края было организовано исключительно русскимъ положеніемъ 19 февраля 1861 года, но на болѣе широкихъ и свободныхъ основаніяхъ, а именно: образованы сельскія и волостныя (гминныя) общества и въ составъ послѣднихъ введены не одни только крестьяне, но и помѣщики. Органами сельскаго управленія служатъ: сельскій сходъ и старосты или солтысы, а въ волостяхъ (гминахъ) гминные сходы, войтъ, съ подчиненными ему старостами, и *гминный судъ*, состоящій изъ войта и засѣдателей-лавниковъ. Всѣ эти должности выборныя. Въ руководство гминному суду даны только немногія правила, напоминающія общее русское Положеніе о крестьянахъ, и самая власть гминнаго суда была потомъ сближена съ русскими порядками въ томъ отношеніи, что и гминный судъ, подобно русскимъ волостнымъ судамъ, рѣшалъ окончательно только дѣла, цѣною не свыше 100 руб. и рѣшенія его подлежали обжалованію только въ кассаціонномъ порядкѣ, въ *особое* по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. При введеніи новыхъ судебныхъ уставовъ, это подчиненіе *всесословнаго* суда спеціальному по крестьянскимъ дѣламъ учрежденію справедливо признано было явленіемъ не нормальнымъ, точно также былъ отвергнутъ и безапелляціонный характеръ всѣхъ рѣшеній гминнаго суда; но самое учрежденіе гминныхъ судовъ, уже введенное повсемѣстно въ краѣ и вошедшее въ жизнь народа, положено было сохранить и на будущее время, отдѣливъ его отъ административныхъ властей гмины и соединивъ съ мировыми судами въ одну общую систему. По Положенію 19 февраля 1875 года, учреждены въ польскомъ краѣ мировые съѣзды, какъ вторая инстанція

мироваго и гминнаго суда: они состоятъ изъ мировыхъ судей, учрежденныхъ только въ городахъ, и изъ предсѣдателей гминныхъ судовъ, которые присутствуютъ на съѣздѣ по очереди. Гминный судъ учреждается на одну или нѣсколько гминъ и состоитъ изъ гминнаго судьи, въ качествѣ предсѣдателя и лавниковъ или засѣдателей. Всѣ они избираются гминнымъ сходомъ на 3 года изъ осѣдлыхъ жителей гмины. Должность гминнаго судьи не можетъ быть соединяема съ другою должностью по общественной или государственной службѣ. такъ, что гминный войтъ не можетъ быть одновременно и предсѣдателемъ гминнаго суда, какъ это было въ прежнее время. Власть гминныхъ судовъ вообще та же, какъ и участковыхъ мировыхъ судей: они рѣшаютъ дѣла *окончательно* по искамъ не свыше 30 руб., а по остальнымъ дѣламъ допускается апелляція на ихъ рѣшенія, поступающая на разсмотрѣніе мироваго съѣзда. Къ производству дѣлъ въ гминныхъ судахъ примѣняются теперь общія правила судебныхъ уставовъ Александра II, съ мѣстными приспособленіями и дополненіями.

Гминному суду подлежатъ всѣ споры и тяжбы по гражданскимъ дѣламъ, а равно и дѣла по маловажнымъ преступленіямъ. Къ вѣдомству его отнесены также и дѣла по наслѣдованію и раздѣлу между сельскими жителями, когда наслѣдство состоитъ изъ поземельныхъ участковъ, поступившихъ въ собственность крестьянъ по указамъ 19 февраля 1864 г., или же пріобрѣтенныхъ независимо отъ этихъ указовъ въ размѣрѣ не болѣе одной уволоки и когда стоимость движимаго имущества не достигаетъ 1500 руб. (См. К. Малышева, «Курсъ гражд. судопроизводства», т. III стр. 76—79).

ГОЛОВНИКЪ. Юридическій терминъ древне-русскаго уголовнаго права, означавшій—убійцу.

ГОЛОВЩИНА. Старинно-русскій юридическій терминъ уголовнаго права, означавшій плату родственникамъ убитаго, которую платилъ самъ убійца и община въ этомъ платежѣ ничѣмъ ему не помогала (см. «Исторія русскаго права», М. Михайлова, изд. 1871 г. стр. 90).

ГОРНОЕ ПРАВО есть совокупность юридическихъ правилъ, относящихся вообще до горнаго дѣла; въ частности же—относящихся до пріобрѣтенія, дѣйствія и потери правъ на горное имущество. Законоположенія о горной части въ Россіи помѣщены въ особомъ «уставѣ», вошедшемъ въ составъ VII т. свода законовъ.

ГОРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО есть совокупность работъ для полученія изъ рудъ или горныхъ породъ металловъ или другихъ горныхъ продуктовъ.

ГОРНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТЪ есть высшее государственное учрежденіе, въ коемъ сосредоточивается инспекторская, административная и хозяй-

ственная части горнаго вѣдомства и вообще завѣдываніе по части казенныхъ и частныхъ горныхъ заводовъ, какъ въ имперіи, такъ и въ губерніяхъ, бывшаго царства польскаго, а равно и по части частной золотопромышленности. При немъ находятся «Горный совѣтъ», имѣющій значеніе общаго присутствія департамента. и «Ученый комитетъ», состоящій изъ директора горнаго департамента и опредѣленнаго числа непремѣнныхъ и почетныхъ членовъ. Комитетъ разсматриваетъ тѣ дѣла, которыя, заключая новое предположеніе или исправленіе недостатка существующихъ устройствъ, требуютъ разсмотрѣнія со стороны спеціалистовъ. Департаменту подвѣдомственны: «Горный институтъ», въ качествѣ высшаго учебнаго заведенія горнаго вѣдомства и «Горно-окружныя управленія».

До 1863 года управленіе горною частью въ Россіи носило названіе «департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ»; когда же въ 1863 году управленіе соляною частью отъ него отдѣлено и передано въ департаментъ неокладныхъ сборовъ, то за нимъ оставлено только управленіе горною и монетною частью и онъ получилъ названіе «горнаго департамента». Вслѣдствіе же закрытія въ томъ же году штаба корпуса горныхъ инженеровъ и состоящаго при немъ горнаго аудиторіата, горному департаменту ввѣрено завѣдываніе инспекторскою, техническою и учебною частями горнаго вѣдомства. Сначала горный департаментъ состоялъ подъ управленіемъ министра финансовъ, но въ 1873 года все управленіе горною частью передано въ вѣдѣніе министра государственныхъ имуществъ.

ГОРОДНИЧІЙ.—Такъ назывались унасъ въ Россіи въ прежнее время начальники полиціи въ уѣздныхъ городахъ, нынѣ замѣненые «исправниками».

ГОРОДОВАЯ ОБЫВАТЕЛЬСКАЯ КНИГА. Такъ называется книга, въ которой записаны всѣ городскіе обыватели. Она установлена въ царствованіи Екатерины II одновременно съ изданіемъ перваго «городового положенія». По ст. 62 «городоваго положенія» городовую обывательскую книгу велѣно было раздѣлить на *шесть* частей. Въ *первую* часть надлежало внести «*настоящихъ*» городскихъ обывателей, къ которымъ 77-ая ст. «положенія» причисляла всѣхъ тѣхъ, «кои въ томъ городѣ или старожилы, или родились, или домы, или иное строеніе, или мѣста, или землю имѣли, или въ гильдіи, или въ цехи записаны, или службу городскую отправляли, или въ окладъ записаны и потому городу носятъ службу или тягость». Во *вторую* часть велѣно вносить гильдейское купечество, въ *третью*—вносились цеховые; въ *четвертую*—иностранные и иногородные гости; въ *пятую*—именитые граждане; а въ *шестую*—посадскіе.

Для первостатейнаго же купечества велѣно было завести особую, «бархатную книгу» знатныхъ купеческихъ родовъ (См. Бархатная книга).

ГОРОДОВОЕ ПРАВО есть совокупность законовъ, существовавшихъ и дѣйствовавшихъ прежде, особенно въ средніе вѣка, въ отдѣльныхъ городахъ западной Европы. Нынѣ городовое право устроено общегосударственными законами.

ГОРОДОВОЙ,—полицейскій служитель въ городахъ.

ГОРОДОВОЙ ПРИКАЩИКЪ. Такъ назывался на Руси при Іоаннѣ IV сборщикъ податей въ казну царскую или городскую.

ГОРОДОНМЕЦЪ. Старинно-русскій терминъ, означавшій инженера, руководившаго взятіемъ городскихъ укрѣпленій.

ГОРОДОДѢЛЕЦЪ или ГОРОДОСТАВЕЦЪ. Встарину, подъ этимъ терминомъ извѣстны были военные инженеры, строившіе городскія укрѣпленія.

ГОРОДОКЪ. Такъ называлось встарину всякое укрѣпленное селеніе.

ГОРОДЪ. Въ древней Руси, слово «городъ» первоначально имѣло значеніе *ограды*, защищавшей данную мѣстность отъ непріятельскихъ вторженій. Затѣмъ слово «городъ» получило мѣстное, территоріальное значеніе въ такомъ смыслѣ, что «городомъ» стало называться всякое населенное мѣсто въ *оградѣ* и представляющее собою видъ крѣпости. Древне-русскій городъ, въ смыслѣ укрѣпленнаго пункта народнаго населенія, заключалъ въ себѣ двѣ части: 1) мѣсто *внутри* укрѣпленія, называвшееся: «городомъ», «кремлемъ» и «городскою осадою», и 2) заселенныя мѣстности, лежавшія непосредственно за укрѣпленіемъ, *внѣ* его, называвшіяся: «предмѣстьями» и «посадами». Населеніе городовъ древнѣйшей эпохи представляло собою массу людей безразличную въ сословномъ отношеніи. Горожане были: воинами, купцами, ремесленниками и земледѣльцами. Съ образованіемъ на Руси служилаго сословія, рядомъ со старыми городами, на границахъ государственной территріи появлялись города, населенные исключительно служилыми людьми. Въ московской Россіи внутри городскихъ укрѣпленій, т. е. въ кремлѣ, жили только лица служилаго, военнаго сословія, духовенство, приказные люди и помѣщались учрежденія, имѣвшія обще-государственное значеніе; классы же промышленные, торговые, ремесленные люди и землевладѣльцы-крестьяне были вытѣснены изъ городовъ и селились внѣ городскихъ укрѣпленій, образуя: посады, слободы, села, деревни и хутора. Но съ теченіемъ времени въ города начали постепенно селиться промышленные и торговые люди и даже ремесленники, которые придавали городамъ совершенно иной характеръ. Городъ мало-по-малу сталъ терять свое первоначальное узкое значеніе *укрѣпленнаго пункта* и сдѣлался центромъ торговли и промышленности. Какъ центры промышленности и торговли города скоро начали считаться источникомъ народнаго и государственнаго богатства, вслѣдствіе чего, еще въ царскую эпоху принимались многія мѣры къ

устройству быта городскаго населенія и въ особенности торговаго и промышленнаго сословія. Но систематическій видъ мѣры эти приняли со времени Петра Великаго, съ изданіемъ регламента коммерцъ-коллегіи 1719 года и регламента главному магистрату 1721 года. Петру Великому хорошо извѣстно было то благотворное вліяніе, какое имѣли города въ Западной Европѣ на богатство страны. Поэтому, устройство городскаго сословія на началахъ, выработанныхъ западными городами и поднятіе русской торговли сдѣлались одною изъ его главныхъ заботъ. Съ этою цѣлью нѣкоторыя дворянскія привилегіи были распространены на сословіе гражданъ и, обезпечивая привилегированность городскаго торговаго класса, и улучшивъ условія торговли, Великій преобразователь вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ увеличить средства казны. Съ реформаторской точки зрѣнія попеченіе правительства должно было состоять въ лучшей организаціи городскаго сословія учрежденіемъ муниципальнаго управленія, въ обезпеченіи условій торговли, въ изданіи торговыхъ уставовъ, въ устройствѣ гильдій, цеховъ, полиціи и т. п. Купечеству, составлявшему главное населеніе городовъ, давались привилегіи настолько, насколько это нужно было для интересовъ торговли. Разсматривая торговый классъ, какъ средство для достиженія фискальныхъ цѣлей, Петръ Великій, во все время своего царствованія, смотрѣлъ на городскихъ обывателей, какъ на исключительное *тяглое* сословіе. По тому же пути шла и Великая Екатерина. Жалованною грамотою Екатерина II предоставила городамъ, ихъ обществамъ и членамъ сихъ обществъ выгоды и преимущества и создала для нихъ *особыя* учрежденія; но всѣ ея заботы сосредоточивались, въ сущности, на томъ, чтобы изъ городскихъ учрежденій сдѣлать учрежденія бюрократическія, отличающіяся отъ учрежденій правительственныхъ только по составу. Городское общество въ своемъ правѣ и обязанности видѣло не *право*, не *привилегію*, а исключительно *обязанность* и обязанность тяжелую, къ несенію и отбыванію которой оно и относилось почти такъ, какъ относилось оно къ выборнымъ службамъ въ прошломъ столѣтіи. Обществу предоставлено было право выбирать личный составъ городскихъ учрежденій изъ своей среды; но, окончивъ этотъ выборъ, оно, на весь срокъ службы этого состава, становилось внѣ всякихъ къ нему отношеній. Оно несло тягло, но не имѣло ни какихъ средствъ слѣдить за теченіемъ дѣлъ по городскому управленію, которое велось на тѣхъ же бюрократическихъ началахъ, какъ и во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ той эпохи. Городское управленіе, представляя собою нѣчто недоступное для такихъ контролеровъ, какъ гласность и печать, въ сущности, стояло внѣ всякаго контроля даже того представительнаго учрежденія, въ которомъ выражалось «все общество». Город-

ского общества, какъ единаго цѣлаго, вовсе не было. То, что въ законѣ называлось «гражданскимъ обществомъ» вовсе не было этимъ послѣднимъ. Оно представляло собою собраніе не связанныхъ сословій, раздѣльность, отчужденность которыхъ другъ отъ друга проводилась въ самомъ строѣ городскихъ учрежденій. Въ такомъ состояніи находились наши русскіе города до семидесятыхъ годовъ, пока и у насъ, подобно западно-европейскимъ городамъ, не создано было городское самоуправленіе, много содѣйствовавшее къ процвѣтанію нашихъ городовъ (см. Городское самоуправленіе).

ГОРОДЪ КРОМНЫЙ. Это названіе встрѣчается во времена Ярослава I-го, когда городъ состоялъ: изъ собственнаго города, т. е. пространства, огороженнаго стѣнами, и изъ новыхъ поселеній около города, обведенныхъ также стѣнами; первый назывался *внутреннимъ*, а второй—наружнымъ, окольнымъ или *кромнымъ*. Слово *кромный* употреблялось также и въ значеніи торговаго пункта.

ГОРНОЕ ПРАВЛЕНІЕ. Учрежденіе для мѣстнаго управленія горнозаводскимъ дѣломъ на Уралѣ. Оно находилось прежде въ Перми, а теперь въ Екатеринбургѣ.

ГОРОДСКАЯ ДУМА есть учрежденіе, представляющее собою все городское общество. Она составляется подъ предсѣдательствомъ городскаго головы, изъ гласныхъ, избранныхъ на четыре года, въ числѣ, соотвѣтствующемъ числу лицъ, пользующихся правомъ голоса на выборахъ. Городская дума входитъ въ обсужденіе дѣлъ, касающихся всего городскаго общества, и дѣйствуетъ его именемъ во всѣхъ случаяхъ, когда законъ требуетъ по этимъ дѣламъ общественнаго постановленія или приговора. Кругъ дѣятельности городской думы и предметы ея занятій исчислены въ 2002 ст. т. II св. зак. город. полож. Засѣданія городской думы назначаются: или по усмотрѣнію городскаго головы, или по требованію губернатора или градоначальника или, наконецъ, по заявленному городскому головѣ желанію: въ С.-Петербургѣ не менѣе 25 гласныхъ, въ Москвѣ—не менѣе 20, а въ остальныхъ городахъ—не менѣе одной пятой части гласныхъ. Городская дума приступаетъ къ разсмотрѣнію подлежащихъ ея вѣдомству дѣлъ: 1) по предложеніямъ городскаго головы или гласныхъ; 2) по предложеніямъ городской управы; 3) по предложеніямъ, требованіямъ и заявленіямъ правительственныхъ установленій, и 4) по просьбамъ и жалобамъ частныхъ лицъ. Доклады по дѣламъ, назначаемымъ къ слушанію въ городской думѣ, могутъ быть печатаемы подъ личною отвѣтственностью городскаго головы. Дѣла въ думѣ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, а при равенствѣ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Но есть дѣла, для рѣшенія которыхъ, по ихъ важности, требуется

присутствіе не менѣе *половины* всего числа гласныхъ и принятіе рѣшенія должно быть большинствомъ не менѣе *двухъ третей* наличныхъ голосовъ. Дѣла эти слѣдующія: 1) о пріобрѣтеніи въ пользу города недвижимыхъ имуществъ или объ ихъ отчужденіи: 2) о займахъ, поручительствахъ или гарантіяхъ отъ имени города; 3) о переложеніи натуральныхъ повинностей на денежныя, и 4) объ устраненіи должностныхъ лицъ общественнаго управленія и о преданіи ихъ суду. Порядокъ производства дѣлъ въ городской думѣ опредѣляется ею самою, съ соблюденіемъ при томъ правилъ о производствѣ дѣлъ въ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ. Городской думѣ предоставлено право издавать обязательныя для городскихъ жителей постановленія по предметамъ городскаго благоустройства, а равно и ходатайствовать объ измѣненіи законовъ, касающихся тѣхъ же предметовъ. Порядокъ такого ходатайства указанъ въ прим. къ 1960 ст. т. II св законовъ.

ГОРОДСКАЯ УПРАВА есть коллегіальное учрежденіе городскаго общественнаго управленія, на которое возлагается непосредственное завѣдываніе дѣлами городскаго хозяйства и общественнаго управленія, согласно указаніямъ, преподаваемымъ городскою думою. Городская управа состоитъ изъ городскаго головы и членовъ, число которыхъ должно быть не менѣе двухъ. Въ небольшихъ уѣздныхъ и безъуѣздныхъ городахъ, а также и въ посадахъ, городскимъ думамъ дозволяется, не учреждая городской управы, возлагать лежащія на оной обязанности единолично на городскаго голову (т. II св. зак. ст. 2018). Дѣла, подлежащія коллегіальному обсужденію городской управы, рѣшаются по большинству голосовъ. Если однако, голова найдетъ, что опредѣленіе большинства противно законамъ, то онъ останавливаетъ исполненіе, но обязанъ при этомъ немедленно представить дѣло губернатору или градоначальнику, которые передаютъ его на рѣшеніе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія. Членами городской управы не могутъ быть одновременно отецъ и сынъ, тесть и зять, а также родные братья. Члены городскихъ управъ, при отправленіи своихъ обязанностей и въ торжественныхъ случаяхъ, носятъ особые знаки. Членамъ городской управы воспрещается входить въ подряды и поставки по предметамъ городскаго хозяйства; но имъ не возбраняется участвовать въ торгахъ на отдачу въ содержаніе городскихъ имуществъ, съ тѣмъ, чтобы, въ такомъ случаѣ, взамѣнъ участвующихъ въ торгахъ членовъ, къ присутствованію въ управѣ приглашались ихъ кандидаты (ст. 2049).

ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНІЕ. Такъ называются всѣ учрежденія, въ которыхъ сосредоточены всѣ дѣла городскаго обще-

ства. Учрежденія городскаго общественнаго управленія суть: городскія избирательныя собранія, городская дума и городская управа. Этимъ учрежденіямъ, согласно ст. 1 городоваго полож. (1948 ст. т. II св. зак.)., предоставляются попеченіе и распоряженія по городскому хозяйству и благоустройству. Кругъ дѣятельности городскаго общественнаго управленія ограничивается предѣлами города и отведенныхъ ему земель. Въ предѣлахъ предоставленной ему власти, оно дѣйствуетъ *самостоятельно;* но оно, въ постановленіяхъ и рѣшеніяхъ своихъ, не можетъ выходить изъ круга дѣлъ, указанныхъ ему 2 ст. гор. пол., и всякое постановленіе его въ противность сего состоявшееся, недѣйствительно. На городское общественное управленіе возлагается обсужденіе, опредѣленіе и приведеніе въ исполненіе законныхъ мѣръ. необходимыхъ для хода дѣлъ, вѣдѣнію этого управленія ввѣренныхъ. За превышеніе же власти, за неисполненіе законныхъ требованій властей, за нарушеніе законныхъ правъ обществъ и частныхъ лицъ и за вскякія вообще дѣйствія, противныя дѣйствующимъ законамъ, городское общественное управленіе подвергается законной отвѣтственности, по правиламъ, изложеннымъ въ ст. 2095—2108 того же Положенія. Надзоръ за законнымъ исполненіемъ городскимъ общественнымъ управленіемъ предоставленъ: въ губерніяхъ—губернатору. а въ градоначальствахъ—градоначальникамъ. по принадлежности.

ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА есть представитель городскаго населенія и стоитъ во главѣ городскаго общества. Должность городскаго головы замѣщается по выбору городской думы. Евреи не могутъ быть избираемы въ городскіе головы, ни исправлять ихъ должность. Лица, избранныя въ городскіе головы, утверждаются въ этихъ званіяхъ: въ столицахъ—Верховною властью, въ губернскихъ городахъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ, а въ прочихъ городахъ—губернаторомъ. Срокъ служенія городскаго головы—четырехлѣтній. Городскому головѣ предоставляется мундиръ по особому образцу и знакъ, носимый имъ при отправленіи своихъ обязанностей и въ торжественныхъ случаяхъ. Городской голова предсѣдательствуетъ въ думѣ и въ городской управѣ. Въ столицахъ и въ Одессѣ городскіе головы имѣютъ товарищей. Городской голова можетъ отлучиться изъ города на время до 2-хъ мѣсяцевъ, доведя лишь о томъ своевременно до свѣдѣнія губернатора или градоначальника, по принадлежности; на болѣе же продолжительныя отлучки онъ получаетъ разрѣшеніе: въ столицахъ—отъ министра внутреннихъ дѣлъ, а въ остальныхъ городахъ—отъ губернатора или градоначальника, по принадлежности. Городскому головѣ воспрещается входить въ подряды и поставки по предметамъ городскаго хозяйства.

ГОРОДСКОЙ СБОРЪ. Подъ городскимъ сборомъ разумѣются тѣ налоги, которые законъ предоставилъ городскимъ думамъ установлять въ пользу городовъ. Сборы эти дѣлятся на шесть разрядовъ:

1) Оцѣночный съ недвижимыхъ имуществъ,

2) Съ документовъ на право производства торговли и промысловъ;

3) Съ трактирныхъ заведеній, постоялыхъ дворовъ и съѣстныхъ лавочекъ;

4) Съ извознаго и перевознаго промысловъ;

5) Съ лошадей и экипажей, содержимыхъ частными лицами; и

6) Съ собакъ.

Первые три разряда сборовъ обязательные, а послѣдніе три—зависятъ отъ усмотрѣнія городскихъ думъ.

Независимо исчисленныхъ сборовъ въ городской доходъ поступаютъ:

1) Сборы, взимаемые въ пользу города при совершеніи, засвидѣтельствованіи, протестѣ и представленіи ко взысканію различныхъ актовъ;

2) Сборы, взимаемые при клейменіи мѣръ и вѣсовъ;

3) Сборъ съ аукціонныхъ продажъ движимаго имущества, производимыхъ чрезъ должностныхъ лицъ город. общ. управленія, въ размѣрѣ 2% съ вырученной при продажѣ суммы; и

4) Сборы съ привозимыхъ въ городъ и вывозимыхъ изъ него нѣкоторыхъ товаровъ и продуктовъ, на основаніи особыхъ постановленій.

Установленіе же новыхъ сборовъ въ пользу города можетъ послѣдовать не иначе, какъ по разрѣшеніи, законодательнымъ порядкомъ, ходатайствъ о томъ городской думы.

ГОРОДСКОЙ СЕКРЕТАРЬ есть одно изъ должностныхъ лицъ городскаго общественнаго управленія. Онъ состоитъ секретаремъ думы и замѣщается по выбору той же думы. Въ должность городскаго секретаря могутъ быть избираемы и лица, неудовлетворяющія условіямъ, уставленнымъ въ пунктѣ 2 и 3*) ст. 1964 т. II св. законовъ, издан. 1876 г., для права на городскихъ выборахъ. Срокъ службы городскаго секретаря опредѣляется думою. Въ столицахъ городской секретарь причисляется къ VI классу, по мундиру—къ VI рязряду, по пенсіи—ко 2 степени III разряда, а въ другихъ городахъ—по должности—къ VIII классу, по мундиру—къ VIII, а по пенсіи—къ VI разряду (прим. къ ст. 2046).

ГОРОДСКІЯ ИМУЩЕСТВА. Всѣ недвижимыя имущества, городскимъ обществамъ принадлежащія, называются *городскими имуществами*. По опредѣленію нашихъ законовъ гражданскихъ, «городскія имущества суть: городскія земли, лѣса, мельницы, выгоны и угодья,

*) Пун. 2 требуетъ, чтобы избранному было не менѣе 25 лѣтъ отъ рожденія, а п 3 требуетъ отъ избраннаго извѣстнаго имущественнаго ценза.

какъ внутри города, такъ и внѣ онаго, отведенныя городамъ. Городскими имуществами называются также и городскіе доходы (т. X ч. I, ст. 441 п. 2). Принадлежащія городу земли, назначенныя, по городскому плану, подъ площади, улицы, переулки, тротуары, проходы, мосты, переправы и бечевники. а равно и водяныя сообщенія, пролегающія чрезъ городскія земли, оставаясь городскою собственностью, состоятъ въ общемъ всѣхъ пользованіи (т. II, св. зак. изд. 1876 г. ст. 2067). Земли эти не могутъ быть отчуждаемы городскимъ общественнымъ управленіемъ безъ соотвѣтственнаго измѣненія въ планѣ города, съ утвержденія подлежащей власти. Городское общественное управленіе имѣетъ право именемъ города пріобрѣтать и отчуждать недвижимыя и движимыя имущества и вступать въ договоры, а равно искать и отвѣчать на судѣ по имущественнымъ дѣламъ города.

ГОСПОДА. Древне-русскій юридическій терминъ для означенія коллегіальной судебной власти. Въ Псковской Судной Грамотѣ (ст. 10) сказано: «въ случаѣ спора о землѣ да возмутъ истецъ и отвѣтчикъ межниковъ, да оба изведутся по своимъ грамотамъ, да ставши предъ *господою*», т. е. предъ коллегіальною судебною властью, или какъ переводитъ Устряловъ, *предъ вѣчевою властью* (см. «Христоматія по исторіи русскаго права», М. Владимірскаго-Буданова, вып. 1, изд. II, Кіевъ 1876 г. стр. 131).

ГОСТЕЙНОЕ. Такъ называлась въ старину на Руси плата на постоялыхъ дворахъ.

ГОСТИ. Въ древне-русской терминологіи, подъ словомъ «*гость*» подразумѣвалось лицо, занимавшееся торговлею. Различіе между «купцомъ» и «гостемъ» состояло въ томъ, что *купцомъ* назывался тотъ, кто занимался *внутреннею* торговлею, а лицо, занимавшееся *внѣшними* торговыми оборотами, имѣя сношенія съ заграничными торговыми рынками, называлось «гостемъ». Гости не были осѣдлыми, а, разъѣзжая съ мѣста на мѣсто, вели образъ жизни, такъ сказать, кочующій. Чтобы быть «гостемъ» нужно было оторваться отъ семьи и пуститься на предпріимчивость въ отдаленныя страны. Число лицъ, занимавшихся оборотами по внѣшней торговлѣ, было мало. Причина такой малочисленности *гостей* была весьма естественная. Заграничная внѣшняя торговля находилась въ рукахъ самого князя. Князь посылалъ нѣкоторыхъ своихъ бояръ съ торговыми порученіями и, конечно, никто, кромѣ князя, не могъ такъ удобно производить торговыхъ оборотовъ, какъ онъ. Слѣдовательно, хотя и были лица, которыя занимались торговыми оборотами съ заграницею, но число ихъ было мало и конкуренція подобныхъ лицъ была весьма невыгодна, потому что никому не могло быть такого удобнаго производства торговыхъ сношеній,

какъ князю. Вслѣдствіе той же малочисленности и конкуренціи съ княземъ, «гости» занимали почетное мѣсто въ ряду общества тогдашняго времени и стояли всегда съ боярами и, во всякомъ случаѣ, вслѣдъ за этими, такъ сказать, привилегированными классами населенія, и выше тѣхъ, которые, подъ общимъ наименованіемъ «черныхъ людей», составляли остальное населеніе городовъ, селъ и вообще областей, называясь иногда «людинами», иногда «горожанами», иногда «сельчанами», а иногда «слободчанами». Гости, какъ и купцы и черные люди, имѣли свое общинное управленіе. Они имѣли своихъ выборныхъ людей; для суда и расправы гости и купцы имѣли своихъ *старостъ*, а у черныхъ людей были свои *тысяцкіе**).

Слово «гость» въ смыслѣ купца, встрѣчается въ первый разъ въ русскомъ юридическомъ актѣ первой половины X вѣка. Въ п. 1 «Договора русскихъ съ греками, при князѣ Игорѣ, 945 года, сказано: «Мы отъ рода русскаго сълп и *гостье*», т. е мы послы и купцы отъ русскаго народа».

Въ настоящее время, хотя слово «гость» не употребляется въ смыслѣ «купца», тѣмъ не менѣе въ русскомъ торговомъ языкѣ удержались нѣкоторыя выраженія, произведенныя отъ слова «гость», въ торговомъ или купеческомъ смыслѣ. Такъ напр., «гостинымъ купцомъ» называется тотъ, кто, не считаясь кореннымъ купцомъ данной мѣстности, торгуетъ по временному гильдейскому свидѣтельству, въ качествѣ *гостя*; или «гостиный дворъ», т. е. мѣсто, отведенное для производства торговли; «гостинодворецъ»—купецъ, торгующій въ гостинномъ дворѣ, и т. п. По мнѣнію же профессора Срезневскаго, слово «гостье», употребленное въ «Договорѣ русскихъ съ греками», вовсе не имѣетъ значенія *купцовъ*, а—выборныхъ отъ городовъ послами въ Грецію.

ГОСТИНИКЪ. Древне-русскій терминъ, имѣвшій двоякое значеніе: 1) угощавшій гостей въ монастыряхъ; и 2) сборщикъ податей съ привозныхъ товаровъ.

ГОСТИНАЯ СОТНЯ. Подъ этимъ терминомъ извѣстна была до Петра Великаго часть купечества, которая вела обширные, по тогдашнему времени, торговые обороты. Въ царствованіи Петра терминъ «гостиная сотня» замѣненъ былъ званіемъ «купца первой гильдіи (см. Гильдія.)

ГОСТИНОЕ. Такъ называлась на Руси одна изъ старинныхъ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ. Она извѣстна была также подъ названіемъ «гостиной» дани. Названіе этого рода пошлины «гостиной» встрѣчается еще въ 1150 году. Съ конца XV стол. «дань гостиная» утрачиваетъ свое первоначальное значеніе и означаетъ уже одну изъ пошлинъ, взимавшихся за казенные гостиные дворы, а вмѣсто «дани

*) См. „Исторія русскаго права", Михайлова, (стр. 46—47).

гостиной», въ прежнемъ ея значеніи, вошла въ употребленіе «явка» (см. этотъ терминъ».

ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ. Торговое мѣсто. Первый гостиный дворъ былъ въ Новгородѣ, а затѣмъ уже московскій, который существуетъ съ XV ст. Наши гостиные дворы имѣютъ сходство съ базарами Востока.

ГОСТИНЫЙ СЫНЪ, сынъ иностраннаго купца.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДОЛЖНОСТЬ, въ современномъ смыслѣ, есть установленіе *постоянное*, предназначенное къ непрерывному осуществленію опредѣленныхъ цѣлей государства. Права и обязанности, соединенныя съ *должностью*, рѣзко отличаются, съ одной стороны отъ *случайныхъ и временныхъ* порученій, которыя всякое частное лицо можетъ получить отъ государственной власти, а съ другой—отъ должностей *общественныхъ*, на которыхъ, ради общихъ административныхъ удобствъ и ради осуществленія правительственныхъ цѣлей, возлагаются также извѣстныя обязанности, принадлежащія къ сферѣ государственныхъ должностей.

Государственная должность предназначается къ осуществленію опредѣленныхъ задачъ государства, возложенныхъ закономъ на данное установленіе, до тѣхъ поръ, пока онѣ, въ силу новаго закона, не будутъ переданы иному установленію. Государственныя должности предназначены къ осуществленію извѣстныхъ цѣлей государства, какъ опредѣленнаго юридическаго лица, какъ политической общности массы людей. Государственныя должности, имѣя своимъ назначеніемъ осуществленіе государственныхъ цѣлей, не могутъ быть разсматриваемы какъ пассивное орудіе, личныхъ цѣлей того или другаго представителя власти. Нравственное существо должности выражается въ сознаніи должностнаго лица, что оно служитъ высшимъ интересамъ политическаго общества, интересамъ, независимымъ отъ частнаго произвола. Это сознаніе сообщаетъ должности и занимающему лицу дѣйствительный авторитетъ и направляетъ послѣднее къ исполненію лежащаго на немъ долга.

Должностныя лица отличаются отъ гражданъ, отбывающихъ въ пользу государства извѣстныя услуги, на началахъ *повинности* (солдаты, присажные засѣдатели и т. д.). Должностныя лица, въ собственномъ смыслѣ, должны быть отличаемы отъ лицъ, хотя призванныхъ къ исполненію служебныхъ обязанностей, но не занимающихъ извѣстной должности съ опредѣленною степенью власти. Такія лица предназначаются къ пассивному исполненію порученій должностныхъ лицъ: обязанность ихъ ограничивается вспомоществованіемъ должностному лицу исполненіемъ за него извѣстныхъ, обыкновенно механическихъ, работъ, но сами не представляютъ никакой *должности*. Нѣмецкіе юристы различаютъ меж-

ду *должностными* лицами и лицами, помогающими должностнымъ лицамъ: первыхъ они называютъ Staatsbeamten, а вторыхъ—Amtsgehilfen Въ нашемъ же законодательствѣ, первые называются *должностными лицами*, а вторые—*канцелярскими чиновниками* въ обширномъ смыслѣ. Различіе между служащими той или другой категоріи лицъ, лежитъ въ природѣ ихъ правъ и обязанностей, а не въ іерархіи ихъ служебнаго положенія. «*Должностнымъ* можетъ быть названо только то лицо, которому ввѣрена извѣстная доля правительственныхъ правъ для самостоятельнаго ихъ осуществленія, слѣдовательно съ правомъ распоряженія и приказаній; но вспомогательные или *канцелярскіе* чиновники предназначены для исполненія формальныхъ работъ при должностномъ лицѣ, какъ-то: изготовленіемъ бумагъ, докладовъ и т. п. На этомъ основаніи нашъ знатокъ государственнаго права, профессоръ А. Градовскій, называетъ первыхъ «должностными лицами», а вторыхъ—«состоящими при должности»*).

«Опредѣленіе къ должности» не равносильно выраженію «поступленія на службу». Отъ условій *поступленія на службу* вообще должно отличать условія *опредѣленія къ должности*. «Поступить на *службу*» значитъ, быть причисленнымъ къ рязряду слугъ государственнаго управленія, для исполненія извѣстныхъ обязанностей по порученію другихъ но «опредѣленіе къ *должности*» даетъ понятіе о сообщеніи отъ государства права вѣдать извѣстную часть управленія на основаніяхъ, указанныхъ въ законѣ.

Всякая *должность* есть делегація верховной власти: всякое установленіе дѣйствуетъ именемъ главы государства; поэтому, назначеніе *должностныхъ лицъ*, въ принципѣ, принадлежитъ главѣ государства. Но, такъ какъ верховная власть не можетъ непосредственно избирать должностныхъ лицъ всѣхъ степеней управленія, то начало назначенія по непосредственному избранію и усмотрѣнію верховной власти примѣняется только къ опредѣленному кругу лицъ, а остальныя должности или замѣщаются верховною властью, по представленію начальствъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, или замѣщаются самыми начальствами по принадлежности. Начало *непосредственнаго* назначенія отъ верховной власти примѣняется ко всѣмъ *высшимъ* должностямъ. По нашимъ законамъ, подъ «высшими должностями» понимаютъ должности первыхъ трехъ классовъ, а именно: члены государственнаго совѣта, сенаторы, члены синода, министры, главноуправляющіе, равно какъ и ихъ товарищи, члены комитета министровъ, генералъ-губернаторы и т. д. Начало на-

*) См. „Начала рус. госуд. права“ т. II стр. 50.

значенія Верховною властью, по *представленію* министровъ и главноуправляющихъ, примѣняется, главнымъ образомъ, къ должностямъ четвертаго класса, какъ-то: директоры департаментовъ, оберъ прокуроры сената, губернаторы, прокуроры судебныхъ палатъ и т. п. Исключеніе допущено только въ отношеніи должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, которыя утверждаются Высочайшею властью *по представленію*, хотя и ниже IV класса по должности. Это исключеніе допущено для сообщенія *судейскимъ* должностямъ болѣе независимости.

Назначеніе на штатныя должности обусловливается, по нашему законодательству, еще началомъ соотвѣтствія должности и чина.(см. Чинъ). Исключеніе изъ этого правила допущено закономъ лишь для лицъ судебнаго вѣдомства, по началамъ новой судебной реформы. Назначеніе на должность имѣетъ своимъ послѣдствіемъ установленіе *исключительной* связи должностнаго лица съ однимъ родомъ дѣятельности, которому оно должно посвятить все свое время. Отсюда вытекаютъ слѣдующія общія правила: 1) никто не можетъ занимать должность одновременно въ *разныхъ* вѣдомствахъ; и 2) никто не можетъ занимать двухъ или болѣе должностей въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ. Первое правило особенно строго примѣнено къ судебному вѣдомству, въ виду обезпеченія независимости судебнаго персонала. При замѣщеніи *должностей* правительство должно быть обезпечено отъ невыгодъ, проистекающихъ отъ пристрастнаго исполненія должности и даже отъ подозрѣнія въ такомъ пристрастіи. Правительство должно быть обезпечено въ томъ, что его органъ будетъ служить только цѣлямъ государства и что каждое дѣйствіе этого органа будетъ имѣть необходимый для правительства нравственный авторитетъ. Поэтому, законодательство наше стремиться, противодѣйствовать серьезному, въ административныхъ отношеніяхъ, злу, могущему произойти отъ *непотизма*, или покровительства по службѣ своимъ родственникамъ, и съ этою цѣлью 166 ст. устава о службѣ запрещаетъ опредѣлять къ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ чиновниковъ для особыхъ порученій изъ родственниковъ и однофамильцевъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМѢНА. Юридическій терминъ уголовнаго права. Самое прилагательное показываетъ, что измѣна есть преступленіе только противъ *государства*, противъ его интересовъ. Въ Уложеніи о наказ. (ст. 253) законъ подробно исчисляетъ всѣ факты, составляющіе *государственную измѣну*. Факты эти сгрупированы въ *пять* разрядовъ, изъ которыхъ: два первые составляютъ *измѣну вообще*, третій составляетъ спеціальный родъ измѣны—*военную измѣну*, а четвертый и пятый *измѣну дипломатическую*. За *измѣну* во всѣхъ пяти случаяхъ полагается смертная казнь. О всѣхъ видахъ *измѣны*, см. Измѣна.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ есть органъ, учрежденный для цѣлей дѣлопроизводства при государственномъ совѣтѣ. Главное завѣдываніе государственною канцеляріею возложено закономъ на государственнаго секретаря. Канцелярія раздѣляется на *отдѣленія*, которыя соотвѣтствуютъ департаментамъ совѣта. Отдѣленіями управляютъ статсъ-секретари. дѣлопроизводители и прочіе чины. Разсмотрѣніе дѣлъ въ департаментахъ основывается на *докладѣ*, составленномъ въ государственной канцеляріи. Принципъ этотъ принятъ въ нашемъ законодательствѣ еще при первомъ учрежденіи государственнаго совѣта и остается неизмѣненнымъ до настоящаго времени. Всѣ дѣла, поступающія въ государственный совѣтъ, присылаются не на имя предсѣдателя совѣта, а на имя государственнаго секретаря, чрезъ государственную *канцелярію*.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ. Распредѣленіе доходовъ и расходовъ государства, ежегодно составляемое заблаговременно на слѣдующій годъ, называется «государственною росписью». Въ конституціонныхъ государствахъ такая роспись называется «бюджетомъ», который составляется подлежащими властями и утверждается палатами. У насъ «государственная роспись» составляется министерствами, каждымъ по своему вѣдомству отдѣльно, разсматривается государственнымъ совѣтомъ и утверждается Высочайшею властью. Начиная съ 1863 года «государственная роспись» публикуется ежегодно для всеобщаго свѣдѣнія.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА (Officium, Amt) есть извѣстное юридическое отношеніе, возникающее для даннаго лица, вслѣдствіе принятія имъ опредѣленной *государственной должности* (см. этотъ терминъ). Положеніе лица, вступающаго въ государственную службу, опредѣляется совокупностью отношеній его къ государству и къ главѣ государства. Способъ возникновенія этихъ отношеній, ихъ содержаніе и способы прекращенія представляютъ своеобразные признаки. Юристы прежнихъ временъ стремились подвести служебныя отношенія подъ понятіе тѣхъ или другихъ видовъ *договора;* но большинство юристовъ новаго времени видитъ основаніе всѣхъ служебныхъ отношеній именно въ томъ актѣ государственной власти, которымъ данное лицо призывается къ отправленію извѣстной должности, въ силу *назначенія* (Anstellungsdekret). Хотя въ процессѣ назначенія на должность можно различать элементы *двухсторонняго договора*—предоставленія должности и принятія ея—тѣмъ не менѣе *двухсторонность* этого акта не даетъ права заключать о его частно-гражданскомъ характерѣ. Назначеніе на гражданскую должность не влечетъ за собою просто *обмѣна услугъ* между правительствомъ и частнымъ лицомъ, а назначенное лицо облекается извѣстною долею *власти*, которою оно пользуется отъ *имени* главы государства и *для* го-

сударства. Съ самаго начала своей служебной дѣятельности, лицо, вступающее въ государственную службу, пріобрѣтаетъ значеніе *органа* цѣлаго политическаго союза. Поэтому, *приказъ о назначеніи* разсматривается какъ спеціальный законъ (Lex specialis), имѣющій свое самостоятельное содержаніе и влекущій за собою особыя послѣдствія.

Какъ опредѣленіе на службу государственную не есть *частный договоръ*, такъ и прекращеніе служебныхъ отношеній или видоизмѣненіе ихъ не можетъ быть также подчинено обыкновеннымъ условіямъ *частныхъ сдѣлокъ*. Государственная власть, избирая пригодный для общественныхъ цѣлей органъ, обставляя назначеніе на должность извѣстными условіями, должна пользоваться и правомъ перемѣщенія, увольненія и исключенія изъ службы также подъ извѣстными условіями, обезпечивающими интересы государства.

Правда, что и въ отношеніяхъ служащаго къ государству слѣдуетъ различать два элемента: основной или *государственный*, обнаруживающійся въ самомъ отправленіи служащимъ своей должности, имѣющей *публичный* характеръ, и *частный* или добавочный, принадлежащій служащему *лично* и, въ извѣстныхъ случаяхъ, могущій даже быть защищаемымъ *искомъ**); но и этотъ *частный* элементъ не даетъ повода подвести служебныя отношеніе подъ понятіе тѣхъ или другихъ видовъ договора. Лицо, вступающее въ государственную службу, входя въ составъ правительственнаго организма, дѣйствуетъ, въ принципѣ, не на основаніи договора, а по порученію главы государства, во имя котораго отправляется правосудіе. Подъ соблюденіемъ извѣстныхъ законныхъ условій, всѣ лица, состоящія на государственной службѣ, подчинены главѣ государства и обязаны исполнять его требованія, отправлять свою должность въ его духѣ. Служащій составляетъ особый общественный классъ съ своими спеціальными правами и обязанностями. Въ силу этихъ условій, къ разряду лицъ, находящихся на *государственной* службѣ, не могутъ быть причислены вообще тѣ лица, которыя служатъ органами другихъ *общественныхъ* организмовъ —церкви, обществъ и т. п. Понятія *служащаго* лица, по общему правилу, соединяются съ понятіемъ лица, занимающаго опредѣленную *государственную должность*; съ понятіемъ же «должностей» соединяется осуществленіе одного изъ правъ государственнаго верховенства, по делегаціи главы государства. Отсюда слѣдуетъ, что чиновникомъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, можетъ быть названо только лицо, получившее въ свое *самостоятельное* завѣдываніе, подъ условіемъ отвѣтственности, опредѣленную часть управленія. Служащее лицо, занимающее должность, есть *власть*,

*) Напримѣръ: право на жалованье, право на пенсію и право на вознагражденіе за вредъ и убытокъ, понесенные имъ при исполненіи служебныхъ обязанностей.

имѣщая право рѣшать самолично или коллегіально, извѣстные вопросы въ кругу своей компетенціи (см. Государственная должность).

Хотя служебное положеніе и характеръ службы всѣхъ органовъ государственной власти и представляютъ нѣкоторыя общія черты, тѣмъ не менѣе изъ существа нѣкоторыхъ задачъ государства, изъ природы отдѣльныхъ функцій власти, вытекаетъ необходимость разграничить отдѣльные виды и роды государственной службы, подчинивъ каждый изъ нихъ особымъ условіямъ. Съ развитіемъ правильныхъ началъ администраціи въ современныхъ государствахъ Европы, установилось различіе между *военною* и *гражданскою* службою, между *судебною* и *административною*. Послѣднее различіе принято нашимъ законодательствомъ лишь со времени введенія судебной реформы, когда у насъ впервые провозглашена была *несмѣняемость* судей, въ виду того, что существо судебныхъ должностей требуетъ большей самостоятельности и независимости лицъ, ихъ занимающихъ.

Сравнивая условія вступленія на государственую службу, установленныя нашимъ русскимъ законодательствомъ, съ условіями, требуемыми главнѣйшими иностранными законодательствами, нельзя не замѣтить, что хотя между ними и есть большое сходство, однакожъ существуютъ и крупныя отличительныя черты.

Право вступленія въ государственную службу въ западной Европѣ вообще обставлено слѣдующими условіями:

1) Оно принадлежитъ всякому *природному* подданному государства, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія. По общему правилу, *иностранцы* не допускаются къ занятію государственныхъ должностей, хотя это правило и допускаетъ исключенія, особенно въ области ученой и учебной. Такія же правила приняты и нашимъ законодательствомъ, исключая *вѣроисповѣданія*. Хотя, по точному смыслу 2 ст. III т. уст. о службѣ отъ правит., различіе *вѣроисповѣданія* и *племени* не должно составлять препятствія къ опредѣленію на службу, тѣмъ не менѣе, до послѣдняго времени существовали строгія ограниченія относительно *евреевъ*, которыя, впрочемъ, немного смягчились лишь съ начала шестидесятыхъ годовъ*).

2) Поступленіе на службу, съ правомъ занятія всѣхъ должностей,

*) Въ 1861 году дозволено допускать на государственную службу по всѣмъ вѣдомствамъ евреевъ, имѣющихъ дипломы россійскихъ университетовъ на ученыя степени, хотя льгота эта, можно сказать, существуетъ только de jure, но de facto число евреевъ на государственной службѣ по всей обширной имперіи весьма ничтожно, не смотря на то, что контингентъ евреевъ, имѣющихъ ученыя степени отечественныхъ университетовъ, въ настоящее время же довольно значителенъ.

принадлежитъ преимущественно лицамъ *мужскаго* пола. Лица *женскаго* пола допускаются къ занятію только нѣкоторыхъ *спеціальныхъ* должностей, а *общихъ*—только опредѣленнаго класса. Такъ, во Франціи, напр., женщины, сверхъ учебной части, допускаются еще къ занятію должностей по почтовому управленію безъ ограниченія, а по другимъ—къ должностямъ, жалованье которыхъ не превышаетъ 2000 франковъ въ годъ. И въ нашемъ законодательствѣ *полъ* есть одно изъ условій государственной службы и лица *женскаго* пола принимаются на службу, главнымъ образомъ, по учебному вѣдомству. Немногочисленныя исключенія существуютъ по другимъ вѣдомствамъ. Напр. по счетной, телеграфной и нѣкот. другимъ.

3) Поступающій на службу долженъ обладать *гражданскою честью*. Поэтому, лица, по суду ограниченныя въ своихъ правахъ за преступленія или объявленныя несостоятельными должниками, не могутъ вступать въ государственную службу, какъ лишенныя довѣрія государства. Обладаніе *гражданскою честью* есть одно изъ главныхъ условій государственной службы и по нашему законодательству. Не говоря уже о томъ, что лишеніе *всѣхъ*, *нѣкоторыхъ* или *особенныхъ* правъ состоянія влечетъ за собою утрату *на всегда* права вступать на государственную службу, нашъ законъ знаетъ еще лишеніе права поступать на государственную службу въ теченіи *нѣкотораго* времени. Напр. выходъ изъ духовнаго званія, несостоятельность—до закрытія конкурса и опредѣленія свойства несостоятельности, расточительность—до снятія опеки и т. п. Исключенные же изъ духовнаго званія за пороки, вовсе не принимаются на службу.

4) Отъ поступающихъ на службу требуется опредѣленный *возрастъ*. Хотя по иностраннымъ законодательствамъ, общій срокъ гражданскаго совершеннолѣтія не есть необходимое условіе для поступленія на службу, тѣмъ не менѣе сроки возраста различаются по природѣ должностей и качеству службы. Тоже самое принято и нашимъ законодательствомъ. Общее совершеннолѣтіе для гражданской дѣятельности начинается съ 21 года отъ рожденія, но, въ отношеніи государственной службы, сдѣлано исключеніе. Такъ, согласно 13 и 14 ст. уст. о службѣ, причисленіе къ гражданскому вѣдомству дозволяется по достиженіи 14 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы недостающіе годы до 16 лѣтъ не шли въ счетъ дѣйствительной службы, а начало дѣйствительной службы считается съ того времени, когда служащему минетъ 16 лѣтъ.

5) Въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ признано начало всеобщей воинской повинности, желающій вступить въ гражданскую службу, обязанъ предварительно отбыть ее. Со введеніемъ всеобщей воинской по-

винности въ Россіи, поступленіе на государственную службу также обусловливается отбытіемъ въ установленномъ порядкѣ этой повинности. За то же право вступленіе въ гражданскую службу дается лицамъ, хотя и состоящимъ въ запасѣ (уст. воин. ст. 23).

Сверхъ этихъ условій, всѣ государства требуютъ отъ лицъ, желающихъ быть его органами, доказательствъ *способности* къ службѣ, доказательствъ *спеціальной* къ ней подготовки. Это условіе извѣстно подъ общимъ терминомъ *образовательнаго ценза*. Но не во всѣхъ государствахъ существуютъ одинаковыя правила по поводу условія «образовательнаго ценза». Въ Германіи и въ Англіи установлены *государственные экзамены* (см. это слово), а въ другихъ государствахъ, *общее и спеціальное* образованіе доказывается дипломами высшихъ учебныхъ заведеній. Къ послѣдней категоріи принадлежитъ и Россія, которая, впрочемъ, къ ней присоединилась лишь съ послѣдняго времени и то только въ отношеніи одного *судебнаго* вѣдомства. Наше коренное русское законодательство вообще не заключаетъ въ себѣ требованія, чтобы лица, вступающія въ ту или другую отрасль службы, непремѣнно имѣли извѣстный уровень образованія. Оно не знаетъ *умственнаго ценза*, какъ общаго правила. По своду законовъ 1857 года, *образованіе* даетъ лицамъ, поступающимъ на государственную службу, только извѣстное *преимущество* и нѣкоторое *предпочтеніе*. Преимущество это состоитъ въ сокращеніи срока на полученіе чина, а предпочтеніе заключается въ томъ, что, при выборѣ кандидатовъ, «окончившіе полный курсъ въ гимназіяхъ принимаются на службу *предпочтительно* тѣмъ, кои не обучались въ гимназіяхъ, или другихъ равныхъ по предметамъ преподаванія заведеніяхъ» (уст. о службѣ отъ правительства т. III св. зак. ст. 86). Но терминъ «предпочтительно» не имѣетъ достаточной юридической опредѣлительности и силы, а содержитъ въ себѣ только родъ совѣта начальству, принимающему на службу. Полученіе же высшаго образованія считалось роскошью и требовалось только въ исключительныхъ случаяхъ. Лишь со времени введенія у насъ новой судебной реформы законодательство наше, по отношенію къ лицамъ, вступающимъ на службу по *судебному* вѣдомству, стало гораздо требовательнѣе. Въ судебныхъ уставахъ обнаруживается уже стремленіе сдѣлать юридическое образованіе *необходимымъ* условіемъ для занятія судебныхъ должностей (учр. суд. уст. ст. 203). Творцы нашихъ судебныхъ уставовъ признали, что *умственныя* условія способности къ судебному званію состоятъ въ *юридическомъ* образованіи. Вотъ что говоритъ профессоръ К. Малышевъ*), по поводу вопроса о необхо-

*) «Курсъ Граж. Права» т. 1-й стр. 94.

димости для судей юридическаго образованія: «Задача юридическаго образованія заключается въ томъ, чтобы познакомить насъ съ системою права, которая подлежитъ судебному охраненію и на основаніи которой судъ долженъ дѣйствовать; слѣдовательно, это условіе составляетъ кардинальный пунктъ въ организаціи правосудія, такъ какъ невозможно охранить такую сложную систему, какъ законодательство цѣлой страны, если судья не знаетъ того, что ввѣрено его охраненію. Въ судопроизводствѣ вообще нельзя сдѣлать ни одного шага безъ вопросовъ о правѣ, о законѣ и самый честный судья, даже съ высшимъ религіозно-нравственнымъ направленіемъ и съ потомственнымъ цензомъ по происхожденію, при отсутствіи основательныхъ и точныхъ свѣдѣній о правѣ, не въ состояніи будетъ удовлетворить требованіямъ правосудія и будетъ плохимъ защитникомъ правъ гражданъ, и ненадежнымъ блюстителемъ закона, потому что право есть система положительная, исторически выростающая, ее нельзя замѣнить ни религіознымъ міросозерцаніемъ, ни чутьемъ честнаго человѣка, ни здравымъ смысломъ. Вотъ почему въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ нѣтъ юридическаго образованія, разстроено и правосудіе. Только съ развитіемъ юридической культуры улучшается и процессъ. Что образованные юристы постепенно сосредоточивали все правосудіе народовъ въ своихъ рукахъ, вытѣсняя изъ судовъ элементъ народный, выборный, сословный, церковный и т. д.—это историческій фактъ. Этому классу спеціалистовъ обязаны современныя государства, Западной Европы установленіемъ прочной и надежной системы охраненія правъ. Въ настоящее время на Западѣ Европы юридическое образованіе считается за conditio sine qua non для судебной службы». У насъ въ Россіи, въ прежнее время, до судебной реформы, правительство наше, хотя и сознало, что юридическое образованіе судей есть краеугольный камень правосудія, однако оно не могло предпринять мѣръ къ замѣщенію *всѣхъ* судебныхъ должностей лицами, приготовленными къ званію судей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, потому что лица съ спеціальнымъ юридическимъ образованіемъ были у насъ большою рѣдкостью. Въ среднихъ и низшихъ инстанціяхъ судьи были выборные и главнымъ дѣломъ считалось то, чтобы судья былъ дворянинъ, купецъ и т. д. Предполагалось, что дворяне, какъ служилый классъ, естественно способны къ службѣ гражданской и что купцамъ ближе всего знать торговое право, какъ податному народу свои обычаи. Главными законниками считались одни только секретари, на которыхъ возлагалась обязанность подводить къ дѣламъ законы для руководства судей съ росписью секретаря, *«что узаконенія приличныя назначены всѣ, и что болѣе приличныхъ узаконеній не имѣется»* (т. X ч. ст. 461); но и эти законники, въ рѣд-

кихъ случаяхъ были слушателями юридическаго факультета, а большею частью выходили изъ *практической* школы, обладая навыкомъ къ закону. Даже въ сенатѣ—этомъ высшемъ судилищѣ государства—члены судебныхъ департаментовъ не всегда были юристами по спеціальности. Сенаторы назначались изъ первыхъ трехъ классовъ чиновъ гражданскихъ и даже военныхъ. за ихъ заслуги въ гражданскихъ и административныхъ должностяхъ, или на военномъ поприщѣ. Однимъ же и важнѣйшихъ результатовъ судебной реформы надобно считать то, что она обратила серьезное вниманіе на необходимость юридической подготовки къ судебному званію, хотя, по обстоятельствамъ времени, этотъ принципъ не могъ быть тотчасъ же проведенъ въ жизнь со всею строгостью и во всей полнотѣ. Это видно изъ 203 ст. учр. суд. уст., по которой судебныя должности могутъ занимать лица, или имѣющія аттестаты университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса юридическихъ наукъ, или же «доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебной части». Послѣдняя альтернатива есть временная уступка, основанная на томъ, что, при начертаніи судебныхъуставовъ, у насъ было недостаточно людей юридически образованныхъ (см. мотивы къ этой статьѣ).

Профессоръ Градовскій*) не одобряетъ альтернативы 203 ст. учр. суд. уставовъ. Онъ находитъ, что ст. 203, ставя на одну доску *юридическое образованіе*, полученное въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, съ *практическими* свѣдѣніями, пріобрѣтенными на службѣ, открываетъ судебному управленію широкую возможность выбора, и, такимъ образомъ, *необходимость* юридическаго образованія, провозглашенная судебными уставами, можетъ оказаться фикціею. Тѣмъ болѣе, что законъ не опредѣляетъ ни срока, въ теченіи котораго лицо можетъ *«доказать»* свои практическія познанія, ни самого рода его дѣятельности. Но врядъ ли эти опасенія почтеннаго профессора справедливы. Двадцатилѣтнее существованіе въ Россіи новой судебной реформы доказываетъ, что судебное управленіе, не смотря на широкій просторъ выбора, само старается пополнить контингентъ чиновъ судебнаго вѣдомства лицами, получившими юридическое образованіе, и, если среди громаднаго судебнаго персонала и встрѣчаются нѣкоторыя лица безъ юридическаго образованія, то, по всей вѣроятности, они *доказали* свои *практическія* познанія по службѣ и по судебной части, которыя уравновѣшиваются съ знаніями, пріобрѣтенными въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе еще на одну особенность нашего устава о службѣ отъ правительства, которой нѣтъ въ иностранныхъ за-

*) См. «Начала Рус. Госуд. Права», т. II, ст. 65.

конодательствахъ. По русскимъ законамъ особеннымъ условіемъ для поступленія на службу является *происхожденіе*. Происхожденіе открываетъ доступъ на государственную службу прежде всего *дворянству*. Хотя жалованныя грамоты Петра III и Екатерины II освободили дворянство отъ обязательной службы, но законодательство наше продолжаетъ смотрѣть на дворянство, какъ на сословіе, по преимуществу призванное къ государственной службѣ. Оно неоднократно и настойчиво выражаетъ этотъ взглядъ, какъ въ III, такъ и въ другихъ томахъ свода законовъ. Поэтому дворяне потомственные и дѣти личныхъ дворянъ имѣютъ преимущественное право поступленія на службу; лицъ же податныхъ классовъ законъ положительно воспрещаетъ принимать на государственную службу (т. III уст. о служ. ст. 4). Тѣмъ не менѣе, лица изъ податныхъ классовъ могутъ получать это право по *образованію*. Происхожденіе, имѣющее такое значеніе при поступленіи на службу, имѣетъ также сильное вліяніе и на прохожденіе ея. Если права происхожденія нейтрализируются, до извѣстной степени, правами образованія, то послѣднія, въ свою очередь, ослабляются правами происхожденія.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БАНКРОТСТВО есть юридическое выраженіе, означающее то состояніе, когда государство или совершенно отказывается отъ уплаты долговъ, или не платитъ слѣдующихъ за нихъ процентовъ, или производитъ уплату монетой низшаго достоинства (см. Банкротство).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВРАЧЕБНОВѢДЕНІЕ есть наука обнимающая правила примѣненія медицины къ благу всего государства. Она раздѣляется: на судебную медицину и на медицинскую полицію или общественную гигіену.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗНАЧЕЙСТВО. Такое названіе носитъ одинъ изъ департаментовъ министерства финансовъ, въ вѣдѣніи котораго состоятъ: главное казначейство, губернскія и областныя казначейства и казенныя палаты. Государственное казначейство наблюдаетъ за приходомъ и расходомъ суммъ по отдѣльнымъ казначействамъ, ведетъ главное счетоводство и проч.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО, см. Право.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЧИНЫ (Etats generaux). Подъ этимъ названіемъ извѣстны во Франціи тѣ собранія депутатовъ отъ духовенства, дворянства и городовъ, которыя, въ средніе вѣка, созывались для вотированія субсидій. Эти государственные чины пріобрѣли постепенно большое вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ и во время французской революціи преобразовались въ національное собраніе.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВЪ, см. Архивъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНКЪ, см. Банкъ Государственый.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГЪ. Совокупность денежныхъ обязательствъ, лежащихъ на цѣломъ государствѣ. называется *государственнымъ долгомъ*. Государственный долгъ происходитъ отъ превышенія расходовъ, потребныхъ для государственнаго управленія, надъ доходами, поступающими въ казну. Государственный долгъ образуется изъ займовъ у банкировъ или выпускомъ кредитныхъ билетовъ и процентныхъ бумагъ Государственные долги бываютъ, процентные и безпроцентные. срочные и безсрочные, внутренніе и внѣшніе.

Система государственныхъ займовъ принадлежитъ къ финансовому хозяйству всѣхъ цивилизованныхъ государствъ. Государственные долги съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возрастаютъ и правительства всѣхъ государствъ не только не избѣгаютъ займовъ, но даже видятъ въ нихъ потребность. Поэтому, финансовая наука занимается регулированіемъ этой потребности и вырабатываетъ средства для лучшаго удовлетворенія долговъ. Финансовое искусство, путемъ многихъ соображеній и опытовъ, выработало извѣстныя правила, на основаніи которыхъ стало возможнымъ соединять большіе расходы и дѣлаемые ради нихъ долги съ правильнымъ ходомъ финансоваго хозяйства. Финансовая наука не осуждаетъ дѣланія государственныхъ долговъ, а напротивъ, — при извѣстной высотѣ налоговъ, оказывается для государства наиболѣе удобнымъ, для удовлетворенія чрезвычайныхъ, большихъ расходовъ. употреблять въ дѣло свой кредитъ, который, по общему и единогласному признанію всѣхъ, есть самый вѣрный признакъ хозяйственнаго развитія народовъ новѣйшаго времени. Государственные займы находятся въ прямой зависимости отъ государственнаго кредита; поэтому, заключеніе займовъ тѣмъ легче, чѣмъ большимъ довѣріемъ пользуется государство. Главныя условія государственнаго кредита—это денежная способность правительства покрывать расходы. порождаемые займомъ. Все это зависитъ отъ степени народнаго благосостоянія, отъ хорошаго состоянія финансовъ и отъ прочности всего государственаго строя.

Русскій государственный долгъ особенно возросъ по случаю двухъ послѣднихъ восточныхъ войнъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРЕДИТЪ, см. Кредитъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ есть высшее учрежденіе для наблюденія за правильностью движенія государственныхъ и общественныхъ капиталовъ. Государственный контроль учрежденъ вмѣстѣ съ другими министерствами въ 1802 году; но получилъ коренное измѣненіе,

главнымъ образомъ, въ 1862 году, изданіемъ «Положенія о финансовой смѣтѣ».

Новое «Положеніе о финансовой смѣтѣ» открыло государственному контролю участіе въ ея составленіи. Согласно этому измѣненъ и текстъ 1669 ст. учрежд. минист., опредѣляющей назначеніе этого установленія. Новая редакція означенной статьи, оставляя въ силѣ главную цѣль этого учрежденія—«наблюдать за правильностью движенія казенныхъ и общественныхъ капиталовъ»,—указываетъ на новыя обязанности его, которыя заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ повѣркѣ финансовой смѣты министерства финансовъ противъ существующихъ положеній; 2) въ повѣркѣ смѣтныхъ предположеній финансовыхъ смѣтъ всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій противъ дѣйствительнаго исполненія предъидущихъ смѣтъ; и 3) въ сообщеніи государственному совѣту заключеній по испрошенію кредитовъ дополнительныхъ или экстроординарныхъ. Затѣмъ, въ качествѣ инстанціи, наблюдающей за правильностью движенія капиталовъ, контроль сохранилъ всѣ обязанности, возложенныя на него «Положеніемъ» 1836 года. Именно на него возложены 1) опредѣленіе степени правильности обращенія капиталовъ; 2) дѣла по сложенію и взысканію начетовъ, открываемыхъ ревизіею; 3) соображеніе о выгодности или невыгодности разныхъ операцій; 4) выдача квитанцій отчетнымъ управленіямъ; и 5) представленіе Государю отчетовъ объ успѣхахъ отчетности и о ходѣ и результатѣ повѣрки капиталовъ каждаго управленія. Такимъ образомъ, цѣли и обязанности государственнаго контроля и новымъ «Положеніемъ» остались тѣ же, которыя были до его изданія, но измѣнились только средства къ ихъ исполненію. До реформы 1863 и 1866 годовъ, государственный контроль не могъ успѣшно удовлетворять своему назначенію; по ревизіи движенія суммъ въ *центральныхъ* установленіяхъ, такъ какъ средства контроля состояли въ ревизіи отчетовъ, составлявшихся въ министерствахъ, и въ перевѣркѣ книгъ, а ревизія отчетовъ, безъ ревизіи документальной, имѣла довольно *внѣшній* характеръ. Перевѣрка книгъ далеко не восполняла этого недостатка. Далѣе, каждое вѣдомство, въ отношеніи обращавшихся въ немъ суммъ, образовало особую кассу, и контроль не имѣлъ средствъ провѣрить, какія суммы подлежатъ возвращенію въ государственное казначейство. Когда же въ 1863 году предположено было установить единство кассы, то въ каждомъ вѣдомствѣ открылись весьма значительныя суммы, подлежавшія возвращенію. Въ виду устраненія этихъ неудобствъ, признано было необходимымъ облечь контроль правомъ *документальной* ревизіи суммъ. Для этой цѣли учреждена была, въ первый разъ въ видѣ опыта, ревизіонная комиссія и введено «единство кассы».

Что же касается обращенія суммъ въ установленіяхъ *мѣстныхъ*, то, въ этомъ отношеніи, средства государственнаго контроля были еще неудовлетворительнѣе. Дѣятельность контрольныхъ отдѣленій казенныхъ палатъ не удовлетворяла своему назначенію. Въ 1866 году признано было необходимымъ учредить органы государственнаго контроля въ губерніяхъ. Такими органами и явились—«контрольныя палаты».

Такимъ образомъ, въ настоящее время, дѣятельность государственнаго контроля представляется въ слѣдующемъ видѣ. Законодательство осталось вѣрнымъ тому началу, что обязанности контроля раздѣляются на два разряда: къ первому относится *производство* ревизіи, а ко второму—*утвержденіе* ревизіи; но существенныя перемѣны произошли лишь въ *способахъ* производства ревизіи.

Государственный контроль состоитъ подъ управленіемъ государственнаго контролера и слагается изъ слѣдующихъ составныхъ частей: изъ ревизіонной коммиссіи, департамента морскихъ отчетовъ и совѣта государственнаго контроля.

1) *Ревизіонная коммиссія* состоитъ изъ управляющаго, его помощника, ревизоровъ старшихъ и младшихъ, счетныхъ чиновниковъ и секретаря. Управляющему присвоены права генералъ-контролера бывшихъ департаментовъ. На ревизоровъ возлагается производство документальной ревизіи и повѣрки смѣтъ. Счетные чиновники исполняютъ подчиненныя обязанности по повѣркѣ итоговъ, сличенію вѣдомостей и т. д. Секретарь завѣдываетъ частями: хозяйственной, инспекторской, письмоводствомъ и другими дѣлами, не относящимися къ обязанностямъ ревизоровъ.

Обязанности ревизіонной коммиссіи не ограничиваются производствомъ документальной ревизіи. На нее возлагается: а) повѣрка финансовыхъ смѣтъ, по коимъ расходы производятся въ Петербургѣ, и составленіе общаго отчета по исполненію этихъ смѣтъ; б) составленіе отчета о ходѣ и послѣдствіяхъ ревизіи; и в) свидѣтельство наличныхъ суммъ въ казначействахъ,—главномъ и губернскомъ.

2) *Департаментъ морскихъ отчетовъ* состоитъ изъ генералъ-контролера, общаго присутствія, оберъ-контролеровъ, контролеровъ и канцеляріи. Въ настоящее время, въ этотъ департаментъ переведены дѣла по ревизіи матеріальной отчетности морскаго министерства. Какъ «Коммиссія», такъ и «Департаментъ», въ дѣйствіяхъ своихъ подчиняются непосредственно государственному контролеру.

3) *Совѣтъ государственнаго контроля*. Ему предоставлены дѣла по *утвержденію* ревизіи. Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ государственнаго контролера, состоитъ изъ его товарища, членовъ, назначаемыхъ Государемъ, управляющаго ревизіонною коммиссіею и генералъ-контролера

департамента морскихъ отчетовъ. Въ «Совѣтъ» могутъ быть приглашаемы и лица постороннія. Дѣлопроизводство по совѣту возлагается на директора канцеляріи государственнаго контроля. На «Совѣтъ» возлагается: 1) удостовѣреніе въ удовлетворительности производства ревизій; 2) разсмотрѣніе ихъ результатовъ въ государственномъ отношеніи; разрѣшеніе затрудненій, могущихъ возникнуть при ревизіи; и 4) опредѣленіе мѣръ къ усовершенствованію способовъ ревизіи. На разсмотрѣніе «Совѣта» поступаютъ дѣла по ревизіи изъ ревизіонной коммиссіи, департамента и контрольныхъ палатъ. Дѣла въ «Совѣтѣ» рѣшаются по большинству голосовъ. Государственный контролеръ не можетъ своею властью отмѣнять заключенія, принятыя «Совѣтомъ»; но ему предоставляется право, въ случаѣ несогласія его съ заключеніемъ «Совѣта», переносить дѣло на высшее разсмотрѣніе. Нѣкоторыя дѣла «Совѣтъ» рѣшаетъ собственною властью; но, по другимъ, заключенія его вносятся—судя по роду дѣлъ—въ государственный совѣтъ, въ комитетъ министровъ или въ сенатъ. Сношеніе «Совѣта» съ этими установленіями производится чрезъ государственнаго контролера.

При государственномъ контролерѣ состоитъ канцелярія, образованная на общихъ основаніяхъ съ канцеляріями всѣхъ министерствъ. Директоръ канцеляріи есть дѣлопроизводитель «Совѣта». При канцеляріи состоитъ архивъ государственнаго контроля.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТЪ (Coup d'etat) Такъ называется всякая коренная перемѣна въ государственномъ управленіи, которая производится не законнымъ—а *насильственнымъ* путемъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИКЪ. Лицо, обвиняемое въ преступленіи, направленномъ противъ священной особы Государя Императора и членовъ императорскаго дома, а равно и участвующее въ бунтѣ противъ власти Верховной или въ государственной измѣнѣ и преступленіяхъ противъ народнаго права, называется *государственнымъ преступникомъ*. (См. Государственныя преступленія).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ. Лицо, завѣдывающее государственною канцеляріею, состоящей при государственномъ совѣтѣ, носитъ званіе «государственнаго секретаря». Всѣ дѣла, поступающія въ государственный совѣтъ, присылаются на имя государственнаго секретаря. При пріемѣ дѣлъ государственный секретарь имѣетъ большое значеніе: онъ наблюдаетъ, чтобы въ совѣтъ не поступали дѣла, не подлежащія его вѣдѣнію. Затѣмъ, онъ наблюдаетъ, чтобы при представленіи дѣла были соблюдены всѣ формальности, требуемыя закономъ. Онъ же собираетъ и всѣ свѣдѣнія, необходимыя для полнаго объединенія законопроекта и распредѣляетъ дѣла по отдѣленіямъ, которыя изготовляютъ

ихъ къ слушанію въ департаментахъ. Отвѣтственность за точность свѣдѣній, изложенныхъ въ докладѣ лежитъ: на государственномъ секретарѣ, статсъ-секретаряхъ и ихъ помощникахъ. Государственный секретарь присутствуетъ въ засѣданіяхъ общихъ собраній» государственнаго совѣта и столъ его находится по срединѣ залы засѣданія. Дѣла же докладываются не государственнымъ секретаремъ, а статсъ-секретарями или ихъ помощниками.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ (Conseil d'Etat, Der Geheime Rath oder der Staatsrath) есть вообще установленіе, призванное подавать свои мнѣнія по вопросамъ, подлежащимъ непосредственному разрѣшенію верховной власти. Исторія государственнаго совѣта, въ европейскихъ государствахъ, находится въ тѣсной связи съ исторіею королевской прерогативы. Совѣтъ раздѣлялъ съ королями все могущество ихъ власти и падалъ вмѣстѣ съ ослабленіемъ прерогативы. Изъ всѣхъ установленій западно-европейскихъ государствъ, государственный совѣтъ едва-ли не самое измѣнчивое. Онъ является, то въ видѣ самостоятельнаго установленія, то сливается съ кабинетомъ или совѣтомъ министровъ, то исчезаетъ вовсе. Поэтому, неудивительно, что и теоретичекія воззрѣнія на задачу и значеніе государственнаго совѣта колеблются, но главные авторитеты государственной науки, какъ: Моль, Блунчли и Л. Штейнъ, высказываются въ пользу этого установленія. Значеніе государственнаго совѣта въ старой Европѣ устанавливалось соединеніемъ въ рукахъ короля всѣхъ видовъ власти и началомъ *личнаго* королевскаго управленія. Король въ совѣтѣ былъ средоточіемъ законодательства и управленія. Когда въ Англіи существовалъ королевскій абсолютизмъ, она имѣла свой государственный совѣтъ, подъ названіемъ «Privy Council», т. е. тайнаго совѣта, который стоялъ во главѣ законодательства и правосудія. Но въ этой странѣ,—отечествѣ парламентизма,—рано выработались условія, вліявшія на упадокъ этого высшаго учрежденія. Условія эти были: 1) обособленіе законодательной власти, съ сосредоточеніемъ ея въ парламентѣ: 2) рѣшительное вліяніе парламента на управленіе и установленіе отвѣтственной исполнительной власти предъ палатами; и 3) установленіе для короны фактической необходимости избирать своихъ ближайшихъ совѣтниковъ или министровъ изъ членовъ парламентскаго большинства. Въ старой *французской* монархіи значеніе государственнаго совѣта вполнѣ соотвѣтствовало всемогуществу королевской власти и сильной централизаціи управленія. Съ XIV столѣтія вплоть до великой революціи, государственный совѣтъ существовалъ во Франціи въ качествѣ законодательно-административнаго установленія, съ присоединеніемъ къ нему еще и нѣкоторыхъ судебныхъ функцій. Французскій государственный совѣтъ

былъ высшимъ судебнымъ установленіемъ, верховно-административнымъ судилищемъ, совѣтомъ правительства: онъ обсуждалъ и предлагалъ большинство законовъ, установлялъ и распредѣлялъ налоги. Наконецъ, онъ былъ высшимъ административнымъ мѣстомъ для опредѣленія общихъ правилъ, которыми должны были руководствоваться агенты правительства. Но революція, преобразовавъ въ корень всю систему учрежденій временъ королей, уничтожила въ 1791 году и прежній государственный совѣтъ, который, впрочемъ, спустя 8 лѣтъ, а именно въ 1799 году, вновь воскресъ. При Наполеонѣ 1-мъ компетенція государственнаго совѣта (Conseil d'Etat) опредѣлялась всемогуществомъ административной власти, захватившей въ свои руки не только властъ *исполнительную*, но даже существенные аттрибуты власти *законодательной*. По конституціи 1799 года на государственный совѣтъ возлагалось: а) изготовленіе проектовъ закона; б) проектовъ административныхъ правилъ (reglements d'administration); и в) разрѣшеніе затрудненій, могущихъ возникнуть въ управленіи. Во время могущества Наполеона, государственный совѣтъ былъ не только высшимъ административнымъ, но и *политическимъ* установленіемъ, конкурировавшимъ со всѣми органами верховной власти. Реставрація и іюльская монархія удержали это учрежденіе, лишивъ его только политическаго значенія, несовмѣстнаго съ правами народнаго представительства; но вторая имперія вновь возстановила его въ прежнихъ правахъ. Онъ получилъ двоякое значеніе: 1) совѣщательнаго установленія по дѣламъ законодательнымъ и высшимъ исполнительнымъ, и 2) самостоятельнаго установленія по дѣламъ административной юстиціи. Государственный совѣтъ не переставалъ существовать во Франціи и до настоящаго времени, и бытіе его подтверждено было закономъ 24 мая 1872 года и конституціею 25 Февраля 1875 года. Участіе совѣта въ *законодательствѣ* умалилось, благодаря большому развитію конституціонныхъ началъ въ новой конституціи: оно факультативно и зависитъ отъ усмотрѣнія палатъ или правительства. Мнѣніе совѣта по законодательнымъ вопросамъ можетъ быть испрошено національнымъ собраніемъ или правительствомъ. Въ послѣднемъ случаѣ членамъ совѣта можетъ быть поручено защищать правительственный проектъ предъ палатами. Роль совѣта осталась неизмѣнною только по дѣламъ административнымъ и по дѣламъ административной юстиціи.

Въ Пруссіи государственный совѣтъ былъ учрежденъ въ первый разъ въ 1604 году, въ то самое время, когда утвердились начала новаго государственнаго порядка, отличнаго отъ прежняго феодально-вотчиннаго быта. Онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ *королевскаго тайнаго совѣта* (Der Geheimerath) и являлся не только высшимъ *совѣщательнымъ* установленіемъ, но и средоточіемъ всего высшаго *управленія*. Въ 1613 году

государственному или тайному совѣту дано было новое, лучшее устройство: онъ былъ раздѣленъ на департаменты и въ дѣлахъ страны ничего не предпринималось безъ его содѣйствія и согласія. Но спустя цѣлое столѣтіе, при королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ (1713 г.), началось нѣкоторое разложеніе совѣта, вслѣдствіе учрежденія *королевскаго кабинета*, въ которомъ разсматривались дѣла, обращавшія на себя особенное вниманіе короля. Въ 1817 году, оправившись немного отъ французскаго погрома, «кабинетъ» остался въ своей силѣ, а государственный совѣтъ былъ устраненъ отъ всякаго вліянія на управленіе, сосредоточенное въ государственномъ министерствѣ (Staatsministerium), получившемъ новую организацію въ 1814 году. Совѣтъ объявленъ былъ *совѣщательнымъ* установленіемъ. Революція 1848 года устранила государственный совѣтъ отъ важнѣйшихъ дѣлъ страны и значеніе его стало ничтожнымъ. Хотя въ 1855 году министръ Мантейфель доказывалъ палатамъ, что государственный совѣтъ необходимъ для предварительнаго обсужденія законнодательствъ и что это учрежденіе не стѣснитъ правъ палаты и не противно конституціи, но палата отвергла это предложеніе, такъ какъ она нашла, что законно совѣщательныя права совѣта несовмѣстны съ принципомъ отвѣтственности министровъ и противны духу конституціи.

Въ Австріи и Бельгіи государственные совѣты вовсе не существуютъ. Напротивъ, въ Италіи устройство и кругъ вѣдомства государственнаго совѣта напоминаетъ собой французскій образецъ.

Въ Россіи же, при условіяхъ нынѣ-существующей формы правленія, государственный совѣтъ имѣетъ и долженъ имѣть особенную важность. Учрежденный лишь въ началѣ текущаго столѣтія, нашъ государственный совѣтъ рѣзко отличается отъ совѣтовъ того же наименованія западно-европейскихъ государствъ и не имѣетъ ничего общаго съ тѣми высшими государственными учрежденіями подъ разными именами, которыя окружали нашихъ князей, царей, императоровъ и императрицъ до XIX вѣка. Поэтому, напрасно стали бы мы искать генеалогію нашего нынѣшняго государственнаго совѣта въ «Боярскихъ думахъ», «Приказахъ тайныхъ дѣлъ», «Конференціяхъ» «Совѣтахъ при Высочайшемъ дворѣ» и т. п. высшихъ учрежденіяхъ. Мысль объ учрежденіи государственнаго совѣта съ широкими и опредѣленными правомочіями принадлежитъ Благочестивому Императору Александру I-му. Въ манифестѣ объ учрежденіи государственнаго совѣта, Императоръ называетъ всѣ бывшіе до него «Совѣты» временными и переходящими. Первоначально государственный совѣтъ не имѣлъ точнаго устава; но въ 1810 году явилось «Учрежденіе государственнаго совѣта», выработанное графомъ Сперанскимъ. Мотивомъ къ изданію «Учрежденія» выставляется стремленіе правительства «къ

утвержденію и распространенію единообразія и порядка въ государственномъ управленіи». Новое учрежденіе должно было, по мнѣнію законодателя, удовлетворить сознанной потребности: «учреждать постепенно образъ управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона». Такимъ образомъ, манифестъ указываетъ и на цѣль и на главный предметъ вѣдомства государственнаго совѣта. Общее его назначеніе—установленіе и обезпеченіе *законности* въ государственномъ управленіи; главный предметъ его вѣдомства—дѣла *законодательныя*.

Дѣйствующее законодательство, опредѣляя общее *значеніе* государственнаго совѣта, осталось вѣрнымъ «Учрежденію» 1810 г. Государственный совѣтъ названъ въ законѣ «сословіемъ», въ которомъ соображаются всѣ части управленія, въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству (ст. 1 учрежд.). Законодательное же значеніе государственнаго совѣта подтверждается 50 ст. законовъ основныхъ и 198 ст. учреж. министерства. Хотя главное назначеніе совѣта—разсматривать законопроекты, восходящіе на утвержденіе Верховной власти, тѣмъ не менѣе, при сосредоточеніи всѣхъ видовъ власти въ лицѣ Императора, государственный совѣтъ является совѣтомъ Императора и по другимъ дѣламъ, подлежащимъ непосредственному вѣдѣнію Верховной власти. Такимъ образомъ, государственный совѣтъ, кромѣ значенія законодательнаго корпуса, есть высшее государственное установленіе, предварительному разсмотрѣнію котораго подлежитъ извѣстная совокупность дѣлъ, разрѣшеніе которыхъ зависитъ отъ Императора. Поэтому, элементы вѣдомства совѣта весьма разнообразны. Ст. 23 «Учрежденія», исчисливъ всѣ предметы вѣдомства государственнаго совѣта, заключаетъ: «сюда вносятся и другія дѣла, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ». Этимъ общимъ началомъ опредѣляются и подробности компетенціи государственнаго совѣта.

Предварительному разсмотрѣнію государственнаго совѣта подлежатъ:

1) Дѣла законодательныя;
2) Дѣла по высшимъ административнымъ вопросамъ;
3) Дѣла финансовыя; и
4) Установленіе *частныхъ* законовъ.

Компетенція «Совѣта» по части *законодательной* состоитъ въ томъ, что никакой законопроектъ не можетъ быть утвержденъ Императоромъ безъ обсужденія его въ «совѣтѣ», и что никакой законопроектъ не можетъ быть представленъ Государю мимо «совѣта». Но это общее правило подлежитъ нѣкоторымъ ограниченіямъ, а именно: нѣкоторыя дополненія и разъясненія закона могутъ быть излагаемы и по *словеснымъ* Высочайшимъ повелѣніямъ, безъ предварительнаго обсужденія въ «совѣтѣ». Затѣмъ, вѣдомства военное и морское пользуются особою привилегіею въ томъ

смыслѣ, что дополненія и изъясненія законовъ, касающихся исключительно означенныхъ вѣдомствъ и не имѣющія связи съ другими частями управленія, представляются Государю отъ военнаго или адмиралтействъ-совѣта, по принадлежности.

Къ высшимъ *административнымъ* вопросамъ, подлежащимъ вѣдомству государственнаго совѣта, подлежатъ: *общія* распоряженія, въ виду успѣшнаго исполненія существующихъ законовъ; *чрезвычайныя* мѣры, пріемлемыя въ исключительныхъ случаяхъ, напр. въ случаѣ возстанія, народныхъ смутъ, безпорядковъ и т. п. наконецъ, *внѣшнія* мѣры, какъ-то: объявленіе войны, заключеніе мира и другія мѣры, когда онѣ, по усмотрѣнію обстоятельствъ, могутъ подлежать предварительному общему соображенію. Компетенція государственнаго совѣта, въ отношеніи *финансовыхъ* вопросовъ, весьма обширна. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ власть финансовая осуществляется тѣмъ установленіемъ, въ рукахъ котораго сосредоточена власть законодательная. Наше законодательство держится того же принципа. Поэтому, всѣ финансовыя мѣры, которыя требуютъ Высочайшаго утвержденія, подлежатъ предварительному разсмотрѣнію государственнаго совѣта. Сюда относятся:

а) государственная роспись доходовъ и расходовъ и финансовыя смѣты министерствъ и главныхъ управленій;

б) испрошеніе сверхсмѣтныхъ кредитовъ разными управленіями;

в) способы уравненія государственныхъ доходовъ и расходовъ;

г) дѣла объ отчужденіи части государственныхъ доходовъ и имуществъ въ частныя руки.

д) всѣ вообще штаты, хотя бы издаваемые временно, въ видѣ опыта;

е) дѣла о сложеніи недоимокъ и казенныхъ взысканій.

ж) разсмотрѣніе отчетовъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ.

з) чрезвычайныя финансовыя мѣры; и, наконецъ,

и) смѣты и раскладки земскихъ повинностей по закавказскому краю.

Подъ *частными же законами*, подлежащими обсужденію государственнаго совѣта, понимаются такіе, которые касаются юридическаго положенія *частныхъ лицъ*, какъ физическихъ, такъ и юридическихъ, и ихъ имуществъ. Таковы: дѣла объ учрежденіи компаній на акціяхъ, когда имъ испрашиваются особыя преимущества или исключительныя привилегіи; дѣла объ отчужденіи частной собственности на государственныя нужды и дѣла объ утвержденіи въ почетныхъ достоинствахъ: княжескомъ, графскомъ и баронскомъ.

Составъ государственнаго совѣта опредѣляееся самымъ существомъ этого установленія. Призванный содѣйствовать Монарху въ пользованіи его

непосредственными, державными правами, онъ составляется изъ лицъ, избранныхъ самимъ Императоромъ и облеченныхъ его довѣріемъ. Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ, гдѣ существуютъ государственные совѣты, право быть членомъ этого высшаго государственнаго учрежденія даетъ *рожденіе*, какъ напр. въ Германіи принцы императорскаго дома получаютъ мѣсто въ государственномъ совѣтѣ по достиженіи ими 18-ти лѣтняго возраста; но наше законодательство не знаетъ членовъ совѣта, засѣдающихъ по праву *рожденія*. Члены совѣта раздѣляются на двѣ категоріи: на членовъ ex officio, каковы—министры, и на членовъ, избранныхъ по волѣ Монарха. Такъ какъ министры, суть члены государственнаго совѣта только ex officio, то они не сохраняютъ этого званія по увольненіи ихъ отъ должности, если только они не имѣли его независимо отъ своей должности, въ силу особаго императорскаго указа. Государственный совѣтъ состоитъ изъ «департаментовъ» и «общаго собранія». Изъ всей совокупности членовъ совѣта, одни получаютъ порученіе присутствовать въ одномъ изъ *департаментовъ* совѣта, а другіе члены присутствуютъ только въ *общемъ собраніи*. Всѣхъ департаментовъ четыре:

1) Департаментъ *законовъ*, на предварительное разсмотрѣніе котораго поступаютъ всѣ законопроекты, имѣющіе общее значеніе.

2) Департаментъ дѣлъ *гражданскихъ* и *духовныхъ*. До судебной реформы департаментъ этотъ имѣлъ обширную компетенцію вслѣдствіе того, что въ немъ сосредоточивалось предварительное разсмотрѣніе судебныхъ дѣлъ, восходившихъ въ государственный совѣтъ въ силу прежняго судопроизводства и судоустройства; но, съ изданіемъ новыхъ судебныхъ уставовъ, измѣнившихъ форму нашего процесса, компетенція этого департамента сократилась и прежнія правила примѣняются только для дѣлъ, начатыхъ въ мѣстностяхъ, гдѣ еще не введены новые судебные уставы.

3) Департаментъ *государственной экономіи*, вѣдомство котораго весьма обширно: именно—ему принадлежатъ предметы общей промышленности, наукъ, торговли, финансовъ, земскихъ повинностей, казначейства и отчетовъ.

4) Департаментъ *дѣлъ военныхъ*, предназначенный для разсмотрѣнія дѣлъ по вѣдомствамъ военному и морскому; но этотъ департаментъ существуетъ только de jure, а не de facto, такъ какъ вѣдомство военное и морское пользуются особою привилегіею въ томъ смыслѣ, что дополненія и изъясненія законовъ, касающихся исключительно означенныхъ вѣдомствъ, представляются Государю помимо государственнаго совѣта.

Такимъ образомъ, въ настоящее время—только два департамента, законодательный и государственной экономіи, имѣютъ обшир-

ный кругъ дѣятельности; дѣятельность же двухъ остальныхъ департаментовъ—военнаго и дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ, слишкомъ уже незначительна. Поэтому, въ случаѣ накопленія въ одномъ изъ первыхъ двухъ департаментовъ большаго количества важныхъ дѣлъ, законъ даетъ право предсѣдателю совѣта передать часть ихъ въ одинъ изъ тѣхъ департаментовъ, которые менѣе обременены текущими дѣлами; слѣдовательно, компетенція каждаго изъ департаментовъ не исключительна и не безусловна.

Каждый департаментъ составляется не менѣе, какъ изъ трехъ членовъ совѣта, назначенныхъ сюда по непосредственному Высочайшему усмотрѣнію. Полномочія предсѣдателя и членовъ департаментовъ возобновляются каждые полгода. Засѣданіе департамента почитается законнымъ, если въ немъ присутствовало не менѣе трехъ членовъ, включая и предсѣдателя. Если въ департаментѣ остается, по какимъ-либо причинамъ, менѣе 3-хъ членовъ, то законъ предписываетъ составленіе временныхъ *соединенныхъ* департаментовъ. Сверхъ членовъ департаментовъ, въ засѣданіяхъ его могутъ находиться: министры и постороннія лица, приглашенныя въ качествѣ спеціалистовъ, если только отъ нихъ можно ожидать полезныхъ объясненій. Законъ не опредѣляетъ *сроковъ* для департаментскихъ засѣданій; они назначаются ихъ предсѣдателями по мѣрѣ поступленія дѣлъ и приготовленія ихъ къ докладу. Кромѣ обыкновенныхъ засѣданій департаментовъ, для важныхъ и сложныхъ дѣлъ могутъ быть назначаемы *соединенныя* засѣданія изъ двухъ или трехъ департаментовъ, по соглашенію предсѣдателей. Предсѣдательство въ соединенныхъ засѣданіяхъ принадлежитъ предсѣдателю того департамента, въ которомъ дѣло возникло. Роль «департаментовъ»,по отношенію къ «общему собранію» заключается въ томъ, что они образуютъ собою нѣчто въ родѣ постоянныхъ коммиссій, обязанныхъ, на основаніи ближайшаго знакомства съ дѣломъ, представить свое заключеніе «общему собранію». Поэтому, мнѣніе департамента должно быть провѣрено общимъ собраніемъ, для котораго оно служитъ только исходною точкою преній. Впрочемъ, принципъ этотъ ограничивается двумя исключеніями: 1) нѣкоторыя дѣла восходятъ изъ департаментовъ на Высочайшее усмотрѣніе мимо общаго собранія, а именно: а) дѣла, по которымъ въ департаментѣ произойдетъ разногласіе; б) дѣла, поступившія изъ сената, если постановленіемъ департамента отмѣняется рѣшеніе сената или мнѣніе большинства общаго его собранія; и в) дѣла, по которымъ мнѣніе министра расходится съ заключеніемъ департамента; и 2) нѣкоторыя дѣла разрѣшаются *собственною* властью департамента, а именно: а) о возвращеніи министру, по соглашенію съ нимъ, его представленій; б) о сообщеніи дѣ-

ламъ, независимо отъ разрѣшенія ихъ по существу, законнаго направленія; наконецъ, в) дѣла, присылаемыя въ совѣтъ только для свѣдѣнія. По каждому дѣлу, разсмотрѣнному въ департаментѣ, составляется особый журналъ. Онъ содержитъ въ себѣ какъ общее мнѣніе, принятое департаментомъ, такъ и особыя мнѣнія несогласившихся съ большинствомъ голосовъ. Каждое дѣло, приготовленное къ слушанію въ «общемъ собраніи», прежде всего поступаетъ въ соотвѣтствующій департаментъ. Изъ этого общаго правила исключаются нѣкоторыя дѣла, поступающія прямо въ общее собраніе, именно: чрезвычайныя внутреннія и важныя внѣшнія мѣры. Кромѣ того, дѣло можетъ быть предложено прямо общему собранію по Высочайшему повелѣнію. Право открывать и закрывать засѣданіе департамента, вести пренія, поддерживать ихъ порядокъ и ставить вопросы для разсужденія —принадлежитъ предсѣдателю. Къ его лицу обращаются и рѣчи членовъ. Разсужденія въ департаментахъ основываются на существѣ докладываемаго дѣла и на объясненіяхъ министра, къ вѣдомству котораго дѣло относится. Голосу министра законъ придаетъ особенное значеніе.

Общее собраніе составляется изъ трехъ элементовъ: а) изъ членовъ департаментовъ; б) изъ всѣхъ министровъ; и в) изъ членовъ, не присутствующихъ въ департаментахъ.

Предсѣдательство въ общемъ собраніи, въ принципѣ, принадлежитъ Государю; но, когда Онъ не присутствуетъ лично, мѣсто Его занимаетъ одинъ изъ членовъ, Имъ назначенныхъ. Онъ носитъ званіе «предсѣдателя государственнаго совѣта». Полномочіе предсѣдателя возобновляется ежегодно именнымъ указомъ, даваемымъ на имя «Совѣта». Въ случаѣ болѣзни или отсутствія предсѣдателя, обязанности его возлагаются на другого лица, по усмотрѣнію Императора. Если же такого назначенія не послѣдовало, то должность предсѣдателя исправляется старшимъ по чину изъ предсѣдателей департаментовъ. Засѣданія общаго собранія происходятъ въ опредѣленные дни; но, въ случаѣ нужды, могутъ быть назначаемы и *чрезвычайныя* засѣданія. Засѣданія государственнаго совѣта, какъ въ департаментахъ, такъ и въ общихъ собраніяхъ, не публичны. На лицъ, служащихъ въ «Совѣтѣ», распространяется обязанность строгаго храненія служебной тайны. Въ законѣ установлены особыя правила о размѣщеніи присутствующихъ въ общихъ собраніяхъ, о порядкѣ слушанія дѣла, разсужденій и о постановленіи заключеній. Лица, присутствующія въ общихъ собраніяхъ, размѣщаются слѣдующимъ образомъ: предсѣдатель занимаетъ мѣсто посрединѣ; по правую сторону садятся члены, неприсутствующіе въ департаментахъ, а по лѣвую—министры. Мѣста же противъ предсѣдателя занимаютъ предсѣдатели и члены департаментовъ. Посрединѣ залы находится столъ государственнаго секретаря. Особые

столы предоставляются: статсъ-секретарю департамента, по которому докладываются дѣла, докладчику и управляющему отдѣленіями дѣлъ государственнаго секретяря. Докладъ дѣла состоитъ въ чтеніи *журналовъ* департамента, состоявшихся по данному дѣлу. По прочтеніи доклада и послѣ постановленія вопросовъ предсѣдателемъ, начинаются пренія. Слово предоставляется членамъ предсѣдателемъ; если нѣсколько лицъ *одновременно* заявили желаніе высказать свое мнѣніе, то первенство принадлежитъ старшему по чину. Всѣ разсужденія обращаются къ лицу предсѣдателя. Члены излагаютъ свои мнѣнія стоя. Каждый изъ нихъ пользуется полною свободою мнѣній, съ тѣмъ, чтобы онъ не удалялся отъ вопроса. Въ случаѣ же отступленія отъ вопроса, предсѣдатель напоминаетъ объ этомъ, въ силу принадлежащей ему дисциплинарной власти, и, при вторичномъ отступленіи, онъ прекращаетъ самое разсужденіе и переходитъ къ послѣдующему предмету. По окончаніи преній, предсѣдатель приступаетъ къ окончательному голосованію. Въ случаѣ различія мнѣній, голоса собираются по печатному списку членовъ. Въ журналъ вносится только два мнѣнія—большинства и меньшинства. Особыя мнѣнія должны быть письменныя и присылаются на имя государственнаго секретаря, въ теченіи недѣли. Они прочитываются послѣ проекта журнала, къ которому они относятся, но прежде его подписанія. Совѣту предоставляется право, по выслушаніи этихъ мнѣній, приступить къ новому сужденію и измѣнить прежній журналъ. Журналы засѣданія подписываются предсѣдателемъ и всѣми членами не иначе, какъ въ «Совѣтѣ». Разсылка журналовъ для подписи по *домамъ* —безусловно воспрещена. Подписанный, такимъ образомъ, журналъ называется *«мнѣніемъ государственнаго совѣта»*: но такъ какъ государственный совѣтъ есть только высшее *совѣщательное* установленіе, то и *мнѣнія* его получаютъ *законодательную* силу лишь по утвержденіи ихъ Государемъ, послѣ чего они получаютъ названіе «Высочайше-утвержденныхъ мнѣній».

По учрежденію 1810 года, дѣла, рѣшаемыя въ «Совѣтѣ», представлялись на Высочайшее усмотрѣніе въ подлинныхъ *журналахъ*, для ближайшаго ознакомленія Государя съ содержаніемъ преній; но «учрежденіемъ» 1842 года сдѣлано было нововведеніе, а именно: всѣ дѣла, разрѣшенныя въ «Совѣтѣ», представляются Государю въ *меморіяхъ*, т. е. въ краткихъ отчетахъ общаго собранія. «Меморія» подносится Государю за подписью предсѣдателя и государственнаго секретаря. Отвѣтственность за правильное составленіе «меморіи» возлагается на послѣдняго. Къ «меморіямъ» прилагается и текстъ положеній и законовъ, разсмотрѣнныхъ въ совѣтѣ. Они подписываются предсѣдателемъ «Совѣта».

Высочайшее утвержденіе имѣетъ различныя формы, смотря по роду дѣлъ: одни изъ нихъ требуютъ утвержденія—*собственноручною подписью* Государя, другія—утверждаются *словесно*. Собственноручнаго утвержденія требуютъ: 1) всѣ новые законы; 2) установленіе налоговъ и отмѣна ихъ; 3) новые *постоянные* штаты разныхъ управленій и вѣдомствъ; 4) государственная роспись; и 5) дѣла объ экспропріаціи, т. е. объ обращеніи частной недвижимой собственности въ государственную. Законы излагаются въ соотвѣтствующей формѣ и подписываются Императоромъ. Прочія дѣла, требующія собственноручнаго утвержденія Государя, излагаются, въ формѣ «мнѣній» и утверждаются надписью: «быть по сему». Означенная форма утвержденія имѣетъ мѣсто, когда дѣло рѣшено единогласно и когда Императоръ соглашается съ этимъ мнѣніемъ. Въ случаѣ же *разногласія*, исходъ можетъ быть различный. Если Императоръ соглашается съ мнѣніемъ большинства, то форма изложенія не отличается отъ вышеозначенной; но если Императоръ соглашается съ мнѣніемъ меньшинства или съ мнѣніемъ отдѣльныхъ членовъ, или, если Онъ постановляетъ *собственную* резолюцію, то. во всѣхъ этихъ случаяхъ, исполненіе по дѣлу совершается *именнымъ указомъ*. Дѣла, не требующія письменнаго утвержденія Государя, исполняются по Высочайшимъ повелѣніямъ, объявленнымъ *словесно*. Словесная резолюція Императора излагается въ двоякой формѣ: если Императоръ утверждаетъ мнѣніе «Совѣта», постановленное единогласно или по большинству голосовъ, то резолюція излагается такъ: «Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта по дѣлу о *томъ-то*, Высочайше утвердить созволилъ и повелѣлъ исполнить». Такая резолюція подписывается предсѣдателемъ совѣта, скрѣпляется государственнымъ секретаремъ и статсъ-секретаремъ. Если же Императоръ принимаетъ мнѣніе меньшинства или постановляетъ *собственную* резолюцію, то такое Высочайшее повелѣніе, данное *словесно*, излагается въ объявленномъ указѣ, по формѣ, соотвѣтствующей указамъ, по подобнымъ же дѣламъ, требующимъ письменнаго утвержденія.

При государственномъ совѣтѣ, въ качествѣ особыхъ установленій, состоятъ и дѣйствуютъ:

1) «*Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія*». Этотъ комитетъ учрежденъ въ 1861 году, во время крестьянской реформы. Съ освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ, получившихъ образцовое устройство своего общественнаго и частнаго быта, было признано необходимымъ распространить дѣйствіе новыхъ началъ и на прочіе виды крестьянскаго сословія, организованные до того времени весьма различно. Поэтому, общая цѣль комитета была и есть—«приведеніе къ однимъ

общимъ началамъ устройства и управленія всего селькаго и крестьянскаго состоянія въ государствѣ». Согласно съ этою цѣлью, на обязанность его возложены: а) разсмотрѣніе законопроектовъ, составляемыхъ въ дополненіе крестьянскаго «Положенія»: б) составленіе и разсмотрѣніе предположеній, касающихся устройства и управленія другихъ крестьянъ разныхъ наименованій; и в) наблюденіе за приведеніемъ въ дѣйствіе «Положенія о крестьянахъ», а также разъясненіе могущихъ возникнуть при семъ вопросовъ и недоразумѣній». Такимъ образомъ, компетенція «Главнаго комитета» двоякая: *законодательная* и *исполнительная*.

Члены «комитета» раздѣляются: на *непремѣнныхъ*, засѣдающихъ ex lege, и *назначенныхъ* по Высочайшему усмотрѣнію. Непремѣнные члены «Комитета» суть министры: внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, финансовъ, юстиціи и двора. Предсѣдательствованіе возлагается на одного изъ членовъ по Высочайшему назначенію.

2) *Особое присутствіе по воинской повинности*. Это присутствіе учреждено въ январѣ 1874 года, «для предварительнаго разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ *законодательныхъ* предметовъ въ связи съ установленіемъ общей воинской повинности, а также для разрѣшенія такихъ вопросовъ и сомнѣній по приведенію въ исполненіе Высочайше утвержденнаго устава о сей повинности, которые, по важности своей, будутъ требовать совокупнаго обсужденія».

Въ составѣ «присутствія», подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя государственнаго совѣта, входятъ предсѣдатель законовъ и государственной экономіи, министры: внутреннихъ дѣлъ, военный, финансовъ и управляющій морскимъ министерствомъ и члены государственнаго совѣта, по Высочайшему избранію. Прочіе министры приглашаются въ засѣданіе «Присутствія» по дѣламъ, касающимся ихъ вѣдомствъ.

«Присутствіе» дѣйствуетъ на правахъ департамента государственнаго совѣта.

3) *Комитетъ по дѣламъ царства Польскаго*. Положеніе объ этомъ «Комитетѣ» утверждено 30 го ноября 1866 года.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКЗАМЕНЪ (Staatsexament) есть юридическій терминъ германскаго государственнаго права, означающій испытаніе, установленное государствомъ для лицъ, желающихъ занять государственныя должности. Главное условіе для занятія государственныхъ должностей въ Германіи есть *общее и спеціальное образованіе*, доказанное по особымъ испытаніямъ. Система испытаній первоначально введена въ Пруссіи еще Фридрихомъ-Вильгельмомъ (1713—1740 г.). Его считаютъ дѣйствительнымъ организаторомъ гражданской службы. Начало, установленное Фридрихомъ-Вильгельмомъ, принято и въ «Общее земское уложеніе».

Отсюда оно перешло и въ другія германскія законодательства. Государственному экзамену должны предшествовать: а) теоретическія занятія въ учебныхъ заведеніяхъ и б) практическія занятія при государственномъ установленіи. Производство испытаній ввѣряется особымъ экзаменаціоннымъ коммиссіямъ, составленнымъ какъ изъ профессоровъ университетовъ, такъ и правительственныхъ должностныхъ лицъ. Это общее начало примѣняется различно въ отдѣльныхъ отрасляхъ службы: по судебному вѣдомству, по вѣдомству административному вообще и по нѣкоторымъ спеціальнымъ отраслямъ администраціи. Наиболѣе строгія условія поставлены для службы по *судебному* вѣдомству. Производство испытаній лицамъ, желающимъ занять судебныя должности, согласно 90 статьѣ прусской конституціи, есть непремѣнная обязанность правительства: никто не можетъ быть допущенъ на службу по судебному вѣдомству, если онъ предварительно не докажетъ своихъ способностей къ ней и надлежащихъ свѣдѣній. По закону отъ 6 мая 1869 года, отъ лица, желающаго занять судейскую должность (Richteramt), требуется трехлѣтнее пребываніе въ одномъ изъ университетовъ и два экзамена. Первый экзаменъ производится при апелляціонномъ судѣ: онъ имѣетъ теоретическій характеръ. Лицо, выдержавшее первый экзаменъ, получаетъ званіе *референдарія*. Между первымъ и вторымъ экзаменомъ должно пройти четыре года, въ теченіи которыхъ референдарій долженъ пріобрѣсти необходимую практическую опытность. Второй экзаменъ (Grosse Staatsprüfung), имѣющій какъ теоретическій, такъ и практическій характеръ, производится общею судебно-экзаменаціонною коммиссіею (Justizprüfungskommission). Выдержавшій испытаніе получаетъ званіе *ассессора*.

Въ дѣлѣ назначенія на *административныя* должности конституція не ограничиваетъ правъ правительства, какъ она сдѣлала это по отношенію къ *судебнымъ* должностямъ. Первыя опредѣленія на должности по администраціи были установлены регулятивомъ 1842 года, дѣйствовавшимъ до изданія, въ 1879 году, особаго закона по этому предмету, подъ названіемъ: «Gesetz, betreffend die Befähigung für den höheren Verwaltungsdienst». На основаніи этого закона, лицо, желающее получить право на занятіе высшихъ административныхъ должностей, обязанъ: 1) три года изучать юридическія и административныя науки въ университетѣ; 2) сдать первый юридическій экзаменъ и пробыть два года при *судебномъ* учрежденіи; 3) лицо, удовлетворившее этимъ условіямъ, назначается референдаріемъ окружнаго управленія; 4) послѣ двухъ лѣтъ занятій по этому званію, онъ допускается къ новому испытанію, устному и письменному, и 5) выдержавшій испытаніе назначается ассессоромъ и признается способнымъ къ занятію высшихъ

административныхъ должностей. Итакъ, означенный законъ установляетъ три условія: 1) занятіе юридическими и политическими науками въ университетѣ: 2) срокъ предварительныхъ занятій судебно-административною практикою; и 3) два испытанія: предварительное и окончательное.

Особыя испытанія существуютъ для занятія должностей по нѣкоторымъ *спеціальнымъ* отраслямъ администраціи—по части медицинской, архитекторской, лѣсной, горной*) и т. д. и *особыя*—для занятія *низшихъ* должностей по всѣмъ частямъ администраціи.

Система университетскаго образованія въ соединеніи съ системою *государственныхъ экзаменовъ* создали въ Германіи то просвѣщенное чиновничество, которое умѣло быть не только полезною административною силою, но и полезнымъ *политическимъ* элементомъ. Германская система важна именно тѣмъ, что она не знаетъ, ни привилегированныхъ учебныхъ заведеній, ни излишняго числа практическихъ школъ. Но германская система возможна именно только въ Германіи, гдѣ общій довольно высокій уровень образованія обязателенъ для всѣхъ и гдѣ существуютъ многочисленныя гимназіи и значительное число университетовъ**); воспроизведеніе же германской системы въ другихъ странахъ, требуетъ многихъ условій. Одни государственные экзамены безъ теоретической подготовки не дадутъ еще хорошихъ плодовъ. Въ послѣднее время а Англія обратилась къ системѣ экзаменовъ и конкурсовъ для предварительной оцѣнки аспирантовъ на административныя должности, но результаты этихъ испытаній далеко еще не такъ удовлетворительны, какъ въ Германіи. И у насъ въ Россіи, въ послѣдніе годы, былъ поднятъ вопросъ о введеніи *государственныхъ экзаменовъ*; но онъ заглохъ, вѣроятно по той причинѣ, что общій уровень образованія у насъ еще далеко отстоитъ отъ уровня образованія въ Германіи. Правда, и въ нашемъ законодательствѣ существуютъ нѣкоторыя, попытки государственныхъ экзаменовъ, но попытки эти весьма слабыя. Такъ, напр. по 17 ст. устава о служ. отъ прав. (т. III св. зак.), если дворяне, поступающіе на службу, не имѣютъ аттестатовъ учебныхъ заведеній, или кончили курсъ только въ низшихъ училищахъ, то они подвергаются предварительному испытанію, на которомъ обязаны доказать, что имъ извѣстны *основанія грамматики и ариѳметики*. Или, 15 ст. Пол. о нот. части установляетъ испытаніе для нотаріусовъ въ умѣніи правильно излагать акты и въ знаніи формъ дѣлопроизводства и необходимыхъ

*) По части медицинской назначается одно *общее* испытаніе, независимо отъ *спеціальныхъ* испытаній для отдѣльныхъ частей медицинскаго управленія. Сложныя условія испытанія установлены для части горной, гдѣ служащіе выдерживаютъ три экзамена. Не менѣе сложны испытанія и по части почтоваго и телеграфнаго управленія.

**) Въ Германской имперіи насчитывается 20 университетовъ.

для исполненія этой должности законовъ; но такіе экзамены даютъ только слабую тѣнь тѣхъ государственныхъ экзаменовъ, которые установлены въ Германіи.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ, въ современномъ ихъ значеніи, образуютъ классъ свободныхъ сельскихъ обывателей, населяющихъ казенныя или государственныя земли; но въ исторіи крѣпостнаго права названіе «государственныхъ крестьянъ» представляетъ собою одинъ изъ многихъ видовъ, на которые раздѣлено было все крѣпостное сословіе россійской имперіи. Государственные крестьяне составляютъ краеугольный камень, на которомъ воздвигнуто было на Руси мрачное зданіе крѣпостнаго права, существовавшаго у насъ до начала второй половины текущаго столѣтія. Такъ какъ первое закрѣпленіе русскаго чернаго народа, начавшееся еще въ московскомъ государствѣ, установлено было *государственными* мѣрами и было послѣдствіемъ общей системы *государственныхъ* тяглъ (см. Крѣпостное право), то и первые крѣпостные люди получили названіе «крестьянъ государственныхъ» или *черносошныхъ*; но затѣмъ когда рядомъ съ установленіемъ *государственнаго* крѣпостнаго права, установлялось и крѣпостное право *частное*, то оно постигло и людей, сидѣвшихъ на земляхъ, принадлежавшихъ дворцамъ, монастырямъ, фабрикамъ, заводамъ и частнымъ владѣльцамъ. Отсюда и образовались различныя наименованія крестьянъ: дворцовыхъ, монастырскихъ, фабричныхъ, заводскихъ и помѣщичьихъ.

Съ уничтоженіемъ въ Россіи крѣпостнаго права вообще, и государственные крестьяне получили всѣ гражданскія права, съ тѣмъ, что, оставаясь на занимаемыхъ ими *государственныхъ* земляхъ, и имъ, подобно крестьянамъ другихъ наименованій, предоставлено право обращать занимаемые ими участки земли въ свою крѣпостную собственность, посредствомъ выкупа частнаго или общиннаго.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ БУМАГИ. Свидѣтельства, выдаваемыя государствомъ взамѣнъ сдѣланнаго займа, называются *государственными бумагами*. Свидѣтельства эти называются также и «билетами государственнаго банка», такъ какъ вся операція, по выпускѣ и по погашенію этихъ билетовъ, производится государственнымъ банкомъ. Государственныя бумаги бываютъ: *процентныя* и *безпроцентныя*. Къ первой категоріи принадлежатъ всѣ бумаги, выпущенныя по *займамъ*, а къ послѣдней—одни только *кредитные* билеты, выпускаемые государствомъ взамѣнъ звонкой монеты.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ПОВИННОСТИ. Подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ разумѣть только тѣ повинности, которыя *общи* для *всей* имперіи, въ отличіе отъ повинностей губернскихъ или областныхъ или же *частныхъ*, для отдѣльныхъ сословій.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ суть такія правонарушенія, которыя направлены противъ государства, его цѣлости и безопасности. Въ разрядѣ преступленій вообще, первое мѣсто занимаютъ преступленія государственныя, которыя законъ строго отдѣляетъ отъ преступленій противъ мѣстнаго управленія. Въ древней Россіи, когда понятіе о государствѣ сливалось съ понятіемъ о государѣ, не было никакой надобности въ раздѣленіи преступленій собственно «противъ государя» и преступленій «противъ государства»; поэтому, всѣ виды преступленій этого рода сливались въ одно—«преступленіе противъ государя», которое чаще всего называлось «измѣною». Со времени Петра Великаго всѣ виды государственныхъ преступленій извѣстны были на практикѣ подъ именемъ «преступленій противъ первыхъ двухъ пунктовъ», названіе, отчасти удержанное за ними и сводомъ законовъ; но уложеніе и новые судебные уставы не упоминаютъ объ этомъ терминѣ. Наши нынѣ-дѣйствующіе уголовные законы различаютъ три вида государственныхъ преступленій: противъ Особы Государя и членовъ императорскаго дома, бунтъ и измѣна (улож. о наказ. ст. 241—261). Въ странахъ, гдѣ существуетъ конституціонное правленіе, такое раздѣленіе имѣетъ рѣзкія разграничивающія черты: оно вытекаетъ изъ природы вещей. У насъ же, вслѣдствіе самодержавной формы правленія, такое раздѣленіе часто оказывается искусственнымъ, такъ какъ нѣкоторыя виды бунта совпадаютъ съ преступленіемъ противъ особы Государя.

Первый видъ государственныхъ преступленій, по ст. 241 улож. о наказ.—*преступленія противъ священной особы Государя Императора и членовъ императорскаго дома.* Преступленія эти состоятъ въ дѣйствіяхъ, направленныхъ, какъ противъ физическаго бытія Государя и членовъ царствующаго дома, такъ и противъ ихъ чести, свободы и правъ. Со временъ римской имперіи, когда на императора была перенесена majestas populi, всякое дѣйствіе противъ особы государя считалось у всѣхъ народовъ crimen majestatis,—*преступленіемъ государственнымъ.* Монархъ есть олицетвореніе народа, его вѣнчанный представитель. Поэтому, всякое покушеніе на его особу есть оскорбленіе всей страны. Государь въ конституціонныхъ государствахъ составляетъ одну изъ великихъ властей, хотя только исполнительную, но съ извѣстнымъ вліяніемъ на всѣ другія власти; а въ государствахъ самодержавныхъ и неограниченныхъ, въ лицѣ государя соединены всѣ государственныя власти. Всякое покушеніе на его Особу составляетъ не только преступленіе противъ личности Государя, но и противъ спокойствія и цѣлости государства: его послѣдствіемъ можетъ быть колебаніе всего государства, особенно въ странахъ съ неограниченнымъ правленіемъ. Наконецъ, монархъ имѣетъ

освященіе религіозное, какъ помазанникъ. Вслѣдствіе этихъ началъ, во всѣхъ законодательствахъ, всякое матеріальное дѣйствіе противъ монарха считается величайшимъ преступленіемъ, наказываемымъ смертною казнею. Нашъ уголовный законъ (Улож. ст. 241) налагаетъ смертную казнь не только за всякое *дѣйствіе* противъ особы монарха, но и за всякое *злоумышленіе*, которое, по разъясненію 242 ст., почитается полнымъ преступленіемъ даже и тогда, когда виновный, чрезъ словесное или письменное изъявленіе своихъ о томъ мыслей и предположеній, или инымъ образомъ, приступилъ къ какому либо для сего приготовленію, а тѣмъ болѣе, когда составленъ заговоръ или сдѣлано покушеніе. Такимъ образомъ, въ этомъ преступленіи, въ противность общей системѣ уложенія, покушеніе, приготовленіе и даже одна голая рѣшимость, наказывается одинаково съ *дѣйствіемъ*. Эта чрезвычайная строгость объясняется: во *первыхъ*, ихъ чрезвычайною важностью, тѣми бѣдствіями, которыми они грозятъ, а во *вторыхъ*,—особеннымъ свойствомъ этихъ преступленій, относительно совершенія, сравнительно съ *общими* преступленіями. Изъ этой особенности *государственныхъ* или, такъ сказать, *политическихъ* преступленій выходитъ необходимость поражать сильными наказаніями не только самое злодѣяніе, но и всѣ дѣйствія, которыя предшествовали ихъ выполненію*).

Второй и третій виды государственныхъ преступленій суть: бунтъ и измѣна. О значеніи этихъ видовъ преступленій, см. эти термины.

Въ отношеніи подсудности, государственныя преступленія вѣдаются:

1) Судебными палатами, когда государственное преступленіе заключаетъ въ себѣ отдѣльное злоупотребленіе одного или нѣсколькихъ лицъ; и

2) Верховнымъ уголовнымъ судомъ, когда, по случаю обнаруженнаго въ разныхъ мѣстахъ общаго заговора противъ Верховной власти, или противъ установленнаго закономъ образа правленія или порядка наслѣдія престола, послѣдуетъ Высочайшій указъ о разсмотрѣніи дѣла въ семъ судѣ.

Дѣла о государственныхъ преступленіяхъ производятся общимъ порядкомъ уголовнаго судопроизводства съ соблюденіемъ особенныхъ правилъ, постановленныхъ въ уст. угол. суд. въ раздѣлѣ II, въ ст. 1032—1065.

ГОСУДАРСТВО. Общесто свободныхъ людей, живущихъ на опре-

*) См. А. Лохвицкаго, „Курсъ русскаго уголовнаго права“, (стр. 343—345).

дѣленномъ пространствѣ земли, подъ одною общею для нихъ Верховною властью, называется *государствомъ**).

Хотя *государство* отнесено къ области права, однакожъ, объясненіемъ его бытія, происхожденія, значенія, содержанія и цѣли, съ древнѣйшихъ временъ, занимались не столько правовѣды, сколько философы. Мыслители, бравшіеся объяснить государство путемъ философскаго анализа, представляютъ двѣ главныя группы: одни стремились объяснить государство посредствомъ открытія *цѣли* государства, другіе думали объяснить государство посредствомъ объясненія его *происхожденія*. Къ первой группѣ принадлежатъ мыслители: Платонъ, Аристотель, Кантъ, Гегель, Шеллингъ, Баконъ, Бентамъ, Гербартъ, Краузе и др. Древнѣйшіе мыслители Платонъ и Аристотель полагали цѣль государства въ *доставленіи господства нравственному закону*. Эта идея имѣла большое вліяніе въ средніе вѣка, какъ противодѣйствіе исключительно религіозному направленію средневѣковыхъ публицистовъ, которые, находясь подъ вліяніемъ борьбы папы и императора, объясняли государство произведеніемъ божества. Въ началѣ XVII столѣтія появилась новая теорія, полагавшая цѣль государства въ доставленіи гражданамъ благополучія. Главныя основы этой теоріи явились у англійскихъ мыслителей, составившихъ такъ называемую опытную или эмпирическую школу того столѣтія. Уже у Бакона явился афоризмъ, что единственная цѣль, которую должны имѣть въ виду законы и къ которой они должны направлять всѣ свои повелѣнія и предписанія,

---

*) Такъ опредѣляетъ государство проф. И. Андреевскій, (см. «Русское государ. право» стр. 1); но профессоръ К. Кавелинъ, въ своемъ изслѣдованіи „Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы“ (стр. 21 и 22), даетъ государству слѣдующее опредѣленіе: «Государство есть высшее и самое полное выраженіе общественности въ юридическомъ смыслѣ. Оно, какъ единное цѣлое, есть юридическое начало, принципъ, идея. Идея государства выражается видимымъ, осязательнымъ образомъ, во *первыхъ*, въ томъ, что государство имѣетъ свои особыя имущества, которымъ и присвоено, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, названіе государственныхъ, во *вторыхъ*, юридическое начало или идею государства видимымъ образомъ представляетъ правительство и его органы, дѣйствующіе его именемъ, по его указаніямъ и подъ его надзоромъ. Представляя юридическое начало государства правительство сознаетъ его нужды и потребности, какъ единаго цѣлаго организма и по возможности удовлетворяетъ имъ. Поэтому, видимымъ выраженіемъ государства, служитъ, и въ *третьихъ*, дѣятельность правительства и его органовъ, въ качествѣ представителей юридическаго начала государства. Вотъ въ чемъ обнаруживается наглядымъ образомъ, что государство есть, въ юридическомъ смыслѣ, единный живой организмъ. Помимо этихъ признаковъ, государство, съ той же юридической точки зрѣнія, представляется собраніемъ отдѣльныхъ единицъ моральныхъ и юридическихъ лицъ, изъ которыхъ каждое дѣйствуетъ про себя, имѣетъ разнообразныя нужды и потребности и старается имъ удовлетворить по возможности“.

есть *счастіе гражданъ*. Болѣе полно и съ громаднымъ вліяніемъ на современниковъ развивалъ это начало философъ-юристъ, Іеремія Бентамъ. Основнымъ началомъ своихъ философскихъ изысканій, разсѣянныхъ въ многочисленныхъ трудахъ, Бентамъ принимаетъ *начало пользы* или возможно полнѣйшее счастіе людей. По мнѣнію Бентама, человѣческая жизнь находится подъ господствомъ пріятнаго и непріятнаго. Каждый стремится пользоваться первымъ и избѣгать втораго, вся цѣль человѣческой дѣятельности заключается въ стремленіи получить возможно болѣе пріятнаго и имѣть возможно менѣе непріятнаго, разумѣя подъ пріятнымъ не только чувственныя наслажденія. но и разумно-духовныя. Отсюда Бентамъ выводитъ, что и въ обществѣ людей, а потому и въ государствѣ, все должно быть направлено къ тому, чтобы болѣе было пріятнаго. Судить о государственномъ управленіи можно только по отношенію къ той наибольшей пользѣ, которую оно приноситъ. Примѣненіе этого начала пользы къ годарственной жизни даетъ послѣдней три громадныя проявнія: *гражданскій законъ*. направляющій распредѣленіе средствъ, доставляющихъ людямъ пользу; *уголовный законъ*, удерживающій одного причинять другому непріятное и карающій его въ случаѣ причиненія; и *административный законъ*, устанавливающій порядокъ въ жизненной средѣ и обезпечивающій возможность осуществленія начала пользы.

Затѣмъ появилась новая теорія, старавшаяся объяснить существо государства посредствомъ разсмотрѣнія *самостоятельной цѣли* государства. Возможность отыскать самостоятельную цѣль государства увидѣли прежде всего въ сознаніи необходимости дать правамъ человѣка, живущаго въ государствѣ, надлежащее обезпеченіе и твердость. Такое стремленіе сдѣлалось примѣтнымъ въ концѣ XVII вѣка въ Германіи въ теоріяхъ различныхъ мыслителей этого вѣка; но особенно развилъ этотъ взглядъ знаменитый философъ Кантъ, въ своей «Критикѣ практическаго разума («Kritik der praktischer Vernunt), являвшейся дополненіемъ и объясненіемъ его капитальнаго творенія, подъ заглавіемъ: «Kritik der reinen Vernunt» (Критика чистаго разума). По мнѣнію Канта, нравственный законъ есть основаніе человѣческой свободы, потому что онъ повелѣваетъ человѣку слѣдовать не внѣшней, а *внутренней* необходимости, дѣлаетъ его независимымъ отъ внѣшняго міра. Человѣкъ сознаетъ свой нравственный законъ самъ-собою, и въ немъ само-собою рождается нравственное чувство, т. е. чувство уваженія нравственнаго закона. Сознаніе нравственнаго закона и свободы воли приводитъ человѣка къ сознанію высочайшаго существа,—къ сознанію Бога; но отъ этого свободнаго *нравственнаго* міра совершенно отличается міръ *юридическій*. Въ мірѣ юридическомъ обращается главное вниманіе

на *внѣшнюю* сторону дѣянія, а не на его внутреннее основаніе и цѣль, какъ въ мірѣ нравственномъ; здѣсь все дѣло—привести въ порядокъ взаимныя отношенія вмѣстѣ живущихъ людей и стремиться къ постановленію такихъ условій, чтобы воля и произволъ одного могли гармонировать съ волею и произволомъ другихъ, посредствомъ общаго и обязательнаго для всѣхъ закона. Поэтому, государство необходимо для *обезпеченія правъ каждаго*. Въ надлежащемъ соединеніи государственныхъ властей, Кантъ видитъ возможность достиженія государствомъ его цѣли, т. е. соглашенія его съ началами права. Это же начало *огражденія и обезпеченія* права, какъ самостоятельную цѣль государства, развивалъ и философъ Гегель, только инымъ путемъ, сравнительно съ Кантомъ. Ученіе Гегеля о государствѣ находится въ тѣсной связи съ его философскимъ воззрѣніемъ на цѣлый міръ. По мнѣнію Гегеля, основаніемъ и образованіемъ всего дѣйствующаго является идея; эта идея, какъ начало чисто духовное, получила во внѣшнемъ мірѣ свою реальность; но реальный міръ не есть что либо мертвое, законченное, а, напротивъ, представляетъ великій процессъ развитія: весь міръ есть процессъ идеи въ высшемъ значеніи этого слова. Въ этомъ процессѣ замѣтна постоянная жизнь и развитіе понятій одного изъ другаго, постоянное стремленіе къ самому высшему ихъ абсолюту. Идея нравственности прежде всего осуществляется въ семействѣ, затѣмъ въ гражданскомъ обществѣ, государствѣ и въ союзѣ государствъ. Въ семействѣ эта идея осуществляется въ чувствѣ любви, а въ гражданскомъ обществѣ, она осуществляется уже не въ любви, а во внѣшнихъ общественныхъ связяхъ. Гражданское общество, по мнѣнію Гегеля, строится на двухъ главныхъ началахъ: во 1-хъ, на взаимной помощи, которую члены общества находятъ другъ въ другѣ относительно удовлетворенія своимъ потребностямъ; и во 2-хъ, на признаніи за каждымъ изъ членовъ опредѣленныхъ правъ и обезпеченій ихъ отъ нарушенія со стороны другихъ, посредствомъ поставляемыхъ общихъ всѣмъ законовъ, приводимыхъ въ надлежащее исполненіе и возстановляющихъ нарушенное право. Когда гражданское общество впервые достигло сознаніе идеи нравственности, его охраняющей, тогда оно сдѣлалось государствомъ, которое и есть полнѣйшее выраженіе идеи добра. Государственное управленіе, будучи самостоятельнымъ организмомъ, представляетъ осуществленіе права и даетъ каждому отдѣльному признанному въ государствѣ праву полное обезпеченіе.

Хотя теоріи обоихъ великихъ мыслителей—Канта и Гегеля, равно и теоріи многихъ послѣдователей ихъ, относительно объясненія «государства», явили громадный прогрессъ въ томъ, что объяснили необходимость обезпеченія отдѣльной, *личной* свободы отъ произвола общественной власти и

указали на значеніе «человѣка» предъ «гражданиномъ»; тѣмъ не менѣе онѣ оказались недостаточными для того, чтобы ихъ считать послѣднимъ словомъ науки. Теоріи Канта, Гегеля и ихъ послѣдователей, дѣлали цѣль государства слишкомъ узкою: онѣ сдѣлали изъ государства исключительную юридическую область, ограничили заботы государственной дѣятельности исключительнымъ наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы права, признанныя за живущимъ въ государствѣ человѣкомъ, не были нарушаемы, чтобы всѣмъ была доставлена только юридическая защита и безопасность. Поэтому, появились попытки открыть иную теорію, объясняющую цѣль государства. Въ то самое время, когда развивались теоріи Канта, Гегеля, Шеллинга и другихъ, появились новые мыслители, которые видѣли въ обязанностяхъ государства не только *обезпеченіе* правъ гражданина, но и *оказаніе ему помощи* въ его стремленіи къ всесторонему развитію, посредствомъ удаленія встрѣчаемыхъ имъ непреодолимыхъ препятствій. Когда начали высказывать такія стремленія, то увидѣли новый, не замѣчавшійся прежде полицейскій характеръ государства и германскіе писатели стали различать «государство правовое», (Rechts-Staat) отъ «государства полицейскаго» (Polizei-Staat). Главныя основанія этой теоріи положили Гербартъ и Краузе, взгляды которыхъ получили свое развитіе особенно въ новѣйшее время. Задачи и цѣль государства, по воззрѣніямъ этихъ мыслителей, заключаютъ въ себѣ двѣ заботы: заботу объ обезпеченіи права и заботу объ общественномъ и человѣческомъ развитіи гражданъ. Эти цѣли государства могутъ сдѣлаться понятными только при анализѣ отношенія государства къ обществу. Анализъ общества заключается въ разсмотрѣніи отдѣльныхъ человѣческихъ цѣлей, создающихъ опредѣленные, болѣе или менѣе обширные, сильнѣе или слабѣе развившіеся общественные кружки, которые должны ужиться рядомъ на одной территоріи, не мѣшая другъ другу, оказывая, напротивъ, взаимное другъ на друга вліяніе и помощь. Ко всѣмъ этимъ кружкамъ верховная власть должна относиться совершенно одинаково—на основаніи права, а соединеніе всѣхъ этихъ кружковъ, всего общества посредствомъ права и слѣдовательно власти въ одно стройное, гармоническое цѣлое, есть *государство*, цѣль котораго, вытекая изъ гармонической связи, заключается въ усовершенствованіи общества по отношенію къ каждому человѣческому благу. Въ организаціи государства, какъ и въ каждой жизни, нужно различать *идею* отъ *формы*, въ которой идея эта осуществляется. Идея государства заключается въ главнѣйшихъ условіяхъ, сложившихся относительно государственной жизни, что называется «Staatsverfassung»; форма же представляется въ томъ, что на основаніи этой идеи она проявляетъ

въ дѣйствительности государственную жизнь, называемую «государственнымъ управленіемъ» «Staatsverwaltung». Управленіе (Verwaltung), сообразно съ двоякою цѣлью государства, дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ одна имѣетъ въ виду *обезпеченіе права* (Rechtsverwaltung), а другая—*доставленіе блага* (Wohlverwaltung). Такимъ образомъ, управленіе раздѣляется на двѣ коренныя дѣятельности (Grundfunctionen), изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ два момента—*законодательный и исполнительный*. Необходимымъ условіемъ хорошаго управленія, эта теорія признаетъ участіе всѣхъ гражданъ въ законодательной и исполнительной дѣятельности, посредствомъ хорошо устроеннаго народнаго представительства.

Теоріи Гербарта и Краузе, называемыя теоріями «содѣйствія общему развитію народа» или «обезпеченія совокупныхъ интересовъ націи» (Theorie der volkerschaftlichen Unterstützung oder der Wahrung der jeweiligen nationalen Gesammtinteressen), представляютъ существенное отличіе отъ всѣхъ предъидущихъ теорій тѣмъ, что они обнимаютъ всѣ стороны государственной жизни, и нельзя упрекнуть въ односторонности, подобно теоріямъ Канта и Гегеля.

Другая группа мыслителей, желавшихъ объяснить существо государства посредствомъ объясненія его *происхожденія*, высказывали многочисленные взгляды. Представителями этой группы считаются: Галлеръ, Гуго-Гроцій, Гоббезъ, Локкъ, Боденъ, Пуфендорфъ, Вольфъ, Руссо, Савиньи, Эйхгорнъ, Цепфль, Моль, Блунчли и др Всѣ взгляды исчисленныхъ мыслителей могутъ быть подведены подъ слѣдующія три категоріи:

1) видящихъ въ образованіи государства произведеніе простой силы;

2) полагающихъ основаніе государства въ общемъ всѣхъ на то согласіи, въ *договорѣ*; и

3) считающихъ государство необходимымъ произведеніемъ историческихъ условій.

Объясненіе происхожденія государства какъ послѣдствіе побѣды сильнаго надъ слабымъ, принадлежитъ еще школѣ древнихъ софистовъ; но теорія эта получила отголосокъ и въ новое время. Творцомъ этой теоріи въ новѣйшее время явился Галлеръ, въ своемъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: «Die Restauration der Staatswissenschaften». Галлеръ выходитъ изъ того начала, что государства образуются не вслѣдствіе отдѣленія людей отъ ихъ естественнаго состоянія, но, напротивъ, вслѣдствіе самой природы. Природная общительность создаетъ въ отношеніяхъ между людьми превосходства однихъ и незначительность другихъ. Отсюда является то естественное начало, что сильные *господствуютъ*, а слабые *повинуются*. На этомъ же началѣ покоится и отношеніе между мужемъ и женою, между отцомъ и сыномъ, между учителемъ и

ученикомъ, между хозяиномъ и слугою: первые господствуютъ, а вторые —повинуются. То же самое и въ государствѣ: возможность обнаружить силу составляетъ основаніи *власти*, а необходимость имѣть защиту—основание *подданства*.

Теорія, объясняющая происхожденіе государства произведеніемъ общаго согласія или *договора*, принадлежитъ мыслителямъ: Гуго-Гроцію, Гоббезу, Локку, Бодину, Пуфендорфу, Вольфу, Руссо и др. Эта теорія была чрезвычайно распространена и изглагаема въ различныхъ видахъ и на разныхъ основаніяхъ. Сущность этой теоріи состоитъ въ томъ. что необходимое условіе человѣческой природы основано на сообществѣ съ другими. Такое сообщество возможно только при *общемъ желаніи всѣхъ*, составляющихъ общество. подчиниться *одной общей власти* и всѣмъ юридическимъ требованіямъ и постановленіямъ, которыми признанная всѣми власть можетъ обезпечить это сообщество. Эта общая власть и есть *государство*. Такимъ образомъ, натуральною формою образованія государства является общее согласіе, выраженное въ *свободномъ договорѣ*, который составляетъ юридическую основу, какъ самаго государства, такъ и его власти.

По мнѣнію англійскаго мыслителя Локка, теорія происхожденія государства въ силу договора подтверждается еще и тѣмъ, что безъ государства, въ естественномъ состояніи людей, ихъ права, даже самыя натуральныя, не обезпечены надлежащимъ образомъ; для сохраненія же своей свободы, человѣкъ соглашается, вмѣстѣ съ другими, подчиниться одной высшей власти, которая, по самому своему существу, т. е. на основаніи *договора*, обязана сохранять законную свободу человѣка, и если эта власть нарушитъ свое договорное существо и превратится въ тиранію, то согласіе между народомъ и правительствомъ теряетъ свое юридическое основаніе.

Чрезвычайнымъ вліяніемъ, особенно во Франціи, пользовалась теорія о государственномъ договорѣ, изложенная Жанъ-Жакомъ Руссо, въ его сочиненіи: «Du contract social». Руссо также объясняетъ образованіе государства изъ договора, но совершенно иначе, сравнительно съ другими мыслителями той же школы. По мнѣнію Руссо, между *подчиненіемъ* себѣ массы и образованіемъ изъ массы *общества* есть огромное различіе. Завладѣть людьми посредствомъ силы—значитъ пріобрѣсть рабовъ, но не значитъ сдѣлаться властью народа. Чтобы народъ могъ заключить договоръ съ представителемъ власти, необходимо, чтобы самый народъ уже существовалъ, и въ созданіи народа, какъ цѣлой ассоціаціи, заключается причина и основаніе государства, а договорное образованіе власти есть уже актъ послѣдующій, возможный только для народа уже существующаго;

народъ же создается вслѣдствіе соціальнаго общественнаго договора (pacte social). Существенная задача человѣческой природы и все ея стремленіе заключаются именно въ томъ, чтобы найти или создать такую форму общенія при которой личность и благо каждаго члена были бы обезпечены и каждый членъ сохранилъ бы прежнюю свою свободу и независимость отъ другихъ. Единственнымъ разрѣшеніемъ этой задачи и этихъ стремленій является общественный *договоръ*. Содержаніе этого договора заключается въ томъ, что каждый изъ участниковъ ставитъ свою личность и всѣ свои силы подъ управленіе *всеобщей воли* (la volonté générale), вслѣдствіе чего каждый членъ есть часть, не раздѣльная съ цѣлымъ. Такимъ образомъ, каждый членъ государства раздѣляетъ совершенно одинаково со всѣми сочленами два главныя отношенія: во 1-хъ, онъ является участникомъ власти, по отношенію къ *частнымъ* лицамъ, и во 2-хъ, членомъ *государства*, т. е. такимъ же *частнымъ* лицомъ по отношенію къ власти; ибо въ договорѣ съ государствомъ не выражается *частное* отношеніе, какъ въ обыкновенномъ *частномъ* договорѣ, но содержится особенное *общественное* отношеніе. Сила такого договора заключается въ самомъ его существѣ, а изъ существа договора вытекаетъ, что власть общества не отчуждаема и не дѣлима. Но такъ какъ люди различныхъ мѣстъ и климатовъ представляютъ большія различія, то разныя общества могутъ проявить заключеніе такого договора самымъ различнымъ способомъ. Поэтому, и самая власть въ разныхъ государствахъ можетъ проявиться въ различныхъ формахъ: демократіи, аристократіи, монархіи или смѣшанныхъ правленіяхъ. Всѣ эти формы правленія разсматриваетъ Руссо и приходитъ къ тому заключенію, что главное условіе для наилучшаго осуществленія идеи общественнаго договора, есть,—*свобода* каждаго члена государственнаго организма.

Наконецъ, третья группа мыслителей, считающая государство необходимымъ произведеніемъ *историческихъ* условій, имѣетъ своихъ представителей въ лицѣ основателей «исторической школы»: Гуго, Савиньи, Эйхгорнъ, Цепфль, Блунчли и др. Образовавшаяся въ Германіи, въ концѣ XVIII и развившаяся въ XIX ст. *историческая школа*, весьма скоро установила въ наукѣ права то положеніе, что въ существѣ государства нужно отличать два понятія: одно—болѣе *формальное*, общее всѣмъ государствамъ, а другое—болѣе *матеріальное*, вырабатывающееся отдѣльною жизнію, особыми условіями отдѣльнаго государства. Отдѣльное государство образуется тогда, когда его цѣль, какъ цѣль достиженія порядка и осуществленія власти, будетъ признана; при чемъ совершенно все равно, какимъ путемъ общество пришло къ сознанію своей государственной цѣли. Генрихъ Цепфль, одинъ изъ представителей исто-

рической школы, говоритъ, что разумность государственной власти есть философское основаніе ея дѣйствительности, историческая основа ея силы—ея качества власти. Разсматривая дѣйствительные пути, по которымъ государство достигло государственной жизни, сознало связь своихъ элементовъ, онъ замѣчаетъ четыре главныя различія въ образованіи государства: 1) Автономія народа—путь республиканскаго государственнаго устройства, на который не рѣдко вступаетъ и монархія, когда народъ своею властью рѣшаетъ учредить, поддерживать или возстановить монархію, или когда посредствомъ выбора призываетъ на тронъ опредѣленное лицо или фамилію. 2) Автономія монарха, которая является при завоеваніи одной народности другою. 3) Ленныя государства—гдѣ высшій, сторонній авторитетъ, въ извѣстной степени, всегда мѣшаетъ дѣйствительному государственному развитію той страны, на которую онъ распространяется. 4) Монархія договорная, имѣющая мѣсто при выборномъ началѣ. На этихъ главныхъ началахъ строитъ Цепфль свою государственную теорію, подробно развитую въ его сочиненіи «О государственномъ правѣ»*).

Въ томъ же духѣ, только съ нѣкоторыми видоизмѣненіями во взглядахъ и въ образѣ изложенія, объясняютъ значеніе, цѣль и происхожденіе государства и другіе послѣдователи той же исторической школы.

Что же касается до различныхъ типовъ государствъ, какъ они образовались въ *дѣйствительности*, то возникновеніе каждаго изъ нихъ не было создано въ силу кмкой-нибудь напередъ созданной теоріи, а находится въ тѣсной связи съ жизнію того народа, среди котораго тотъ или другой типъ возникъ. Жизнь народовъ выработала различныя *формы* государствъ. Каждая форма государственной жизни имѣла опредѣленное вліяніе на другія: одна вырабатывалась изъ другой. Поэтому, между главными типами государствъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, существуетъ опредѣленная связь и взаимодѣйствіе. Всѣ формы государствъ, которыя мы видимъ въ настоящее время, всѣ онѣ зародились еще въ древнемъ мірѣ, гдѣ они выработаны были въ стройные, цѣльные типы. Новый міръ заимствовалъ у древняго не только *идею* государства, но и все то, что въ немъ создано было вѣками, усиліями великихъ народныхъ дѣятелей, долгою и жестокою борьбою. Если и замѣтны какія-либо отличительныя черты между типами современныхъ государствъ и типами государствъ древняго міра, то развѣ только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, но не въ главной идеѣ.

*) См. «Grundsätze des gemeinen deutschen Staatsrechts», von H. Zoepfl, II т. 5 изд. Лейпцигъ, 1863 г.

ГОСУДАРСТВО ВЪ ГОСУДАРСТВѢ есть юридическій терминъ, выражающій понятіе о такой корпораціи, которое имѣетъ свое бытіе независимо отъ государства, въ которомъ она существуетъ, которая почитаетъ себя не подчиненною государственному устройству и разсматриваетъ его законы, какъ на нее не распространяющіеся.

ГОСУДАРЬ. Слово старинно-русское, происходящее отъ слова «господарь», которымъ титуловали литовскихъ великихъ князей, а равно и князей Молдавіи, Валахіи и Сербіи, гдѣ самыя княжества назывались также «господарствами». Сначала на Руси слово «государь» значило то же что «господинъ». Въ этомъ смыслѣ слово государь употребляется еще и по нынѣ въ частномъ разговорѣ или перепискѣ, напр. *милостивый государь*, *милостивые государи* и т. п. Но въ строгомъ смыслѣ, слово «государь» есть титулъ всякой владѣтельной особы и русскіе цари очень рано начали именоваться «государями». Слово «государь» какъ названіе Монарха вошло и въ большой титулъ нашихъ царствующихъ императоровъ. Въ древнія времена, вмѣсто слова «государь», употреблялось слово «осударь». Слово «государь» въ древней Руси примѣняли не только къ лицамъ, но и къ городамъ. Такъ, великій Новгородъ именовался также иногда «господиномъ, а иногда «государемъ», что означало—величіе и почетъ.

ГОФГЕРИХТЪ (Hofgericht). Судебное мѣсто въ Ригѣ, которому подчинены всѣ суда лифляндской губерніи, кромѣ городскихъ судовъ Риги. Жалобы на рѣшенія гофгерихта приносятся сенату.

ГОФИНТЕНДАНТЪ (Hofintendant), придворный сановникъ 3-го класса, завѣдывающій дворцовымъ хозяйствомъ.

ГОФИНТЕНДАНТСКАЯ КОНТОРА. Присутственное мѣсто, въ которомъ сосредоточены всѣ дѣла по завѣдыванію хозяйствомъ Двора.

ГОФМАКЛЕРЪ (Hofmakler). Старшій биржевой маклеръ. Обязанности гофмаклера состоятъ: въ наблюденіи за правильностью дѣйствій биржевыхъ маклеровъ и въ собираніи свѣдѣній, какъ о цѣнахъ продаваемыхъ и покупаемыхъ на биржѣ товаровъ, такъ и курсахъ денежномъ и вексельномъ (уст. торг. ст. 2479). Терминъ гофъ-маклеръ, въ буквальномъ переводѣ, значитъ: «придворный маклеръ»; но, по смыслу нашего законодательства, онъ ничего общаго съ Дворомъ не имѣетъ. Титулъ гофъ-маклеръ заимствованъ нами у нѣмцевъ, у которыхъ это наименованіе, вѣроятно, дано или вслѣдствіе того, что обязанность гофъ-маклера, въ прежнее время, имѣла нѣкоторое прикосновеніе ко двору, особенно при государственныхъ займахъ, заключавшихся отъ имени королей, при которыхъ маклера содѣйствіе было необходимымъ, или потому, что первая биржа въ Пруссіи, учрежденная 1730 году при королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ I-мъ, помѣщалась въ увеселительномъ саду королевскаго дворца

(см. Биржа), то и главный маклеръ, завѣдывавшій этою придворною биржею, получилъ названіе, «придворнаго маклера» (Hof-Makler); но по какимъ соображеніямъ этотъ титулъ удержанъ въ нашемъ законодательствѣ—непонятно. По нашему мнѣнію, если старшій биржевой маклеръ, по кругу своихъ обязанностей, дѣйствительно представляетъ собою въ нѣкоторомъ родѣ должностное лицо, то гораздо правильнѣе было бы назвать его «правительственнымъ биржевымъ маклеромъ», нежели «гофъ-маклеромъ», каковое названіе не соотвѣтствуетъ его содержанію. Правила о «гофмаклерахъ изложены въ нашемъ торговомъ уставѣ. въ статьяхъ отъ 2526 по 2535. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: гофмаклеръ собираетъ отъ биржевыхъ маклеровъ свѣдѣнія о курсѣ и цѣнахъ на товары и составляетъ изъ нихъ прейсъ-куранты, за вѣрность которыхъ онъ отвѣтствуетъ. Когда гофмаклеръ имѣетъ поручение отъ казеннаго мѣста, онъ всемѣрно соблюдаетъ пользу казенную при продажѣ и покупкѣ товаровъ, и при денежныхъ и вексельныхъ оборотахъ и переводахъ. Гофмаклеру строжайше подтверждается хранить тайну по казеннымъ товарнымъ, денежнымъ и вексельнымъ оборотамъ. О всякомъ, дошедшемъ до свѣдѣнія гофмаклера, случаѣ, въ кругѣ его должности, изъ котораго предвидѣть можно утрату казеннаго интереса, онъ обязанъ немедленно донести по начальству. Если на биржѣ распространяются какіе-либо слухи, вредные торговлѣ, то гофмаклеръ обязанъ немедленно увѣдомить начальство: онъ доноситъ начальству также и о томъ, если кто-либо занимается маклерскими дѣлами. не имѣя на то права. Гофмаклеръ получаетъ куртажъ по казеннымъ дѣламъ только отъ частныхъ лицъ, съ казною договаривающихся, а именно: по товаварамъ $^1/_2\%$, а по денежнымъ и вексельнымъ переводамъ—$^1/_4\%$. (См. Биржевые маклера).

ГОФМАРШАЛЪ (Hofmarschal). Придворный сановникъ 3-го класса.

ГОФМЕДИКЪ. Придворный или дворцовой врачъ, для служащихъ при дворѣ. Личный же врачъ Императорской фамиліи называется «лейбъ-медикомъ».

ГОФМЕЙСТЕРЪ. Придворный сановникъ 3 го класса, для надзора за придворными чинами и служителями.

ГОФМЕЙСТЕРИНА. Придворная дама для надзора за фрейлинами. Жена гофмейстера также называется «гофмейстериною».

ГОФФУРЬЕРЪ. Придворный служитель въ чинѣ VIII класса.

ГОХМЕЙСТЕРЪ. Великій магистръ или старшина ордена средневѣковыхъ нѣмецкихъ рыцарей. Онъ избирается капитуломъ на всю жизнь и имѣлъ право чинить судъ и расправу по дѣламъ рыцарства не особенно важнымъ.

ГРАБЕЖЪ есть одинъ изъ видовъ преступленій противъ чужаго имущества. Виды эти четыре: мошенничество, кража, разбой и гра-

бежъ. Грабежемъ—по опредѣленію нашего уголовнаго права*)—признается: «во 1-хъ, всякое у кого-либо отнятіе принадлежащаго ему или же находящагося у него имущества, съ насиліемъ или даже съ угрозами, но такого рода, что эти угрозы и самое насильственное дѣйствіе не представляли опасности ни для жизни, ни для здравія, или свободы того лица; во 2-хъ, всякое, хотя безъ угрозъ и насилія, но открытое похищеніе какого-либо имущества въ присутствіи самаго хозяина или другихъ людей». Такимъ образомъ, главный признакъ *грабежа* состоитъ *въ открытомъ похищеніи* чужого имущества, безразлично, сопровождалось ли оно насиліемъ или безъ насилія, съ угрозами и безъ угрозъ, лишь бы это насиле или эти угрозы не представляли опасности ни для жизни, ни для здоровья или свободы ограбленнаго. Этимъ признакомъ грабежъ отличается отъ остальныхъ трехъ видовъ преступленій той же категоріи. *Мошенничествомъ* признается всякое похищеніе чужихъ вещей, денегъ или иного движимаго имущества, учиненное посредствомъ какого-либо *обмана* (Улож. ст. 1665), *кражею* признается всякое, какимъ бы то ни было образомъ, но въ *тайнѣ*, безъ насилія, угрозъ и вообще безъ принадлежащихъ къ свойству разбоя или грабежа, обстоятельствъ, похищеніе чужихъ вещей или иного движимаго имущества (тамъ-же ст. 1644); *разбоемъ* же признается всякое на кого-либо, для похищенія принадлежащаго ему или находящагося у него имущества, нападеніе, когда оное учинено открытою силою съ оружіемъ, или хотя и безъ оружія, но сопровождалось или убійствомъ или покушеніемъ на оное, или же нанесеніемъ увѣчья, ранъ, побоевъ или другихъ тѣлесныхъ истязаній, или такого рода угрозами или иными дѣйствіями, отъ которыхъ представлялась явная опасность для жизни, здравія, или свободы лица или лицъ, подвергавшихся нападенію (тамъ-же, ст. 1627).

Итакъ, самый легкій видъ преступленій этой категоріи есть мошенничество и кража; самый тяжелый—разбой, а средній—составляетъ *грабежъ*. Кража и мошенничество суть преступленія только противъ *имущества*, а грабежъ и разбой являются преступленіями какъ противъ *имущества*, такъ и противъ *личности*. Наше уложеніе о наказаніяхъ раздѣляетъ «похищеніе имущества съ насиліемъ» на два вида преступленій: на «разбой» и на «грабежъ»; но, по мнѣнію одного изъ нашихъ компетентныхъ криминалистовъ**), различіе между этими двумя терминами—искусственное, такъ что, на его взглядъ, было бы практичнымъ соединить ихъ въ одно преступленіе, при чемъ, то что законъ называетъ «грабежомъ», являлось бы низшимъ видомъ «разбоя». Этотъ взглядъ совершенно правиль-

*) Улож о нак. ст 1637.

**) А. Лохвицкаго, "Курсъ русск. угол. права", стр. 634.

ный, такъ какъ и по наказаніямъ оба эти преступленія совершенно сходны. а разница только въ степеняхъ: высшіе виды грабежа наказываются, какъ средніе виды разбоя, а средніе виды грабежа,—какъ низшіе виды разбоя. И дѣйствительно, если мы сравнимъ опредѣленіе, данное закономъ «грабежу» съ опредѣленіемъ. даннымъ «разбою», то найдемъ слѣдующее главное различіе: грабежъ состоитъ «въ отнятіи имущества съ насиліемъ», а разбой - въ «нападеніи открытой силой для похищенія имущества». Развѣ «насильственное отнятіе» не то же самое, что «нападеніе открытой силой»? Различіе можетъ заключаться только въ *размѣрѣ нападенія*; при томъ же при грабежѣ уложеніе не исключаетъ нападенія въ прямомъ смыслѣ слова. Одно только, что наглядно отличаетъ разбой отъ грабежа, это обстоятельство *вооруженія*. Это наглядное отличіе ясно выражено въ 1641 ст. уложенія: «если учинившій *грабежъ* былъ вооруженъ, хотя не употреблялъ этого оружія даже и для угрозъ ограбленному, то дѣяніе его признается однимъ изъ видовъ *разбоя* и онъ приговаривается: къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на заводы, на время отъ 4-хъ до 6-ти лѣтъ». Слѣдовательно, всякій, похитившій вещь съ насиліемъ, если онъ былъ вооруженъ, чинилъ не грабежъ. а разбой, хотя бы онъ не употреблялъ оружія даже для угрозъ. «Вооруженіе» законъ понимаетъ здѣсь въ тѣсномъ смыслѣ, именно—оружія огнестрѣльнаго или холоднаго, но присутствіе орудія, могущаго только устрашить, напр.большой палки или дубинки, не дѣлаетъ само по себѣ преступленіе разбоемъ; оно можетъ остаться грабежемъ. если другія обстоятельства не выводятъ его изъ этого круга.

Хотя при *грабежѣ* не могутъ быть отягчающія обстоятельства, какъ при *разбоѣ*, иначе—такое дѣяніе прямо дѣлаетъ насильственное нападеніе и похищеніе—*разбоемъ* однакожъ, и въ грабежѣ могутъ быть обстоятельства, увеличивающія мѣру наказанія а именно: 1) *мѣсто грабежа*. По ст. 220 уложенія, «за ограбленіе церкви, хотя бы при томъ и не было смертоубійства и не сдѣлано никому увѣчья, виновные подвергаются каторжной работѣ отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ». Наказаніе усилено потому, что *мѣсто*, гдѣ грабежъ совершенъ, придаетъ преступленію и характеръ «святотатства». 2) *Время грабежа*. «За грабежъ во время пожара, наводненія или при иномъ какомъ-либо несчастномъ случаѣ, виновные приговариваются къ каторжной работѣ отъ 4-хъ до 8-ми лѣтъ (ст. 1640).

Отъ грабежа нужно отличать *самоуправство* (См. этотъ терминъ).

ГРАДОНАЧАЛЬНИКИ представляютъ собою особый разрядъ главныхъ начальниковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ европейской Россіи, именуемыхъ *градоначальствами* (см. этотъ терминъ).

Кругъ вѣдомства градоначальниковъ опредѣляется тѣми особенными

цѣлями, для которыхъ они учреждены. Предметы ихъ вѣдомства являются:

1) Завѣдываніе полицейскою частью въ собственномъ смыслѣ со всѣми правами, присвоенными губернаторамъ;

2) Попеченіе о распространеніи торговли, о купеческомъ мореплаваніи и судостроеніи; и

3) Дѣла по утвержденію въ должности членовъ и надзоръ за дѣйствіями *коммерческихъ судовъ**) и нѣкоторыя другія дѣла по судебному вѣдомству, какъ-то: при освидѣтельствованіи умалишенныхъ, распоряженіе по экзекуціи и ссылкѣ осужденныхъ преступниковъ и управленіе аукціонною камерою (въ Одессѣ).

Права надзора, предоставленныя градоначальникамъ по городовому общественному управленію, осуществляются чрезъ состоящіе подъ ихъ покровительствомъ мѣстныя по городскимъ дѣламъ присутствія, имѣющія въ градоначальствахъ особое устройство (см. Городское управленіе).

Севастопольскому градоначальнику, въ силу военно-морскаго значенія этого города, предоставляется высшее завѣдываніе всѣми правительственными и административными учрежденіями и въ его лицѣ соединяются должности коменданта и командира севастопольскаго порта**).

Власть градоначальника, ограничивается предѣлами его градоначальства; но въ этихъ предѣлахъ и по предметамъ его компетенціи, касающейся мѣстной полиціи, торговли и судоходства, ему подчиняются всѣ находящіеся въ градоначальствѣ военные, какъ сухопутные такъ и морскіе начальники. Компетенція градоначальниковъ не простирается на дѣла казеннаго управленія, которое подвѣдомственно общему губернскому начальству (т. II, ч. 2, кн. V, ст. 4 12.

Градоначальники опредѣляются и увольняются Высочайшею властью. Градоначальники прибрежныхъ городовъ Чернаго и Азовскаго морей, кромѣ Одессы, должны быть назначаемы изъ адмираловъ. При градоначальникѣ состоятъ: канцелярія и чиновники особыхъ порученій. Во время отсутствія или болѣзни одесскаго градоначальника, исправленіе его должности поручается начальнику крѣпостнаго округа или предсѣдателю коммерческаго суда.

ГРАДОНАЧАЛЬСТВО есть названіе одной изъ высшихъ административныхъ единицъ, на которыя раздѣляется россійская имперія. Градоначальства образуются изъ *городовъ* и приписанныхъ къ нимъ мѣстностей, которыя, въ отношеніи своего управленія, выдѣлены изъ губерній. Поэтому, градоначальства отнесены къ мѣстностямъ, управляемымъ по

*) Относительно отношенія градоначальниковъ къ коммерческимъ судамъ см. Уст. торг. ст. 1416 и слѣд. 1440 и др.

**) Св. зак. т. II, ч. 2, кн. V, ст. 6 и 8 и прим. по прод. 1876 г.

особеннымъ учрежденіямъ. Основаніями къ изъятію нѣкоторыхъ городовъ изъ общаго губернскаго управленія является ихъ особенное значеніе преимущественно въ торговомъ отношеніи, какъ *портовъ*, важныхъ для цѣлей внѣшней торговли, требующихъ особенныхъ мѣръ попеченія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ же торговыхъ пунктахъ постоянно имѣется значительное число пришляго, переходнаго населенія, вызывающаго необходимость *особеннаго* полицейскаго надзора.

Въ настоящее время градоначальства учреждены въ слѣдующихъ городахъ: Одессѣ, Таганрогѣ, Керчь-Еникалѣ, Севастополѣ и Дербентѣ, въ Закавказьи. Одесское градоначальство образовано изъ одного города Одессы; но территоріальный составъ прочихъ градоначальствъ нѣсколько сложнѣе. Такъ, въ составъ таганрогскаго градоначальства входятъ города: Таганрогъ, Нахичевань на Дону и Маріуполь, съ частью земель на правомъ берегу Азовскаго моря. Градоначальство Керчь-Еникольское заключаетъ въ себѣ керченскій округъ, бердянскій портъ и пристань на Обыточной косѣ. Севастопольское градоначальство образовано изъ города Севастополя и прилегающей къ нему территоріи, т. е. Херсонескаго полуострова и Сѣверной стороны (Сводъ зак. т. II, ч. 2, кн. V ст. 1, 3 и 4, по прод. 1876 года).

Градоначальство, какъ и всякая административная единица, является округомъ, въ пространствѣ котораго извѣстныя правительственныя установленія или лица, облеченныя правами правительственной власти, осуществляютъ общія государственныя задачи и заботятся о пользахъ и нуждахъ мѣстнаго населенія; оно является округомъ, имѣющимъ общественное значеніе, въ качествѣ *юридическаго лица*, при чемъ мѣстному обществу, его образующему, предоставлено право непосредственно или чрезъ своего представителя завѣдывать мѣстными пользами и нуждами и выполнять извѣстныя административныя функціи, на нихъ возложенныя. Но градоначальство, по предметамъ общаго управленія и суда, не образуютъ особаго самостоятельнаго округа. Такъ, градоначальства Одесское, таганрогское и керчь-еникольское входятъ въ составъ одесской судебной палаты. Затѣмъ въ отношеніи *земскаго* управленія, градоначальство таганрогское входитъ въ составъ земства ростовскаго уѣзда (екатер. губ.), а керчь-еникольское—ееодоссійскаго (тавр. губ.).

Административная власть въ градоначальствахъ ввѣряется особому лицу—*градоначальнику*, опредѣляемому и увольняему Императоромъ, по представленію министра внутр. дѣлъ (см. Градоначальникъ).

ГРАЖДАНИНЪ. Всякій полноправный членъ общины, народа или государства, называется «гражданиномъ».

ГРАЖДАНСКАЯ ПАЛАТА. При существованіи нашего стараго судоустройства такъ называлось судебное установленіе второй инстанціи, для разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ. Гражданскія палаты, принадлежа къ *губернскимъ* учрежденіямъ, существовали во всѣхъ губернскихъ городахъ имперіи. Личный составъ каждой гражданской палаты состоялъ изъ предсѣдателя, его товарища, двухъ засѣдателей изъ дворянъ и двухъ—отъ городскаго общества.

ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА. Такъ называется служба, имѣющая своимъ предметомъ большую часть управленія государствомъ. Она называется «гражданскою» въ отличіе отъ другаго вида службы,—службы «военной». Гражданская служба раздѣляется: на службу по назначенію отъ *правительства* и на службу по *выборамъ*. Права, обязанности и преимущества служащихъ изложены въ уставѣ о службѣ гражданской, въ III т. св. законовъ. Гражданская служба по назначенію отъ правительства называется также и *государственною службою* (см. это слово).

ГРАЖДАНСКАЯ СМЕРТЬ. Юридическій терминъ уголовнаго права. Лишеніе всѣхъ правъ состоянія извѣстно на Западѣ подъ именемъ *гражданской смерти*. У насъ оно въ первый разъ было опредѣлено при императицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ замѣнъ смертной казни и названо «политическою смертью». Теперь «политическая смерть» имѣетъ спеціальное значеніе, но въ сущности она ничѣмъ не отличается отъ «каторжной работы съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія». Лишеніе всѣхъ правъ состоянія названо «гражданскою смертью» въ 541 ст. т. II кн. XV св. закон. (изд. 1857 г.) и воен. угол. св. ст. 24. «Идея гражданской» смерти состоитъ въ томъ, что человѣку, совершившему важное преступленіе, оставляется только физическая жизнь; всѣ же права, кромѣ права на жизнь, какъ-то: политическія, имущественныя и семейныя отнимаются отъ него. Законъ Петра Великаго «о шельмахъ» выражалъ эту идею въ страшной послѣдовательности: «*шельму* всякій могъ безнаказанно бить и грабить». Но, по духу нашего вѣка, «гражданская смерть», едва-ли можетъ быть прилагаема во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ. Она не совмѣстима съ существующими у насъ уголовными наказаніями, за исключеніемъ развѣ *вѣчной* каторжной работы. Терминъ «гражданская смерть» употребляется, какъ при *каторжной* работѣ, такъ и при *ссылкѣ* на поселеніе. Но *ссылка* имѣетъ въ виду не уничтоженіе человѣка, а предоставленіе ему возможности начать новую жизнь вдали отъ родины; но, возможна-ли какая нибудь жизнь, даже и при ограниченной свободѣ, безъ права собственности, безъ права владѣнія и пользованія недвижимостью и произведеніями труда, хотя съ ограниченіями, безъ права на бракъ? Конечно, при каторжной работѣ совмѣстимо

понятіе о лишеніи всякаго имущественнаго права и права на бракъ; но такъ какъ *срочная* каторжная работа ведетъ, по истеченіи опредѣленныхъ лѣтъ, къ ссылкѣ, то, стало быть, и здѣсь возможно полное лишеніе всѣхъ правъ только во время продолженія работъ. Но и въ послѣднемъ случаѣ, законъ, имѣя въ виду достиженіе нравственнаго исправленія каторжныхъ, допускаетъ для нихъ вступленіе въ бракъ по прошествіи извѣстнаго срока, а также и пользованіе заработанными деньгами (см. Лишеніе правъ).

ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ. Такъ называются законы, опредѣляющіе права и обязанности частныхъ лицъ, взаимныя ихъ отношенія семейственныя и имущественныя. Русскіе гражданскіе законы изложены въ первой части X т. св. зак.

ГРАЖДАНСКІЙ БРАКЪ, см. Бракъ гражданскій.

ГРАЖДАНСКІЙ ИСТЕЦЪ. Юридическій терминъ уголовнаго судопроизводства, означающій: лицо, потерпѣвшее отъ преступленія или проступка и заявившее искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки. Потерпѣвшій обязанъ заявить о своемъ искѣ до открытія судебнаго засѣданія, иначе онъ теряетъ право иска порядкомъ уголовнымъ и можетъ вчинать его лишь въ судѣ гражданскомъ, по рѣшеніи уголовнаго дѣла. На основаніи устава уголовнаго судопроизводства, права и обязанности гражданскаго истца состоятъ въ слѣдующемъ: законъ признаетъ гражданскаго истца одною изъ участвующихъ сторонъ въ уголовномъ дѣлѣ, (ст. 636, п. 2); гражданскій истецъ извѣщается о вступленіи въ судъ обвинительнаго акта и можетъ взять копію съ онаго (ст. 559); ему предоставляется право: просить о дополненіи списка свидѣтелей (ст. 560), разсматривать подлинное дѣло, выписывать изъ него всѣ нужныя свѣдѣнія (ст. 570) и отводъ судей (ст. 599); при судебномъ же состязаніи гражданскій истецъ по всѣмъ предметамъ, касающимся его иска, пользуется одинаковыми правами съ обвинителемъ и защитникомъ подсудимаго, (ст. 631), т, е. въ подтвержденіе своихъ показаній можетъ представлять доказательства, отводить свидѣтелей и экспертовъ, возражать противъ показаній свидѣтелей, дѣлать замѣчанія и давать объясненія по происходящимъ на судѣ дѣйствіямъ и опровергать доводы и соображенія противной стороны; наконецъ, гражданскій истецъ участвуетъ въ заключительныхъ на судѣ преніяхъ въ дѣлахъ, производящихся какъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, такъ и съ ихъ участіемъ (рѣш. угол. кас. деп. за 1867 г. № 64). Гражданскій истецъ вообще не касается уголовной отвѣтственности подсудимаго, а объясняетъ и доказываетъ только тѣ дѣйствія и обстоятельства, отъ признанія и опредѣленія которыхъ зависятъ его требованія, а въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ

присяжныхъ засѣдателей, онъ представляетъ послѣднимъ только тѣ объясненія, которыя имѣютъ предметомъ представленія доказательствъ, что событіе преступленія, причинившее вредъ и убытки, дѣйствительно совершилось, и что оно было дѣяніемъ подсудимаго; объясненія же, касающіяся гражданскихъ послѣдствій доказанныхъ уже фактовъ, гражданскій истецъ представляетъ по воспослѣдованіи рѣшенія присяжныхъ, т. е. когда разбираются вопросы, дѣйствительно-ли гражданскій истецъ понесъ убытки и въ какомъ количествѣ.

ГРАЖДАНСКІЙ ИСКЪ есть юридическій терминъ судопроизводства, значущій: обращеніе къ суду съ требованіемъ объ удовлетвореніи за вредъ и убытокъ, причиненный преступленіемъ или проступкомъ. Этимъ и отличается терминъ *гражданскій искъ* отъ термина *иска*. «Искъ» вообще есть требованіе, обращенное къ суду о признаніи или уничтоженіи извѣстнаго права, вытекающаго изъ *гражданской* сдѣлки, а «гражданскій искъ» есть требованіе о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступнымъ или *уголовнымъ* дѣяніямъ. Предметомъ гражданскаго иска можетъ быть лишь правонарушеніе, учиненное или непосредственно тѣмъ, къ которому искъ предъявленъ, или же тѣмъ, въ правахъ котораго оно состоитъ по имуществу (объясненіе гражданскаго кассац. департам. сената № 1134—1873 года). Гражданскій искъ можетъ быть предъявленъ или въ *уголовномъ* судѣ, при самомъ производствѣ уголовнаго дѣла, или отдѣльно отъ онаго, въ судѣ *гражданскомъ*, до истеченія срока давности (уст. граж, суд. ст. 5). Но, въ послѣднемъ случаѣ, судъ гражданскій приступаетъ къ производству не прежде, какъ по окончаніи уголовнаго производства по тому предмету, изъ коего искъ проистекаетъ (ст. 6). Истецъ не лишается права на искъ въ гражданскомъ судѣ, хотя бы по приговору суда уголовнаго обвиняемый и не былъ признанъ виновнымъ, если отъ его дѣйствій произошелъ для истца ущербъ или убытокъ (тамъ же, ст. 7). Эта послѣдняя статья устава граж. суд. состоитъ въ непрерывной связи съ 31 ст. уст. уголов. суд., по которой «непризнаніе преступнымъ или невмѣненіе подсудимому въ вину его дѣянія не устраняетъ гражданскаго иска о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные симъ дѣяніемъ». Статья 7 уст. граж. суд. есть послѣдствіе положенія, выраженнаго въ 31 ст. уст. уг. суд. и,—какъ выяснилъ уг. кас. деп. сената,—обѣ статьи постановлены для предотвращенія случаевъ столкновенія подсудности уголовной и гражданской. Смыслъ этихъ статей соотвѣтствуетъ общему гражданскому праву (ст. 574 т. X ч. I), предоставляющему всякому право требовать вознагражденія за вредъ и убытки, хотя бы даже уголовный судъ и не призналъ преступнымъ то дѣяніе, которое послужило причиною убытковъ. Во всѣхъ слу-

чаяхъ, то дѣяніе, изъ котораго можетъ проистекать искъ объ убыткахъ и ущербахъ, предполагается доказаннымъ, такъ, что истцу, для того, чтобы отыскивать въ гражданскомъ судѣ вознагражденіе, необходимъ не *обвинительный* приговоръ уголовнаго суда, а такой приговоръ, который бы доказывалъ, что дѣйствительно такое дѣяніе совершено тѣмъ лицомъ, съ котораго отыскивается вознагражденіе за вредъ и убытки; въ противномъ же случаѣ, когда не доказано совершеніе самого дѣянія, или оно признано дѣяніемъ не того лица, которое обвинялось въ ономъ, то и нѣтъ возможности отыскивать убытки. Разрѣшеніе иска, проистекающаго изъ уголовнаго преступленія, можетъ послѣдовать не прежде, какъ по разрѣшеніи уголовнаго дѣла; одновременное же разрѣшеніе дѣлъ уголовнаго и гражданскаго не можетъ быть допущено*) (уст. граж. суд. ст. 6 и уст. уголов. суд. ст. 27). Гражданскій искъ, вытекающій изъ преступнаго дѣянія и заявленный при производствѣ уголовнаго дѣла, подлежитъ разсмотрѣнію уголовнаго суда (рѣш. гражд. кас. депар. сената за 1870 годъ—№ 22). Гражданскій искъ о вознагражденіи за убытки, причиненные преступленіемъ, не можетъ быть предъявленъ въ гражданскомъ судѣ, если онъ разрѣшенъ уже вступившимъ въ законную силу приговоромъ уголовнаго суда, такъ какъ такой приговоръ имѣетъ то же значеніе, какъ и вступившее въ законную силу рѣшеніе гражданскаго суда (№ 140—1881 г.). Гражданскій искъ не можетъ быть разрѣшенъ прежде уголовнаго дѣла, такъ какъ опредѣленіе права на искъ зависитъ отъ приве-

*) По вопросу о томъ: въ какихъ случаяхъ, (кромѣ прямо указанныхъ въ 27 ст. уст. угол. суд.), гражданское производство должно предшествовать уголовному преслѣдованію, и въ какихъ послѣднее можетъ быть возбуждено независимо отъ гражданскаго? —въ рѣшеніяхъ уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената разъяснено слѣдующее: 1) Нарушеніе или неисполненіе какой либо обязанности, основанной на договорѣ, различно понимаемомъ обѣими заключившими его сторонами, можетъ подлежать разсмотрѣнію уголовнаго суда не прежде, какъ по разрѣшеніи спорнаго вопроса судомъ гражданскимъ (1868 г. № 202). 2) Жалоба на предъявленіе къ взысканію долговаго обязательства, уже разъ уплаченнаго, можетъ подлежать разсмотрѣнію въ уголовномъ порядкѣ не прежде, какъ по разсмотрѣніи дѣла судомъ гражданскимъ и по признаніи имъ дѣйствительности первой уплаты. (1868 г. № 946). 3) Прямое заявленіе въ обманномъ пріобрѣтеніи денегъ и невозвращеніе ихъ лицу потерпѣвшему, есть достаточный поводъ къ уголовному преслѣдованію, которое можетъ быть прекращено только въ томъ случаѣ, если обнаруженныя при разбирательствѣ обстоятельства укажутъ на необходимость предварительнаго разрѣшенія вопроса о правѣ собственности судомъ гражданскимъ (1868 г № 360.). 4) Уголовное преслѣдованіе не можетъ быть возбуждено прежде разрѣшенія вопроса о правѣ собственности на движимое имущество въ тѣхъ только случаяхъ, когда преступность дѣянія зависитъ отъ опредѣленія права собственности на тоже имущество, основаннаго на формальномъ актѣ, такъ какъ опредѣленіе означеннаго права должно быть произведено на основаніи тѣхъ формальностей и доказательствъ, которыя установлены закономъ

денія путемъ уголовнаго производства въ извѣстность, дѣйствительно-ли противузаконное дѣйствіе произошло и точно-ли виновнымъ въ этомъ дѣяніи представляется отвѣтчикъ (№ 1137—1873). Гражданскій искъ о платежѣ безчестія не можетъ быть предъявленъ въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, а долженъ быть предъявленъ и разсмотрѣнъ въ томъ порядкѣ, какой установленъ закономъ для разсмотрѣнія гражданскихъ исковъ вообще. На этомъ основаніи, заявившій требованіе объ *уголовной* отвѣтственности виновнаго въ нанесеніи оскорбленіе, не можетъ просить въ апелляціонной жалобѣ на постановленное по такому требованію рѣшеніе, о взысканіи съ нанесшаго оскорбленія *гражданскаго* удовлетворенія за безчестіе, а апелляціонная инстанція не можетъ разсматривать такого требованія (№ 1176—1873 г.). При прекращеніи судебнаго преслѣдованія вслѣдствіе причинъ, означенныхъ въ ст. 16 уст. уг. суд.*), начатый въ уголовномъ судѣ гражданской искъ о вознагражденіи за убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ, не прекращается, а разрѣ-

---

для удостовѣренія дѣйствительности гражданскихъ сдѣлокъ, а не на тѣхъ соображеніяхъ, которыми руководствуется судъ уголовный, обязанный разрѣшать вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго по внутреннему убѣжденію (1868 г. № 885). 5) Если преступное дѣяніе относится къ договору или обязательству, какъ причина къ слѣдствію, т. е. что договора или обязательства вовсе не существовало бы безъ того преступнаго дѣянія, которымъ была нарушена свобода произвола и согласія договаривающихся лицъ, то уголовное преслѣдованіе можетъ быть возбуждено непосредственно по жалобѣ потерпѣвшаго лица; впрочемъ, въ томъ случаѣ, когда подлогъ въ актѣ обнаружится лишь во время производства гражданскаго дѣла, въ дальнѣйшемъ направленіи этого дѣла надлежитъ слѣдовать порядку, установленному на этотъ именно случай въ 563—565 ст. уст. граж. суд (1868 г. № 770) 6) Если преступное дѣяніе по договору или обязательству составляетъ такое правонарушеніе, о которомъ можно судить съ основательностію только по разсмотрѣніи какихъ либо вопросовъ гражданскаго права, напримъ о дѣйствительности договора или объ установленныхъ имъ правахъ и обязанностяхъ, то уголовное преслѣдованіе не можетъ быть возбуждено до разрѣшенія гражданскимъ судомъ вопросовъ гражданскаго права, обусловливающихъ преступность дѣянія и виновность подсудимаго (тамъ же). 7) Если по уголовному дѣлу обвиняемый представитъ доказательство, что приписываемое ему дѣйствіе не имѣетъ преступнаго характера, какъ совершенное имъ по принадлежащему ему гражданскому праву, то уголовное преслѣдованіе должно быть прекращено впредь до разсмотрѣнія въ порядкѣ гражданскаго суда спора о гражданскомъ правѣ (тамъ же). 8) Когда уголовное обвиненіе зависитъ отъ разрѣшенія спора по договорамъ и обязательствамъ, имѣющимъ законную силу и при *словесномъ* ихъ заключеніи, т. е. по договорамъ и обязательствамъ, для доказательства которыхъ не требуется по закону письменнаго удостовѣренія,—разрѣшеніе гражданскаго спора, соединеннаго съ уголовнымъ обвиненіемъ, предоставляется суду уголовному (тамъ же).

*) Причины эти слѣдующія: смерть обвиняемаго, истеченіе срока давности, состоявшееся примиреніе между обвиняемымъ и частнымъ обвинителемъ и Высочайшій манифестъ.

шается тѣмъ же уголовнымъ судомъ (уст. уг. суд. ст. 17). Статья эта разъяснена уголовнымъ кассац. департаментомъ сената (№ 155—1868 г.) въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ прекращенія уголовнаго дѣла по одной изъ причинъ, указанныхъ въ 16 ст. угол. суд., уголовный судъ разрѣшаетъ сопряженный съ онымъ гражданскій искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки лишь тогда, когда поводъ къ прекращенію дѣла обнаружится во время разсмотрѣнія дѣла судомъ, рѣшающимъ его по существу, а не тогда, когда оно разсматривается въ судебной палатѣ, какъ въ обвинительной камерѣ, единственно по вопросу о преданіи суду, или о прекращеніи слѣдствія, или же когда оно находится у судебнаго слѣдователя.

ГРАЖДАНСКІЙ КАССАЦІОННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТЪ, см. Сенатъ.

ГРАЖДАНСКІЙ СУДЪ. Подъ этимъ терминомъ разумѣется тотъ правительственный органъ, который вѣдаетъ тяжбы, споры, недоразумѣнія и иски, вытекающіе изъ *гражданскихъ* правъ или сдѣлокъ. Терминъ «гражданскій судъ» выражаетъ понятіе рѣзко отличительное отъ термина «уголовный судъ», составляющій также правительственный органъ, только съ иною цѣлью и съ инымъ назначеніемъ. Цѣль *гражданскаго* суда—возстановлять нарушенное право, а цѣль *уголовнаго* суда—карать за нарушеніе права, если это нарушеніе проистекло изъ безнравственныхъ побужденій. Гражданскій судъ имѣетъ дѣло съ матеріальною стороною человѣческаго быта и, главнымъ образомъ, съ правами на имущества или на чужія дѣйствія, а судъ уголовный имѣетъ дѣло съ драгоцѣнными благами жизни, съ свободою, здоровьемъ и самою жизнію. Онъ защищаетъ своими приговорами предметы не *матеріальные*, а честь, репутацію, доброе имя, общественную нравственность и т. п. Въ уголовномъ судѣ важна не форма, а содержаніе, важенъ тотъ нравственный характеръ, которымъ сопровождалось дѣяніе. Онъ входитъ въ оцѣнку цѣлей и въ обсужденіе намѣреній; онъ судитъ не о дѣйствіяхъ, въ которыхъ выразилось *право*, а о дѣйствіяхъ, въ которыхъ выразилась *воля*, и если эта воля преступна, если она направлена на вредъ, на гибель ближняго, то онъ караетъ того, кто проявилъ эту преступную волю. Но не таковъ характеръ суда гражданскаго. Гражданскій судъ самъ ни о чемъ не заботится, ничего не отыскиваетъ и не разслѣдуетъ самъ, а холодно и безстрастно только выслушиваетъ состязаніе сторонъ и примѣняетъ къ нимъ тотъ или другой положительный законъ. Гражданскій судъ основанъ на формѣ, поэтому очень рѣдко заглядываетъ въ область нравственныхъ соображеній. Онъ стоитъ на почвѣ строгаго права и имѣетъ дѣло только съ правомъ, не замѣчая стоящаго сзади этого права человѣка. Этотъ судъ очень часто вынужденъ провозглашать рѣшенія въ пользу такихъ субъектовъ, которые дѣйствовали въ предѣлахъ права, но нравственная

сторона этихъ дѣйствій возмущаетъ чувство справедливости и человѣколюбія. Гражданскій судъ иногда долженъ прійти на помощь богатому кредитору противъ бѣднаго, загнаннаго судьбою должника, опутаннаго сѣтью строго-формальныхъ обязательствъ. Онъ вынужденъ выдать ростовщику исполнительный листъ противъ вдовы и сиротъ; долженъ отказать въ своей помощи должнику, хотя и честному, но неосмотрительному, довѣрчивому и неопытному. Наконецъ, уголовный судъ знаетъ милосердіе, снисхожденіе и можетъ иногда останавливать самый положительный за-, если примѣненіе его показывается суду слишкомъ строгимъ; въ иныхъ случаяхъ ему дозволено самому уменьшить степень наказанія, а въ иныхъ—онъ можетъ даже ходатайствовать передъ Верховной властью объ облегченіи участи преступника или даже о полномъ его помилованіи. Но ничего подобнаго нѣтъ въ гражданскомъ судѣ: онъ судитъ по фактамъ и строго примѣняетъ законъ; онъ не знаетъ ни милосердія, ни снисхожденія; онъ руководствуется положительнымъ закономъ и кто «въ своемъ правѣ», тотъ и выигриваетъ дѣло. хотя судья и глубоко убѣжденъ въ безнравственной подкладкѣ дѣла. Впрочемъ, и тотъ и другой судъ равно необходимы для общества, хотя цѣли и пріемы ихъ совершенно различны.

ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО, см. Судопроизводство.

ГРАМОТА. Въ древней Руси всякій письменный актъ назывался *грамотою*. Грамотами назывались, какъ царскіе указы, повелѣнія, письма отъ одного государя къ другому, такъ и акты судебные, завѣщательные, и разныя письменныя сдѣлки по имуществамъ и по личнымъ обязательствамъ. Грамотами назывались также и акты, данные отъ государя или правительства на права, преимущества или высшее званіе. Въ послѣднемъ значеніи терминъ «грамота» сохранился и въ современной русской юрид. терминологіи, какъ то: грамота на чинъ, на княжеское, графское и баронское достоинство, на званіе потомственнаго почетнаго гражданства и т. п. Содержаніе древнихъ грамотъ опредѣлялось тѣми прилагательными, которыя къ нимъ присоединялись. Такъ, напр. грамоты безсудныя, благословенныя, боярскія, взметныя, вѣрющія, губныя, докладныя, душевныя, жалобныя, жалованныя, задирательныя, земскія, исковыя, кабальныя, клятвенныя, крестоцѣловальныя, опасныя, посольскія, полныя, проклатыя, разметныя, складныя, ставленныя, судныя, уставныя, таможенныя, тарханныя, шертныя и т. п. Значеніе главнѣйшихъ грамотъ изложено въ этомъ «Лексиконѣ» въ алфавитномъ порядкѣ. Различные виды древне-русскихъ грамотъ представляютъ обширное поприще для научной обработки. Хотя разработка древне-русскихъ грамотъ еще до сихъ поръ составляетъ слабое мѣсто науки исторіи русскаго права, однакожъ, несправедливо будетъ сказать, чтобы нѣкоторые виды этихъ грамотъ остались внѣ круга изслѣдованій

въ области русской исторіи вообще и исторіи русскаго права въ частности. Наука исторіи русскаго права обладаетъ нѣсколькими изслѣдованіями научной обработки древне-русскихъ грамотъ, которыя представляютъ великій интересъ и драгоцѣнный матеріалъ для изученія исторіи древне-русскаго права*).

ГРАМОТА БЕЗСУДНАЯ. Эта грамота служила суррогатомъ заочнаго рѣшенія, признавая право за истцомъ безъ судебнаго производства; она давалась истцу въ случаѣ неявки къ суду отвѣтчика. Грамота эта называлась также «правой-безсудной» (см. Безсудная грамота).

ГРАМОТА БЛАГОСЛОВЕННЫЯ. Такъ называлось въ древней Руси письменное дозволеніе, даваемое архіереемъ на какое-либо духовное или церковное распоряженіе, также на сооруженіе и основаніе храма (Ак. Юр. 413).

ГРАМОТА БѢГЛАЯ. Такъ назывался въ древней Руси тотъ актъ, который выдавался хозяину бѣглаго холопа и содержавшій въ себѣ право схватить бѣглеца при первой встрѣчѣ *безъ пристава* (Акты Юр. № 17).

ГРАМОТА ВЗМЕТНАЯ, см. Взметныя грамоты.

ГРАМОТА ВѢРЮЩАЯ. Старинно-русское названіе довѣренности; отсюда происходитъ современный терминъ «вѣрющее письмо».

ГРАМОТА ГУБНАЯ—(происходитъ отъ старинно-русскаго слова «*губа*»—округъ. часть страны, уѣздъ или часть онаго) Названіе древне-русскаго устава о порядкѣ уголовнаго судопроизводства, образовавшагося въ продолженіи удѣльнаго періода. Уголовное судопроизводство развивалось въ древней Руси посредствомъ особыхъ законовъ, изложенныхъ въ особыхъ записяхъ или грамотахъ, подъ названіемъ *губныхъ*. Образецъ подобныхъ «грамотъ» или «записей» представляетъ «Московская

*) Главнѣйшія изслѣдованія, по разработкѣ древне-русскихъ грамотъ, слѣдующія: Митрополита *Евгенія*, „Замѣчанія объ уставныхъ и губныхъ грамотахъ“ (Вѣст. Европы 1813 г № 21 стр. 44); И *Васильева*, „Историческое обозрѣніе актовъ и судебныхъ бумагъ въ Россіи“ (Труды Мос. Общ. Ист. и древ. 1830 г.); *Саларева*, „Описаніе разнаго рода россійскихъ грамотъ“ (Вѣст. Европ. 1819 г. № 4, стр 272); *Ерлыкова*, „Сличенный текстъ губныхъ грамотъ“ (Чт Мос. Общ. Ист. и древ. 1846 г. кн. 2); *Киндякова*, „Опытъ ученой разработки купчихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ актахъ юридическихъ“ (Юрид. сбор. изд. Мейеромъ. Каз. 1855 г.); *Чичерина*, «Духовныя и договорныя грамоты великихъ удѣльныхъ князей» (Опыты по ист. русс. права, М. 1858); *Неволина*, «Межевыя грамоты» (Пол. соб т. VI); *Гарбунова* «Льготныя и жалованныя грамоты монастырямъ и церквамъ XIII—XV вв». (Арх. юрид. и практ. свѣдѣній Калачева, 1860—1861 г № 1 и 5), *Высоцкаго*, «Уставныя, судебныя и губныя грамоты, сохранившіяся изъ древняго періода Россіи до уложенія» (Сп. 1860). *Шалфеева*, «Объ уставной книгѣ разбойнаго приказа» (С.-П. 1868 г.); *Н. Заіоскина*, „Уставныя грамоты XIV—XVI вѣковъ, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго управленія“(Казань 1875 г.); Д. М. *Мейчика* «Грамоты XIV и XV вв. московскаго Архива министерства юстиціи» 1883 г. и т. п.

губная запись» 1486 года, которая называлась также и «уставной»*). Губныя записи или грамоты опредѣляли преимущественно порядокъ суда въ дѣлахъ по уголовнымъ преступленіямъ. Изъ московской губной грамоты видно, что производство въ дѣлахъ уголовныхъ опредѣлялось по извѣстнымъ округамъ, и разные города и волости, съ прилегающими къ нимъ селами и деревнями, относились къ одному округу. Округа подраздѣлялись на части для платежа *головщины*. Въ каждомъ округѣ судъ поручался особымъ лицамъ, которыя назывались «губными старостами». Они всегда избирались изъ дворянъ и обязанность ихъ была не только преслѣдовать совершеніе преступленія, но и предупреждать возможность самаго совершенія преступленія посредствомъ преслѣдованія, такъ называемыхъ, *лихихъ людей*. Такими людьми назывались тѣ, которые или прежде уже подвергались какимъ нибудь наказаніямъ за преступленія, или, которые, хотя и не были изобличены въ виновности, но, по образу своей жизни, не могли быть одобрены мѣстными жителями города, области, села или деревни. Въ это древнее время община имѣла весьма важное значеніе по отношенію къ каждому частному лицу. Если община не одобряла кого нибудь изъ принадлежавшихъ къ «лихимъ людямъ», то одного этого неодобренія, безъ всякихъ прямыхъ доказательствъ, было достаточно иногда для того, чтобы лихого человѣка по одному оговору подвергли самому тяжелому наказанію, иногда даже и смертной казни. Содержаніе «Московской губной грамоты» указываетъ, что судъ уголовный раздѣлялся на два вида: 1) съ поличнымъ и 2) безъ поличнаго, по одному только оговору или подозрѣнію. Эта «грамота» или «запись» упоминаетъ также о судебныхъ пошлинахъ по дѣламъ уголовнымъ и о пересудахъ, т. е. о случаяхъ пересмотра дѣлъ.

*) Кромѣ „Московской губной записи", въ древне-русскомъ законодательствѣ извѣстны еще слѣдующіе памятники этой категоріи:

1) «Губная Бѣлозерская грамота», 1539 г.

2) Каргопольская, изданная въ одинъ день съ Бѣлозерской и буквально сходная съ нею.

3) Солигалицкая—городскимъ и посадскимъ людямъ, 1540 г.

4) Селамъ Троицко-Сергіева монастыря, 1541 г. въ Тверскомъ, Новоторжскомъ и Старицкомъ уѣздахъ.

5) Селамъ тогоже монастыря въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, 1541 г.

6) Селамъ Кириллова монастыря въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, 1549 г

7) Бѣлозерская 2-ая, 1571 г.

8) Всѣмъ вотчинамъ Троицко-Сергіева монастыря, 1589 г.

9) Крестьянамъ Вещеозерской волости и Чаронской округи, 1614 г.

10) Въ Городецкъ въ Бѣжецкомъ-Верху, 1668 г.

11) Въ Арзамасскій уѣздъ, 1680.

См «Сличенный текстъ всѣхъ досель напечатанныхъ губныхъ грамотъ XVI и XVII вѣка». В Ермыкова, Москва, 1846 г.

Губныя грамоты предоставляли общинамъ, такъ называемое. *губное право*, т. е. право собственнаго, земскаго предупрежденія, розыска, преслѣдованія, суда и каранія всякаго рода разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ и выбора для этой цѣли земскихъ губныхъ старостъ и цѣловальниковъ. Въ предоставленіи этого права и заключается существенная, отличительная черта грамотъ «губныхъ» отъ грамотъ «уставныхъ». Какъ тѣ, такъ и другія имѣли задачею организацію мѣстнаго управленія, но первыя опредѣляли порядокъ мѣстнаго управленія вообще, а вторыя преслѣдовали болѣе ограниченныя цѣли, именно—организацію, или, вѣрнѣе сказать, переорганизацію лишь высшей уголовной юстиціи и полицію. Менѣе яснымъ представляется отличіе губныхъ грамотъ отъ тѣхъ уставныхъ грамотъ, которыя опредѣляютъ порядокъ мѣстнаго *самоуправленія*, такъ такъ послѣднія, замѣняя правительственное управленіе земскимъ,—передавали въ руки земщины и высшую уголовную юстицію, т. е. губное право. Но въ этой то замѣнѣ правительственнаго управленія земскимъ и лежитъ черта, разграничивающая оба вида грамотъ. Губныя грамоты, предоставляя земщинѣ право уголовной юстиціи и полицейской дѣятельности по отношенію къ предупрежденію и пресѣченію уголовныхъ преступленій, вовсе не отмѣняютъ этимъ правительственнаго управленія, а напротивъ, подчасъ опредѣляютъ даже отношенія выборныхъ властей къ обще-правительственнымъ и административнымъ. тогда какъ уставныя грамоты этого послѣдняго вида по всѣмъ дѣламъ окончательно замѣняютъ правительственныхъ управителей выборными (см. «Уставныя Грамоты XIV—XVI вѣка, Н. Загоскина», вып. 1, стр. 21).

Хотя уголовное судопроизводство, выработанное въ формѣ губныхъ грамотъ, въ видѣ системы судебныхъ дѣйствій, рѣзко отличается отъ прежняго порядка изслѣдованій преступленій, однакожъ, уголовный процессъ, установленный губными грамотами и пріобрѣвшій себѣ новыя формы, болѣе содѣйствовали къ обвиненію невинныхъ въ преступленіи, нежели къ изобличенію дѣйствительно виновнаго*). Уголовный процессъ, въ силу губныхъ грамотъ, основывался на такихъ фактахъ, которые не всегда изобличали дѣйствительно виновнаго. Къ числу наиболѣе значительныхъ недостатковъ уголовнаго производства губныхъ грамотъ нужно отнести *оговоры*, т. е примѣненіе наказанія къ лицу безъ всякаго доказательства въ его винѣ, по одному только подозрѣнію жителей одного съ нимъ города. Эта форма процесса получила названіе *розыска* (см. этотъ терминъ). Другой недостатокъ выражался въ

*) Мнѣніе профессора М. М Михайлова. См. его «Исторію русскаго права», лекція XXIV, С.-П. 1871 г. стр. 232—241.

томъ, что законодательство приняло въ число мѣръ отысканія истины и изслѣдованія доказательства виновности такія средства, которыя никакимъ образомъ не могли быть одобрены, даже обществомъ тогдашняго времени. Такъ, однимъ изъ главныхъ орудій для разузнанія сдѣлалась *пытка* и ея употребленіе составляло одинъ изъ самыхъ частыхъ пріемовъ при разслѣдованіи преступленій. Пытка начала употребляться въ Россіи съ XIV вѣка, а въ XV вѣкѣ она еще болѣе дѣлается распространенною. Право употребленія этого способа допроса принадлежало всѣмъ вообще судьямъ, не различая низшихъ и высшихъ. Законы сообщили цѣлую систему правилъ въ отношеніи этого рода доказательствъ. Такъ, если преступникъ на первой пыткѣ не давалъ требуемыхъ доказательствъ, то подвергался второй, затѣмъ третьей—въ дѣлахъ по разбою. Но болѣе трехъ разъ она не могла быть произведена надъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Другая особенность пытки заключалась въ томъ, что ей подвергалось одно лицо вмѣсто другаго. Такъ, напримѣръ, если нужно было подвергнуть пыткѣ кого-нибудь по подозрѣнію, а это лицо успѣло скрыться, то брали ближайшаго родственника и подвергали пыткѣ одного вмѣсто другаго для того, чтобы узнать гдѣ скрывалось лицо, которое собственно подлежало пыткѣ. Въ губныхъ грамотахъ установлены разныя наказанія за преступленія, но наказанія самыя ужасныя. Въ числѣ наказаній, первое мѣсто занимаетъ «смертная казнь», а за нею—«торговая казнь» посредствомъ кнута; затѣмъ лишеніе свободы, отобраніе имущества виновнаго въ пользу казны, различные денежные штрафы, ссылка преступниковъ въ отдаленныя мѣста и, наконецъ, изгнаніе изъ того города, или изъ той общины, гдѣ было совершено преступленіе. Кромѣ этихъ *прямыхъ* наказаній, губныя грамоты устанавливаютъ еще различныя *изувѣчивающія* наказанія, которыя приписываются вліянію монгольскаго владычества. Смертная казнь полагалась за разбой. Этому наказанію подлежали не только пойманные на мѣстѣ преступленія, но вообще и завѣдомые разбойники, т. е. тѣ, которые, хотя и не пойманы, но о которыхъ идетъ молва, что они были виновны въ душегубствѣ. Такихъ разбойниковъ нужно было прежде предать пыткѣ, а затѣмъ казнить смертью. Смертная казнь назначалась также и за *воровство*. Воровъ или татей слѣдовало казнить чрезъ повѣшеніе. Впрочемъ, воры или тати подвергались смертной казни только тогда, когда они были пойманы три раза въ совершеніи воровства, или если они совершали кражи вещей, принадлежавшихъ церкви, что имѣло значеніе особеннаго преступленія, именно—святотатство. Кромѣ того, смертной казни подвергали *поджигателей* и *крамольниковъ*, т. е. распускавшихъ какіе-нибудь тревожные слухи, возбуждавшіе безпорядки; *подметчиковъ*, т. е. тѣхъ, которые под-

метывали какія-либо письма возмутительнаго содержанія; *ябедниковъ* или *переметчиковъ*, т. е. измѣнниковъ государства, которые сообщили какія-либо свѣдѣнія непріятелю. Сначала казнить смертью могли и низшіе судьи, напр. волостель и др.; но впослѣдствіи въ этомъ отношеніи сдѣлана была перемѣна: смертную казнь могли назначать и исполнять только высшіе судьи-намѣстники. Въ какой формѣ совершалась смертная казнь, въ губныхъ грамотахъ точно не опредѣляется, но иногда говорится о повѣшеніи. «Торговая казнь» заключалась въ томъ, что преступника били кнутомъ на площади, или *торгу*. отчего и самое наказаніе получило названіе «*торговой*» казни. Она назначалась за обыкновенную татьбу, и если тать попадался два раза въ преступленіи, то, кромѣ битія кнутомъ, ему отсѣкали руку, а иногда съ этимъ соединялась и ссылка. Торговая казнь назначалась и за укрывательство *лихихъ людей*, что узнавалось по обыску. Послѣдствіемъ торговой казни было *клейменіе*. Клеймо было установлено какъ признакъ того, что человѣкъ *лихой*, т. е. что онъ былъ уже судимъ и подвергнутъ наказанію за какое-нибудь преступленіе. Эту мѣру наказанія также приписываютъ вліянію монгольскаго владычества. Лишеніе свободы состояло въ заключеніи преступниковъ въ тюрьмы и остроги, которые устраивались въ каждомъ судебномъ округѣ при губномъ старостѣ и при особенномъ присутственномъ мѣстѣ, которое называлось «*губною избою*»*), т. е. домъ, гдѣ производился судъ. Тюремное заключеніе иногда было пожизненное, а иногда—временное. Временному заключенію подвергались такіе преступники, о которыхъ судъ не могъ еще составить окончательнаго приговора. или такіе, преступленія которыхъ хотя и были обнаружены, но ихъ подозрѣвали въ совершеніи еще болѣе значительныхъ преступленій. Къ пожизненному же заключенію подвергали такихъ лицъ, противъ которыхъ были только *улики*, но не было настоящихъ *доказательствъ*. Иногда же подвергали пожизненному заключенію и такихъ лицъ, которыя не совершали никакой вины, но которыя не могли представить за себя поручителя въ томъ, что они люди благонадежные, люди хорошіе и не принадлежатъ къ разряду *лихихъ*.

Въ отношеніи *ссылки и изгнанія*, въ первыхъ губныхъ грамотахъ не было опредѣленнаго различія между этими двумя родами наказанія и лише-

*) Какъ губная изба, такъ и находившаяся при ней тюрьма содержались на счетъ сборовъ съ самихъ жителей. Сборъ этотъ располагался по *сохамъ*, какъ и всякій другой сборъ. Объ устройствѣ тюремъ долженъ былъ заботиться губный староста: онъ опредѣлялъ въ тюрьму сторожей и самъ наблюдалъ за ними. Старосты должны были смотрѣть, чтобы не разбѣгались преступники; но такъ какъ побѣги были весьма частыя явленія, то законъ опредѣлялъ, чтобы преступниковъ держать въ тюрьмахъ какъ можно короткое время и только до тѣхъ поръ, пока объ нихъ не состоялся приговоръ (**М. Михайлова** «Исторія русскаго права», стр. 235).

ніемъ свободы; но послѣдующія грамоты даютъ нѣкоторыя постановленія по поводу этихъ наказаній. Ссылка является не въ видѣ препровожденія преступника къ опредѣленному мѣсту жительства, а чаще всего въ видѣ изгнанія изъ области или города, и затѣмъ предоставлялось преступнику идти, такъ сказать, на всѣ четыре стороны. Такое наказаніе чаще употреблялось въ отношеніи ябедниковъ, ложныхъ доносителей и вообще тѣхъ, которые возмущали общественное спокойствіе. Къ числу наказаній, установленныхъ въ губныхъ грамотахъ, принадлежитъ и отобраніе имущества, которое состояло—или въ отобраніи въ казну *всего* имущества, или *нѣкоторой части*. Въ первомъ случаѣ это ни что иное, какъ современная конфискація имущества, а во второмъ—наложеніе различныхъ денежныхъ штрафовъ. Отобраніе всего имущества не встрѣчается какъ отдѣльное наказаніе, но какъ слѣдствіе другого наказанія или смертной казни. Въ послѣдствіи времени опредѣлено было, что при отобраніи имущества—часть изъ него поступала на оплату судебныхъ пошлинъ. Штрафы установлены подъ различными наименованіями. Они взыскивались по большей части за такіе проступки, какъ за неявку къ суду, за укрывательство людей, хотя и не лихихъ, но которыхъ судъ требовалъ. Иногда же денежные штрафы назначались за утайку краденой вещи, хотя бы лицо, у котораго вещь эта находилась, оказалось и не виновнымъ въ кражѣ. Если лица, на которыхъ падалъ денежный штрафъ, сами не были въ состояніи уплатить его, то они должны были представить за себя поручителя въ томъ, что они къ извѣстному сроку уплатятъ штрафъ. Если же этого нельзя было исполнить, то такое лицо подвергалось тюремному заключенію. Наконецъ, въ губныхъ грамотахъ встрѣчаются наказанія изувѣчивающія, какъ-то: отсѣченіе рукъ, ногъ, вырываніе ноздрей, четвертованіе и т. п. Долгое время эти истязанія удерживались въ нашемъ законодательствѣ: они встрѣчаются даже и во времена Петра Великаго и нѣсколько позже, которыя, впрочемъ, совершенно вышли изъ употребленія лишь въ новѣйшее время.

Губныя грамоты опредѣляютъ самый порядокъ разслѣдованія преступленія, которое производилось властью правительства, чрезъ посредство должностныхъ лицъ. Это разслѣдованіе носило названіе *розыска*. Въ разслѣдованіи принимали участіе и сами жители, которые, въ силу тѣхъ же грамотъ, обязаны были помогать должностнымъ лицамъ, какъ-то: губнымъ старостамъ, намѣстникамъ, доводчикамъ, тіунамъ и цѣловальникамъ въ отысканіи преступника и слѣдовъ совершеннаго преступленія. Главную роль въ уголовныхъ процессахъ играли «губные цѣловальники», т. е. выборные изъ самихъ жителей, которые цаловали крестъ на то, что они будутъ указывать на виновныхъ и не скроютъ вообще преступ-

ленія. Губныя грамоты подробно опредѣляютъ обязанности губныхъ цѣловальниковъ. Обязанности этихъ должностныхъ лицъ заключались въ розыскѣ и поимкѣ преступника и въ исполненіи надъ нимъ наказанія, по приговору суда. Они должны были присутствовать на судѣ губныхъ старостъ, исполнять ихъ порученія, стеречь преступника, собирать судебныя пошлины съ дѣлъ уголовныхъ, и вообще заботиться о предупрежденіи и искорененіи разбоевъ, въ чемъ всѣ прочія власти—намѣстники, тіуны, волостели и др. должны были имъ помогать. Въ числѣ должностныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ уголовныхъ процессахъ, въ губныхъ грамотахъ упоминаются также и *доводчики*. Эти должностныя лица были нѣчто въ родѣ нашихъ современныхъ судебныхъ слѣдователей, которые должны были привести въ извѣстность обстоятельства, сопровождавшія преступленіе и исполнять другія судебныя порученія.

Что же касается внѣшней формы уголовнаго процесса, т. е. самихъ средствъ изобличенія преступниковъ, то въ этомъ отношеніи губныя грамоты представляютъ слѣдующіе виды доказательствъ: пытка, повальный обыскъ, очная ставка, оговоръ, свидѣтельскія показанія, и собственное признаніе подсудимаго. Объясненіе каждаго вида этихъ доказательствъ дадимъ подъ эти термины; но тутъ считаемъ умѣстнымъ обратить вниманіе на то, что *собственное признаніе* подсудимаго, составляющее въ развитомъ и новѣйшемъ законодательствѣ самое лучшее, самое полное доказательство, губныя грамоты ставятъ какъ бы въ концѣ другихъ способовъ доказательствъ. Въ уголовномъ процессѣ временъ губныхъ грамотъ собственному признанію подсудимаго никогда не давали полной вѣры и если повѣрили, то не прежде, какъ подъ истязаніе пытокъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ уголовнаго судопроизводства, созданномъ губными грамотами. Въ прежнее время, обнаруженіе уголовнаго преступленія предоставлялось самой общинѣ, а дѣятельность правительства ограничивалась только взысканіемъ виры; но, съ изданіемъ губныхъ грамотъ, обнаруженіе преступленія не предоставлялось болѣе общинѣ, а сдѣлалось заботою самаго государства, заботою правительства. Община удержала только отчасти свое прежнее отношеніе къ дѣламъ уголовнымъ, именно, вмѣсто прежней полной отвѣтственности на нее легли обязанности разслѣдованія какого-либо преступленія. Лишь впослѣдствіи времени, города, села и волости получили право избирать изъ среды своей уголовныхъ судей, которые судили преступниковъ вмѣстѣ съ судьями правительственными.

ГРАМОТА ДОКЛАДНАЯ. Юридическій терминъ древне-русскаго крѣпостнаго права, означавшій актъ, посредствомъ котораго совершилось закрѣпленіе. Докладная грамота требовалась непремѣнно въ двухъ слу-

чаяхъ: 1) для обращенія сельскаго ключника въ холопа, и 2) для обращенія тіуна въ холопа («Судебникъ» 1550 г. ст. 76).

ГРАМОТЫ ДУХОВНЫЯ или ДУШЕВНЫЯ. Подъ этимъ терминомъ извѣстны были въ древне-русскомъ быту духовныя завѣщанія. Древнія духовныя грамоты содержали въ себѣ не столько распоряженія умирающаго по имуществу, сколько изложенія своихъ *душевныхъ* желаній, вслѣдствіе чего такіе акты и получили названіе «душевныхъ или духовныхъ» грамотъ. Грамоты этого рода содержали въ себѣ массу отдѣльныхъ распоряженій, отдѣльныхъ приказовъ, которыми завѣщатель обременялъ наслѣдство. Многія изъ грамотъ князей и частныхъ лицъ стараго времени заключаютъ въ себѣ самые щедрые акты милосердія, которые должны были быть исполнены по смерти завѣщателя. Въ нихъ, кромѣ легатовъ церкви, видны еще многочисленныя монумиссіи, которыя, по отношенію къ нѣкоторымъ видамъ несвободныхъ людей (довѣренные слуги, казначеи, тіуны, дьяки), обращались почти въ постоянное правило. Далѣе, въ духовныхъ грамотахъ содержалось очень часто отпущеніе долговъ всякаго рода страднымъ людямъ или страдникамъ, (рабочему классу), половникамъ. и крестьянамъ-серебренникамъ (Рум. Собр. 1, № 83). Иногда въ духовныхъ грамотахъ выражалось желаніе завѣщателя не только дать волю своимъ крѣпостнымъ, но и оставить въ ихъ собственность все господское имущество. Такъ, въ одной духовной грамотѣ завѣщатель выражается: «приказываю людци свои на свободу всѣхъ отпустити.... что въ деревни животинки, то имъ подѣлити» (Акты Юрид. № 419). Иногда щедрости завѣщателей, выраженныя въ духовныхъ грамотахъ, шли даже очень далеко. Такъ, въ одной грамотѣ завѣщатель отказалъ чужому человѣку свое сельцо-куплю, по тому только, что то сельцо «вотчина ихъ старинная» (тамъ-же № 421).

Причины такихъ явленій, которыя всякій можетъ наблюдать въ старыхъ *духовныхъ грамотахъ*, весьма подробно и основательно объяснены изслѣдователемъ исторіи русскаго права, Н. Дювернуа, (см. «Источники права», Москва 1869 г. стр.420—253).

Въ отношеніи составленія духовныхъ грамотъ, ни Договоры, ни Русская Правда не упоминаютъ никакихъ подробностей, какимъ образомъ они должны быть составлены. Первыя постановленія нашего законодательства о «духовныхъ» появились въ судныхъ грамотахъ: псковской и новгородской. На основаніи Псковской судной грамоты владѣлецъ имущества могъ оставить послѣ себя *духовную*, которою онъ воленъ былъ назначить доли своего имущества, кому онъ хотѣлъ. Наслѣдниками, въ силу духовной грамоты, могли быть и такія лица, которыхъ безъ духовной законъ отстранялъ отъ наслѣдства. Въ духовной грамотѣ должны быть назначены душеприкащики, т. е. исполнители воли умершаго и прописаны всѣ долги

завѣщателя другимъ и долги другихъ ему. Относительно порядка совершенія духовныхъ, въ Псковской судной грамотѣ постановлено, что всякая духовная должна быть составлена при священникѣ и посторонникъ свидѣтеляхъ, а затѣмъ утверждена и скрѣплена печатью священника и свидѣтелей. Копія съ духовной грамоты должна быть отдана на храненіе въ церьковь Св. Троицы*). Болѣе подробныя постановленія о духовныхъ находятся въ Новгородской судной грамотѣ, которыя заимствованы изъ византійскаго закона. Постановленія эти заключаются въ слѣдующемъ: духовная грамота должна начинаться исповѣданіемъ вѣры завѣщателя Онъ долженъ упомянуть, что онъ христіанинъ. Затѣмъ, въ грамотѣ должны быть помѣщены непремѣнно распоряженія объ освобожденіи нѣкоторыхъ рабовъ, именно тѣхъ, которые исполняли ближайшую службу у завѣщателя, распоряженія о выдачѣ части имущества бѣднымъ, о назначеніи части имущества духовенству и церкви. Далѣе, духовная должно полагать назначеніе различныхъ частей имущества женѣ, дѣтямъ, а если дѣти оставались въ малолѣтнемъ возрастѣ, то завѣщатель долженъ назначить къ нимъ опекуновъ; при томъ говорится, что завѣщатель не можетъ оставить женѣ болѣе половины своего имѣнія. Кромѣ того требовалось, чтобы духовная грамота совершалась и была написана при свидѣтеляхъ, которыхъ должно быть не менѣе 7; чтобы свидѣтели были лица, заслуживающія довѣрія и притомъ непремѣнно изъ свободныхъ лицъ. Самъ завѣщатель при составленіи духовной грамоты долженъ былъ быть въ здравомъ умѣ и твердой памяти и обязанъ былъ назначить распорядителей, которые, послѣ его смерти, обязаны были исполнить его волю. Такимъ образомъ, правила о духовныхъ грамотахъ, постановленныхъ въ судномъ законѣ, по своей точности и опредѣлительности, по своему чисто-юридическому развитію. указываютъ, что они принадлежатъ къ такому законодательству, которое имѣло свое вѣковое развитіе. О дальнѣйшемъ развитіи постановленій нашего законодательства о духовныхъ, см. Завѣщаніе.

ГРАМОТА ЖАЛОВАННАЯ. Подъ этимъ терминомъ въ древней Россіи подразумѣвался всякій актъ, предоставлявшій церквамъ, монасты-

*) Отдача копіи духовныхъ грамотъ на храненіе въ церьковь св. Троицы въ Псковѣ имѣла характеръ современнаго нотаріальнаго засвидѣтельствованія. При церкви св. Троицы въ Псковѣ было особое помѣщеніе, которое именовалось *ларемъ* Въ этомъ *ларѣ* должны были храниться всѣ написанныя при церкви условія, носившія названіе *рядницъ*. Если рядница находилась въ ларѣ церкви св. Троицы, то это служило доказательствомъ, что договоръ былъ дѣйствительно заключенъ правильнымъ порядкомъ. На основаніи этого обычая и копіи духовныхъ грамотъ, для ихъ достовѣрности и безспорности, должны были быть отданы въ церковь св. Троицы для храненія въ общемъ *ларѣ*.

рямъ и различнымъ корпораціямъ, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ извѣстныя льготы, привилегіи и преимущества, какъ напр.: освобожденіе отъ платежа различныхъ сборовъ и повинностей, предоставленіе пользованія землями и угодьями, право собственнаго суда въ дѣлахъ всякаго рода, кромѣ важныхъ уголовныхъ и т. п. Существенная черта грамотъ этого рода заключается въ предоставленіи ими извѣстнымъ учрежденіямъ или лицамъ правъ *исключительныхъ*, которыя. въ нормальномъ теченіи жизни, не были бы имъ присущи. Они получали эти права не въ силу принадлежности своей къ государственному союзу, но въ силу сепаратнаго *пожалованія*, въ силу благодѣнія, милости со стороны государя. Съ этой-то стороны и представляется одно изъ отличій *жалованныхъ* грамотъ отъ грамотъ *уставныхъ* (см. этотъ терминъ). Другое отличіе между этими двумя видами грамотъ заключается въ томъ, что «жалованныя грамоты», даже въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣляютъ нѣкоторыя стороны юридической жизни извѣстной волости или общины, и тогда различаются отъ «грамотъ уставныхъ *государственныхъ*»*) тѣмъ, что онѣ опредѣляютъ ихъ только по отношеніямъ къ мѣстностямъ, не состоящимъ подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ государственной власти, а принадлежащимъ учрежденіямъ и лицамъ, которымъ они выдѣлили часть своихъ правъ, и эти опредѣленія всегда носятъ характеръ привилегій, исключеній изъ общихъ правилъ; но уставныя грамоты *государственныя* всегда опредѣляютъ отношенія юридической жизни земель, волостей и общинъ, непосредственныхъ государственной власти, слѣдовательно —земель, волостей и общинъ черныхъ или дворцовыхъ**) (См. «Уставныя грамоты XIV—XVI вв.» Н. Загоскина, вып. 1, стр. 19—20).

Въ XIV и XV стол. въ формѣ *жалованныхъ грамотъ*, по большей части, выражалось право служилыхъ классовъ на земли, образовавшееся подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ княжеской службы и власти княжеской. Характеръ поземельнаго владѣнія, основаннаго на жалованныхъ грамотахъ, былъ совершенно своеобразный. Жалованными грамотами отъ имени князя прямо утверждались и опредѣлялись вотчинныя права владѣльца. Инвеститура, связанная съ этими грамотами, имѣла несравненно бо-

*) Существуютъ два рода уставныхъ грамотъ. *государственныя* и *каноническія* см Грамоты уставные

**) Для примѣра укажемъ на нѣкоторыя жалованныя грамоты, принадлежащія къ древней эпохѣ исторіи русскаго государственнаго права. Древнѣйшая жалованная грамота дана была В. К. Іоанномъ Даниловичемъ Сокольникамъ, въ періодѣ 1328—1340 г». Этою грамотою Великій Князь освобождаетъ печерскихъ сокольниковъ отъ нѣкоторой дани и запрещаетъ ихъ тягать къ старостѣ „*не надобъ имъ никоторая дань, ни ко старостѣ имъ не тянути*“. ... (Акты Арх. Эксп. 1 № 3). «Жалованная грамота Кашинскаго В. К Василія Михайловича и удѣльныхъ тверскихъ князей, людямъ

лѣе государственный, чѣмъ гражданскій характеръ; но каждый вотчинникъ домогался такой инвеституры именно потому, что она давала ему многочисленныя льготы и преимущества; слѣдовательно, для него самого выгодно было поставить свое вотчинное владѣніе въ бо́льшую зависимость отъ великаго князя. Служилый, снабженный жалованною грамотою, съ одной стороны являлся среди своего владѣнія самостоятельнымъ хозяиномъ, какъ бы политическимъ владыкою, и право его было твердо; но, съ другой стороны, у этого права не было самостоятельности, оно принадлежало вотчинному на столько, на сколько онъ служилый человѣкъ и подручникъ княжескій. Таковъ характеръ древне-русскаго поземельнаго владѣнія служилыхъ людей, основаннаго на *жалованныхъ грамотахъ*. (См. «Курсъ гражданскаго права», К. Побѣдоносцева, т. I, ч. 1, стр. 85).

Въ послѣдней четверти XVII столѣтія начинается цѣлый рядъ *жалованныхъ грамотъ*, которыми русскіе государи утверждали за слободскими жителями*) разныя льготы и привилегіи. Въ томъ числѣ грамотою 1682 года указано слободскимъ полкамъ «пашенныя земли пахать и всякими угодьями владѣть промежъ собою по раздѣлу по ихъ черкасской обычности». Къ числу такихъ «обычностей», перенесенныхъ, вѣроятно, изъ ихъ первоначальной родины, принадлежалъ обычай *занимать* пус-

---

тверскаго Отрочя Монастыря до 1365 г». Въ этой грамотѣ, даруя монастырю и всѣмъ его обывателямъ большія льготы, сказано: *«не надобѣ имъ никоторая дань, ни лмг, ни подвода, ни тамга, ни осмьничее, ни сторожевое, ни писчее, ни медовое, ни иныя которыи пошлины къ городу, ни къ волости, ни служба, ни дѣло княже, ни дворьскіи, ни старосты ать ихъ не займають ни прочто. Такоже и намѣстники наши и волостели ать не въѣздять и не судять тѣхъ людей и не всылають къ нимъ ни почто; и данници наши, и ямщици и писцы, и пошлинники, кто нибуди, ать не въѣздять, ни всылають къ монастырскимъ людемъ ни почто»*. (Тамже № 5). „Жалованная грамота В. К. Димитрія Ив. Новоторжцу Евсевку до 1374 г". (Доп. къ Ак. Ист. 1 № 8). „Жалованная грамота нижегородскаго В К. Бориса Спасскому и Благовѣщенскому монастырю 1393 г". (Ак. Арх. Эксп. 1 №12). „Жалованная грамота ярославскаго князя Ѳедора Толгскому монастырю, около 1400 г". (Тамъ же № 15). „Жалованная грамота рязанскаго В К. Олега Ивановича Солотчинскому монастырю 1402 г". (Ак. Ист. 1 № 14). „Жалованная грамота кн. Юрія Саввo-старожевскому монастырю 1404 г" (Тамъ же № 15) Жалованная грамота Троиц.-Сергіеву Монас на рыбную и бобровую ловлю 1423 г. (Ак. Юрид. б. 1 № 41) и мн. др. Иногда грамоты этого рода названы были и льготными. Такъ, грамота Троица Сергіеву монастырю на соляныя варницы 1432—1443 г. названа «Жалованною льготною». (Ак. Юрид. б. 1 стр 91—92). и м. др.

*) Подъ „слободскими жителями" разумѣются пришельцы малороссійскаго происхожденія, которые, по поводу польскаго гоненія за вѣру, вышли въ 1646 г. изъ-за Днѣпра и поселились въ полуденномъ краѣ Россіи, сначала по чертѣ устроенной царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ отъ Ворскы до Дона, потомъ мало по малу распространились по Сулѣ, Псёлу, Харькову, Донцу и др. Изъ нихъ были устроены слободы, сдѣлав-

тыя земли для разработки и владѣнія. Такимъ образомъ, въ слободскомъ краю *заимка* сдѣлалась главнымъ способомъ пріобрѣтенія собственности, и уже впослѣдствіи, въ XVIII столѣтіи, при уменьшеніи земель, явились производные способы пріобрѣтенія посредствомъ покупки у первоначальныхъ *заимщиковъ* или преемниковъ ихъ (см. Заимка).

Въ исторіи Россіи знаменита *жалованная грамота*, данная императрицею Екатериною II россійскому дворянству, въ 1785 году. Въ этой грамотѣ обозначены всѣ права и преимущества, дарованныя этому сословію и опредѣлены его обязанности. Дворянская жалованная грамота, по упраздненіи крѣпостнаго права и послѣ освобожденія всѣхъ другихъ сословій отъ тѣлеснаго наказанія, утратила, впрочемъ, значительную часть своего первоначальнаго значенія. Подробное содержаніе этой грамоты, см. Дворянство.

ГРАМОТА ЗАЗЫВНАЯ. Юридическій терминъ, старинно-русскаго судопроизводства, означавшій судебный вызовъ или указъ, данный судебнымъ мѣстомъ истцу о призывѣ въ судъ отвѣтчика . Зазывная грамота давалась отъ имени государя, поэтому она и выдавалась въ формѣ указа (Акты юрид. 98).

ГРАМОТА ЗЕМСКАЯ. Подъ этимъ именемъ извѣстны уставныя земскія грамоты литовскаго государства. Земскія литовскія грамоты, имѣющія такой высокій интересъ по своему содержанію, принадлежатъ къ тому же типу законодательныхъ памятниковъ, къ которому относятся и уставныя грамоты намѣстничьяго управленія въ московскомъ государствѣ, но несравненно бѣднѣйшія по содержанію. Это частные законы—привилегіи, но привилегіи, даруемыя частямъ государства—территоріямъ, а не лицамъ или группамъ лицъ. Поэтому, въ нихъ не содержится льготъ для какихъ-либо лицъ въ ущербъ другихъ. Ими опредѣляется лишь отношеніе провинцій къ государству. Существенное отличіе земскихъ грамотъ есть ихъ *всесословность*. Хотя и шляхта и мѣщане еще до «Земскихъ Грамотъ» имѣли уже свои сословныя привилегіи, но въ цѣломъ всѣ свободные жители провинціи составляли одну Землю, имѣвшую общія, такъ сказать, конституціонныя права. Права, изображенныя въ «Земскихъ Грамотахъ», основаны на личной милости и волѣ великихъ князей (см. Владимірскаго-Буданова, «Христоматія по исторіи русскаго права», вып. II, стр. 46 и 47).

шіяся впослѣдствіи полковыми городами: первые переселенцы вышли изъ Черкасскаго повѣта и оттого всѣ слободскіе жители получили общее названіе „Черкасъ“. Русское правительство старалось привлечь ихъ къ себѣ и воспользоваться ихъ военнымъ устройствомъ для защиты границъ. Въ 1654 году харьковскій полкъ—центръ мѣстнаго управленія,—принятъ былъ подъ скипетръ Россіи и вскорѣ поступилъ въ вѣдѣніе „Посольскаго приказа“, и на ряду съ нимъ образовался другой полкъ—изюмскій. (К. Побѣдоносцевъ, „Курсъ граж. права“, т. 1, ч. 1, стр. 302).

ГРАМОТА КАБАЛЬНАЯ. Такъ называлось въ древне-русской юридической терминологіи всякое письменное обязательство, какъ личное, такъ и по имуществу. Происхожденіе кабальной грамоты могло быть троякое: или вслѣдствіе займа денегъ, основаннаго на *личномъ* довѣріи, или по займу, обезпеченному *залогомъ* недвижимаго или *закладомъ* движимаго имущества, или, наконецъ, вслѣдствіе *личнаго найма*, срочнаго или безсрочнаго. Поэтому, кабальныя грамоты или кабальныя записи носили троякое названіе: *заемныхъ*, *закладныхъ* и *служилыхъ* (улож. царя Ал. Михайл. гл. X, ст. 196 и гл. XX ст. 78). Всякое законное, судебною формою совершенное, укрѣпленіе кого-либо за собою, для домашней-ли прислуги или вообще для работы, всякое обращеніе кого-либо въ дворового человѣка, называлось *кабальною грамотою* (см. Кабала).

ГРАМОТА КЛЯТВЕННАЯ. Старинно-русское названіе письменнаго акта, въ коемъ выражалось какое-либо *клятвенное* обѣщаніе. Такія грамоты были въ обыкновеніи между князьями, при ихъ рядахъ. Клятвенныя грамоты назывались также и *крестоцѣловальными*, такъ какъ всякое клятвенное обѣщаніе сопровождалось *крестнымъ цѣлованіемъ*.

ГРАМОТА КРЕСТОЦѢЛОВАЛЬНАЯ, см. Грамота клятвенная.

ГРАМОТА ЛЬГОТНАЯ. Такъ назывались въ древней Руси грамоты, которыми предоставлялись частнымъ лицамъ или цѣлымъ, общинамъ, льготы въ платежѣ податей или въ отправленіи натуральныхъ повинностей. О «льготныхъ грамотахъ» упоминается въ 43 ст. «Судебника» 1550 года г., которая устанавливаетъ, чтобы таковыя грамоты выдавать съ *красною* печатью, и чтобы отъ каждой грамоты взимать плату въ пользу печатника отъ печати и въ пользу дьяка отъ подписи; но какъ великъ былъ размѣръ этой платы—изъ упомянутой статьи не видно. По свидѣтельству Татищева «льготныя грамоты имѣютъ у насъ только 3 или 4 села, которыя отъ царя Михаила Ѳедоровича получили и всѣ государи по немъ, при вступленіи, оныя подписываютъ и содержатъ ненарушимо». Проф. Владимірскій-Будановъ*) замѣчаетъ, что Татищевъ разумѣетъ здѣсь «обѣленныя общины» (см. Бѣлый).

ГРАМОТА НЕСУДИМАЯ. Такъ называлась въ древней Руси грамота, освобождавшая отъ подсудности или всѣмъ вообще, или только нѣкоторымъ судьямъ (см. Опытъ указателя-словаря къ сведенному тексту уставныхъ грамотъ, Н. Загоскина, слово «грамота»). Несудимыя грамоты давались по большей части духовенству на право избавленія отъ свѣтскаго суда. Хотя выдача подобныхъ грамотъ запрещена была Стоглавомъ и имъ уничтожена (гл. 67), однакожъ, это постановленіе не всегда было исполнено въ точности, даже послѣ уничтоженія права выдачи.

*) „Христ. по русск. исторіи", вып. II стр. 138.

ГРАМОТА ОПАСНАЯ. Такъ назывался въ древне-русской терминологіи письменный актъ, который выдавался иностраннымъ посламъ и содержавшій въ себѣ дозволеніе на свободный въѣздъ въ русскіе предѣлы.

ГРАМОТА ОТКАЗНАЯ. Юридическій терминъ древне-русскаго вотчиннаго права, означавшій судебный актъ, имѣвшій тождественное значеніе съ нынѣшнимъ нашимъ исполнительнымъ листомъ о вводѣ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ. Въ старинной системѣ вотчиннаго укрѣпленія за *записки* слѣдовала вотчинная *инвеституpа*, или, такъ называемый «вотчинный *отказъ*». Система отказа, довольно сложная, направлена была къ тому, чтобы огласить пріобрѣтеніе собственности на мѣстѣ, а отчасти и къ тому, «чтобы пошлины государевы сколько можно болѣе прибывали». Пріобрѣтатель имѣнія, послѣ *справки*, обращался въ «Приказъ» съ новою челобитной, слѣдующаго содержанія: «вотчина де записана въ книги, но не дано на нее *отказной грамоты*». Поэтому челобитью вновь дѣлалась въ Приказѣ справка о прежнемъ производствѣ посылалась къ мѣстному воеводѣ *отказная грамота*, съ предписаніемъ: «послать на мѣсто кого пригоже и, велѣвъ ему взять съ собою тутошнихъ и сторонніхъ людей, старостъ и цѣловальниковъ и крестьянъ, велѣть переписать въ той вотчинѣ дворы и въ дворахъ людей по именамъ и мѣста дворовыя и пашню и лѣсъ и всякія угодья, и все то написать въ книги и прислать въ Приказъ, а списокъ оставить въ приказной избѣ впредь для вѣдома и спору». Таково значеніе древне-русской отказной грамоты (см. «Курсъ граж. права», К. Побѣдоносцева, т. I ч. 1. стр. 215.

ГРАМОТА ОТПУСТНАЯ. Въ «Судебникѣ» В. К. Іоанна Васильевича (ст. 18), этимъ терминомъ называются *грамоты*, которыми холопамъ и рабамъ давалась воля. Отпустныя грамоты имѣли силу только тогда, когда онѣ или были явлены у судебной власти или написаны собственною рукою отпускавшаго господина. При чемъ, нужно замѣтить, что не всѣ провинціальныя власти имѣли право укрѣплять грамоты этого рода. Это видно изъ 20 ст. «Судебника» 1497 г. Въ «Судебникѣ» же 1550 г., вмѣсто прежняго термина «*отпустной* грамоты», употребляется терминъ: «*отпускная* грамота» (ст. 77). Согласно этой статьѣ *отпускныя* давались съ боярскаго доклада и за ихъ печатями и за подписью дьяка. Отпускныя давались въ Москвѣ—боярами, да дьяками, а въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ—намѣстниками, да дьяками. Пошлина отъ *отпускныхъ* взималась въ слѣдующемъ размѣрѣ: боярину или намѣстнику отъ печати съ головы по девяти денегъ, а діаку отъ подписи съ головы по алтыну, а подъячему, который отпускную напишетъ,—съ головы по три деньги. Кромѣ Москвы, Великаго Новгорода и Пскова, нигдѣ и ни въ какихъ городахъ *отпускныя* не выдавались. «А кто положитъ отпускную безъ бояр-

скаго докладу, и безъ новгородскихъ и псковскихъ намѣстниковъ докладу и безъ дьячее подписи, хотя и государя своею руку, *и та отпускная не въ отпускную* (Судебникъ 1550 г. ст. 77).

ГРАМОТА ПОЛНАЯ. Юридическій терминъ древне-русскаго вотчиннаго права, имѣвшій тождественное значеніе съ терминомъ «купчая крѣпость».

ГРАМОТА ПОЛѢТНАЯ. Древне-русскій юридическій терминъ, означавшій нѣчто въ родѣ открытаго листа, даваемаго лицу, потерпѣвшему отъ уголовнаго преступленія «въ разбойномъ дѣлѣ», для отысканія преступника (см. «Судебникъ» 1550 г. ст. 90). Полѣтныя грамоты выдавались дьякомъ за царской печатью. О полѣтной грамотѣ упоминается и въ 43 ст. «Судебника» 1497 г «А велить государь кому какову грамоту дати, льготную, или уставную или *полѣтную*, съ красною печатью....» По объясненію Татищева «полѣтная грамота», о которой говорится въ приведенной 43 статьѣ, имѣетъ значеніе увольненія холопа на урочные годы или освобожденія кого-либо отъ платежа долговъ на нѣсколько лѣтъ, такъ какъ разсрочка въ платежѣ долговъ каждый разъ являлась законодательнымъ актомъ*).

ГРАМОТА ПОСЛУШНАЯ. Юридическій терминъ древне-русскаго вотчиннаго права. Въ старинной системѣ вотчиннаго укрѣпленія имѣли мѣсто слѣдующія юридическія дѣйствія: справка, вотчинная записка, вотчинная инвеститура, или, такъ называемый, *отказъ*, съ выдачею «отказной грамоты» (см. этотъ терминъ) и, наконецъ, присылка на мѣсто «вводной послушной грамоты». Цѣль этой грамоты была—приведеніе въ послушаніе крестьянъ вновь пріобрѣтенной вотчины. «Послушныя грамоты» выдавались изъ Помѣстнаго Приказа вслѣдствіе челобитья пріобрѣтателя о присылкѣ на мѣсто предписанія о томъ, чтобы крестьяне его *слушали*. Очень часто предписаніе крестьянамъ о послушаніи соединялось съ *отказомъ*, вслѣдствіе чего число *отказныхъ* грамотъ было гораздо больше, чѣмъ число *послушныхъ*. Съ послушныхъ грамотъ, равно какъ и съ отказныхъ, взималась въ Помѣстномъ Приказѣ пошлина по числу четвертей земли. Порядокъ выдачи «послушныхъ грамотъ», хотя и не былъ отмѣненъ законами Петра и его преемниковъ. однако, уже въ теченіи XVIII столѣтія онъ мало по малу началъ выходить изъ употребленія вмѣстѣ съ вотчинною запискою (см. К. Побѣдоносцева, «Курсъ гражд. права», т. I, ч. 1 стр. 215).

ГРАМОТА ПРАВАЯ. Юридическій терминъ древне-русскаго судопроизводства, означавшій: приговоръ, состоявшійся по судебному рѣшенію,

*) См. «Христ. по ист. рус. права», Владимірскаго-Буданова, ч. II, стр. 138 и 139, прим.

въ противоположность «безсудной»—приговору безъ суда. Съ «правой грамоты» взималась пошлина: отъ печати по 9 денегъ съ рубля, дьяку отъ подписи—по алтыну съ рубля, а подъячему—который грамоту писалъ—по 3 деньги съ рубля («Судебникъ» 1497 г. ст. 15). То обстоятельство, что пошлина бралась и отъ рѣшенія дѣла (тамъ-же ст. 3) и отъ «правой грамоты», указываетъ, что выдача «правой грамоты», какъ вообще письменный приговоръ суда, вовсе не считалась въ старину обыкновенною принадлежностью судопроизводства, а наступала только по особой просьбѣ стороны, для предотвращенія легкой возможности вновь начать дѣло о томъ же (см. Владимірскаго-Буданова, «Христ. по ист. русск. права», ч. II, стр. 87).

ГРАМОТА ПРОКЛЯТАЯ. Такъ назывались въ древней удѣльной Руси грамоты, которыя удѣльныя князья выдавали на себя, въ случаѣ неисполненія обѣщанія.

ГРАМОТА РАЗМЕТНАЯ, см. Взметныя грамоты.

ГРАМОТА РАЗЪѢЗДНАЯ. Этимъ терминомъ назывался въ древней Россіи межевой актъ.

ГРАМОТА СРОЧНАЯ. Юридическій терминъ древне-русскаго судопроизводства. Значеніе этой грамоты объясняется различно. По объясненію Ѳ. М. Дмитріева, «Срочная Грамота» была актомъ, обращеннымъ къ лицу отвѣтчика о времени явки его въ судъ. Онъ утверждаетъ, что «Срочная Грамота» существенно отличалась отъ «Приставной памяти» тѣмъ, что послѣдняя была предписаніемъ приставу*). Профессоръ Владимірскій-Будановъ**) находитъ такое опредѣленіе срочныхъ грамотъ не вполнѣ вѣрнымъ. По его предположенію, «*Срочныя* Грамоты» давались обоимъ «истцамъ» или, правильнѣе, оба «истца» условливались о срокѣ явки въ судъ, и это условіе ихъ скрѣплялось дьякомъ. Почти такое же объясненіе даетъ и Н. Л. Дювернуа: «Въ дѣлѣ гражданскомъ тотъ актъ, которымъ опредѣляется отношеніе сторонъ передъ процессомъ, совершаемый при участіи оффиціальнаго лица, пристава,—это *срочная*, ибо два лица «среклись» придти къ судьѣ. («Источники права», стр. 379). Въ объясненіи Дювернуа, по замѣчанію Владимірскаго-Буданова, сомнительно только словопроизводство «срочной» отъ «среклись». Древне-русское судопроизводство знало еще и другой родъ «Срочной Грамоты», подъ названіемъ «Отписной срочной грамоты». Это было письменное удостовѣреніе объ измѣненіи судебнаго срока по просьбѣ обѣихъ или одной стороны. Постановленія о «Срочныхъ грамотахъ» вообще содержатся въ «Судебникѣ» 1550 г. въ ст. 41, и въ

*) „Исторія суд. институт". стр. 198.

**) „Христ. по ист. русскаго права", ч II, стр. 90.

судебникѣ 1497 г. въ ст. 26 и 27. Какъ съ грамотъ «Срочныхъ», такъ и съ грамотъ «Отписныхъ срочныхъ», взималась особая пошлина, размѣръ которой былъ не одинаковъ. Отъ «Срочныхъ» взималось въ пользу дьяка отъ подписи по 2 деньги, а отъ «Отписныхъ срочныхъ»—отъ подписи съ рубля по 3 деньги; въ пользу же подъячаго, какъ съ тѣхъ, такъ и съ другихъ, взималось отъ письма—по 2 деньги съ рубля. Если истецъ и отвѣтчикъ вмѣстѣ хотѣли *отписать срокъ*, то они должны были оба платить отъ отписи и отъ письма пополамъ и сверхъ того недѣльщику *хоженое* (см. этотъ терминъ). Когда истецъ или отвѣтчикъ не явился въ срокъ, *а послалъ сроки отписывать*, то тотъ обязанъ былъ самъ платить за обоихъ, какъ пошлину, такъ и хоженое. *А срочные дьякомъ держать у себя за своею печатью* («Судебникъ» 1497 г. ст. 26, «Судебникъ» 1550 г. ст. 41).

ГРАМОТЫ СУДНЫЯ. Такъ назывались въ древней Россіи уставы о производствѣ суда и расправы. Существенная черта этого вида грамотъ заключается въ томъ, что относящіяся сюда грамоты главнымъ назначеніемъ своимъ имѣютъ опредѣленіе правилъ суда по дѣламъ, какъ уголовнымъ, такъ и гражданскимъ. Хотя и въ «Судныхъ» иногда встрѣчаются постановленія, относящіяся и къ другимъ отраслямъ управленія, кромѣ судебнаго, но эти постановленія встрѣчаются въ самомъ незначительномъ количествѣ и при томъ нахожденіе ихъ въ грамотахъ этого рода носитъ совершенно случайный характеръ, тогда какъ постановленія, касающіяся суда, отличаются замѣчательными подробностями. Въ отношеніи внѣшней формы «Судныя грамоты» представляютъ самостоятельный типъ грамотъ, какъ по своему изложенію, такъ по своему содержанію. Къ числу внѣшнихъ отличительныхъ признаковъ ихъ относится встрѣчающаяся въ началѣ фраза «судитися имъ, судити имъ, судити ему по сей нашей грамотѣ», и во второй половинѣ фразы: «А о которыхъ дѣлѣхъ въ сей грамотѣ указъ не написанъ, и тѣ дѣла вершити по Судебнику». Сходство *Судныхъ* грамотъ съ *Уставными* заключается въ преслѣдованіи ими одной конечной цѣли—регулированія мѣстнаго управленія; различіе же состоитъ въ томъ, что *судныя* грамоты, преслѣдуютъ организацію *судебнаго* управленія, а *уставныя*—организацію *управленія вообще*. Этому различію соотвѣтствуетъ и измѣненіе въ Уставныхъ грамотахъ фразы: «а судити имъ, ему, по сей нашей грамотѣ» фразою: «а кто у нихъ нашъ намѣстникъ, волостель, ловчій и т. п. ни будетъ, и онъ у нихъ ходитъ по сей грамотѣ»*).

Судныя Грамоты развивались постепенно. По началу своего проис-

*) См. „Уставныя грамоты XIV—XV в", Н. Загоскина, вып. 1 стр, 20

хожденія, относясь къ той или другой эпохѣ, онѣ переходили къ потомству съ дополненіями и, такимъ образомъ, являются, наконецъ, въ немногихъ дошедшихъ грамотахъ уже въ подробно-развитыхъ формахъ. Наиболѣе развитыми по содержанію, какъ бы образцами всѣхъ другихъ: являются: Псковская и Новгородская Судныя Грамоты. Судныя Грамоты, начатыя еще въ удѣльномъ періодѣ, представляютъ наибольшее значеніе, какъ законодательные памятники, послѣ Русской Правды, потому что законы эти во многомъ отступаютъ отъ постановленій Русской Правды, что свидѣтельствуетъ о дальнѣйшемъ развитіи законодательства. Общее значеніе «Судныхъ Грамотъ», по отношенію къ «Русской Правдѣ», заключается въ томъ, что все дальнѣйшее развитіе ихъ постановленій въ приложеніи ихъ къ суду, развивалось посредствомъ распространенія на практикѣ и вырабатывалось въ опредѣленное законодательство. Хотя и въ предшествовавшихъ *Уставныхъ* грамотахъ уже до нѣкоторой степени опредѣлялся порядокъ суда, но Уставная Грамота не была судебнымъ уставомъ: это былъ законъ административный, а не судебный. Подобный же порядокъ постановленій опредѣляется отчасти и въ договорныхъ грамотахъ. Но всѣ эти важныя опредѣленія, встрѣчавшіяся въ отдѣльныхъ законахъ, требовали, конечно, спеціальнаго закона, который бы болѣе подробно опредѣлялъ порядокъ суда. Русская Правда была общимъ закономъ во всѣхъ княжествахъ; но постановленія ея были кратки; отношенія перемѣнились въ теченіи удѣльнаго періода и явилось нѣсколько новыхъ понятій, которыя требовали изданія новыхъ законовъ. Отъ этого происходили жалобы на княжескихъ намѣстниковъ. Нужно было дать новое руководительное начало судьямъ и эту задачу выполнили *Судныя Грамоты*, въ которыхъ собрано все содержаніе различныхъ грамотъ.

Псковская Судная Грамота, по заглавію, относится къ 1397 г., но правильнѣе относить ее въ томъ видѣ, какъ она дошла—къ 1462 г.*) Содержаніе этой грамоты касается опредѣленія судоустройства и судопроизводства Относительно судоустройства Грамота эта создаетъ совершенно новыя формы суда. Прежде всего упоминается судъ князя и посадника. Ни князь не судитъ безъ посадника, ни посадникъ безъ князя. Судъ княжій и посадничій производился на княжескомъ дворѣ. Вмѣсто князя представлялъ его власть княжескій намѣстникъ и тогда судъ составляли намѣстникъ и посадникъ, которые судили въ присутствіи выборныхъ представителей отъ всѣхъ классовъ псковской общины и отъ разныхъ сословій тогдашняго времени, получившихъ наименованіе *старостъ*. Важнѣйшія дѣла, какъ-то: убійство, грабежъ, разбой и тятьба подлежали суду князя съ посадникомъ, а дѣла менѣе важныя и преимущественно гражданскія, а именно: дѣла о

*) См „Исторія русскаго права“, М. Михайлова, стр. 189.

займахъ, дѣла о наймѣ, о покупкѣ, о поземельномъ владѣніи, о наслѣдствѣ, о раздѣлѣ имѣнія и т. п., подлежали суду выборныхъ судей отъ самыхъ псковскихъ жителей. При этомъ судѣ для письмоводства находились дьяки. Такимъ образомъ, согласно Судной Грамотѣ. учреждены были два суда: судъ княжій или посадничій, и судъ выборныхъ. Кромѣ этихъ двухъ судовъ, въ Судной Грамотѣ упоминается еще о «судѣ владычномъ» и о нѣкоторыхъ другихъ судахъ (см. Судъ).На основаніи Псковской Судной Грамоты каждый судъ пользовался такимъ авторитетотъ, что дѣло, рѣшенное судомъ, считалось окончательнымъ и не подлежало дальнѣйшему пересмотру, а приводилось немедленно въ исполненіе. Посадникъ или главный судья не могъ принимать жалобы на рѣшенія низшихъ судовъ, и вообще одинъ судъ не имѣлъ права вмѣшиваться въ разбирательство другого суда. Посадникъ, княжескій намѣстникъ и всякій выборный судья не могъ оставить своей должности до тѣхъ поръ, пока начатыя ими судебныя дѣла не будутъ ими разрѣшены окончательно. Грамота придаетъ суду самое торжественное значеніе. Она сравниваетъ приговоръ суда съ силою самого закона: какъ на законъ не можетъ быть жалобы, такъ и на приговоръ суда не можетъ быть жалобы; съ другой стороны, возвышая судъ и переставъ смотрѣть на судъ. какъ на источникъ дохода княжеской казны, она строго относится и къ самимъ судьямъ. Она требуетъ, чтобы судъ былъ правильный и безпристрастный. и для того, чтобы обезпечить за судьями эти высокія качества, она требуетъ отъ нихъ присяги и каждый судья, при вступленіи въ должность, обязанъ былъ цѣловать крестъ въ томъ, что онъ будетъ судить по правдѣ: виновнаго не оправдывать, праваго не обвинить и не погубить. Въ такихъ формахъ выражается присяга на основаніи Псковской Судной Грамоты. Всѣ это опредѣленія служатъ ясными доказательствами степени развитія закона. Не смотря на то, этотъ законодательный памятникъ имѣетъ большой недостатокъ. Недостатокъ этотъ заключается именно въ томъ. что онъ недопускаетъ ни жалобъ, ни апелляцій,ни пересмотра судебныхъ рѣшеній. Законъ, правда, старался предупредить нарушеніе правосудія назначеніемъ присяги судьямъ:за неправильный приговоръ и за умышленное обвиненіе невиновнаго судья подлежалъ наказанію;но,по смыслу закона, наказаніе это полагалось не за то, что онъ постановилъ неправильный приговоръ, а за нарушеніе присяги; слѣдовательно, какъ лицо, совершившее преступленіе противъ вѣры. Хотя и въ этомъ видно дальнѣйшее и болѣе значительное развитіе правосудія, но, при полномъ предположеніи безпристрастія въ судьѣ, могутъ быть ошибки въ постановленіяхъ суда, а законодатель еще этого не предвидѣлъ. Онъ преслѣдовалъ только умышленно неправильный приговоръ, но отъ случайныхъ ошибокъ судьи онъ не представляль никакихъ гарантій.

Затѣмъ, Грамота опредѣляетъ и самый порядокъ суда, который представляетъ прогрессъ законодательства. До этого времени, судьямъ не было дѣла. пока они не получали жалобы; но, на основаніи Судной Грамоты, такъ поступаютъ только въ дѣлахъ гражданскихъ, т. е. въ дѣлахъ, имѣющихъ только цѣнность денежную, но гдѣ дѣло касается уголовныхъ преступленій, то сами судьи возбуждаютъ дѣло. Такимъ образомъ, по Судной Грамотѣ, судъ по дѣламъ гражданскимъ начинался жалобой истца, а по дѣламъ уголовнымъ—или челобитіемъ потерпѣвшаго или по иниціативѣ самихъ судей. Получивъ челобитье, судъ дѣлалъ вызовъ отвѣтчика или обвиняемаго чрезъ особыхъ служителей, которые носили наименованія отчасти «дворяне» и «подвойскіе», а отчасти «позовники». Позовники должны были быть съ обѣихъ сторонъ—и отъ судей княжескихъ и отъ земщины. Этимъ позовникамъ судъ назначалъ мѣсто, куда они должны ѣхать для вызова отвѣтчика, за что давалъ имъ особыя пошлины, количество которыхъ зависѣло отъ разстоянія и затѣмъ снабжалъ ихъ письменными документами, именуемыми *позовницами* или *приставными памятями*. Въ нихъ судъ кратко помѣчалъ позовникамъ чрезъ дьяка, кого нужно вызвать къ суду и по какому дѣлу. Получивъ такую позовницу или «приставную память», позовникъ ототправлялся въ мѣсто, гдѣ живетъ отвѣтчикъ и тамъ производилъ вызовъ. Вызовъ въ судъ производился при слѣдующихъ формальностяхъ: онъ производился въ церкви, предъ священникомъ и всѣмъ народомъ; по окончаніи службы, позовникъ прочитывалъ вызовъ къ суду. Это производилось съ тою цѣлью, чтобы придавать дѣлу большую гласность. Если призываемый не находился во время чтенія памяти въ церкви, тогда нужно было отыскать его между жителями и объявить ему вызовъ въ мѣстѣ нахожденія Если отвѣтчикъ послѣ перваго вызова скрылся изъ мѣста своего жительства, то, въ такомъ случаѣ, судъ выдавалъ на это «*безсудную* грамоту» (см. этотъ терминъ), въ силу которой призванный къ суду признавался виновнымъ безъ судебнаго разбирательства, а истецъ утверждался въ своемъ искѣ и признавался правымъ; послѣ этого уже нельзя было принести жалобу на то, что искъ былъ неправильный. Дѣло считалось навсегда оконченнымъ и судъ выдавалъ истцу «Правую грамоту». Правая грамота должная была быть написана дьякомъ и къ ней прикладывалась печать князя. Она могла быть написана и не дьякомъ, а постороннимъ, частнымъ лицомъ, но не иначе, какъ за печатью князя или печатью церкви св. Троицы, при которой были особые судьи, и печать этой церкви могла замѣнить княжескую.

Псковская Судная Грамота допускаетъ въ судъ защитниковъ со стороны истца и отвѣтчика. Это есть первый законъ, упоминающій о томъ,

что постороннія лица могутъ защищать на судѣ дѣло другаго лица. Эти защитники, или адвокаты стараго времени, носили названіе *пособниковъ*, которые, впрочемъ, не пользовались въ Псковѣ большимъ довѣріемъ, а допускались только тогда, когда жалоба принесена на женщину или на малолѣтняго, на чернеца или черницу, на больного или стараго. По поводу судебной защиты, Грамота постановляетъ, что одинъ и тотъ же *пособникъ* не имѣетъ права защищать двухъ дѣлъ въ одинъ и тотъ же день. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, защита дѣла составляла обязанность каждаго и каждый долженъ былъ *самъ* защищать себя на судѣ, заявлять свои жалобы на другое лицо и доказывать неосновательность жалобъ, на него принесенныхъ. Для того же, чтобы это правило соблюдалось, при псковскихъ судахъ находились у дверей суда привратники или сторожа, которые пропускали въ помѣщеніе суда только самихъ тяжущихся и не впускали никого изъ постороннихъ лицъ. Вотъ начало, когда судъ въ Россіи началъ производиться закрыто, или, говоря языкомъ нашего времени, при *закрытыхъ дверяхъ* и пересталъ быть гласнымъ*).

Судныя доказательства, на основаніи Псковской Судной Грамоты, были различны. Различіе ихъ зависѣло отъ свойства тѣхъ дѣлъ, которыя могли быть доказаны тѣмъ или другимъ способомъ. Такъ, въ спорахъ о поземельномъ владѣніи—показаніе старожиловъ или окольныхъ людей, или межевыя земельныя грамоты на право владѣнія; при займѣ или поклажѣ—Грамота упоминаетъ о письменныхъ актахъ или рядницахъ**), о такъ называемыхъ, *доскахъ****), имѣвшихъ значеніе нашихъ современныхъ замѣтныхъ книгъ. Затѣмъ, доказательствами служили: свидѣтельскія показанія, крестное цѣлованіе или *присяга* и судебный поединокъ или,

*) См. М. Михайлова, „Исторія русскаго права," стр. 195.

**) Требованіе выдачи письменныхъ документовъ при займѣ денегъ и товаровъ началось на Руси очень рано и такіе документы носили еще раньше названіе „*рядницъ*", отъ слова *рядъ* или условный договоръ. но въ Псковской Судной Грамотѣ замѣчательно то, что, въ отношеніи храненія письменныхъ актовъ или рядницъ, былъ установленъ особый порядокъ: при церкви Св. Троицы въ Псковѣ было построено особое помѣщеніе, которое именовалось *ларемъ*. Въ этомъ-то ларѣ должны были храниться всѣ написанныя при церкви рядницы, т. е. всѣ договоры и условія по гражданскимъ сдѣлкамъ. Если рядница находилась въ ларѣ церкви Св. Троицы, то это служило неоспоримымъ доказательствомъ, что договоръ былъ дѣйствительно заключенъ и заключенъ правильнымъ порядкомъ. Этотъ обычай указываетъ, что и въ старину понималась необходимость въ учрежденіи, подобномъ нашимъ нотаріусамъ.

***) При неразвитости письма, въ силу стариннаго обычая, торговцы дѣлали извѣстныя зарубки на *доскѣ* и эти зарубки имѣли значеніе доказательствъ. Еще до сихъ поръ въ русскомъ народѣ сохранился обычай отмѣчать посредствомъ нарубковъ вообще различные счеты. Начало этого обычая относится къ глубокой старинѣ, (см. Доски).

такъ называемое, *поле* (см. этотъ терминъ). Нужно замѣтить, что законъ Судной Грамоты даетъ присягѣ рѣшительное и окончательное значеніе, преобладающее надъ всѣми прочими доказательствами. Если суду надлежало разрѣшить споръ о границѣ поземельныхъ участковъ, то присяга совершалась при особой торжественности. Лицо, не имѣвшее межевыхъ актовъ, а желавшее доказать линію границъ своихъ владѣній присягою, обязано было, съ образомъ въ рукахъ, проходить въ извѣстномъ направленіи по той границѣ, по которой онъ доказывалъ предѣлъ участка, и подобный обходъ имѣлъ значеніе *присяги*.

Псковская Судная Грамота замѣчательна тѣмъ, что она содержитъ въ себѣ много такихъ постановленій, которыя ясно свидѣтельствуютъ о громадномъ успѣхѣ, сдѣланномъ нашимъ законодательствомъ на пути своего развитія. Въ этой Грамотѣ въ первый разъ находится законъ о, такъ называемой, *давности владѣнія*. Это узаконеніе совершенно новое въ русскомъ законодательствѣ и объ немъ не упоминалось прежде ни въ Русской Правдѣ, ни во всѣхъ послѣдующихъ дополненіяхъ ее, ни въ различныхъ законахъ древнихъ княжествъ. Понятіе о такомъ сложномъ юридическомъ институтѣ, каковъ «давность владѣнія», по всей вѣроятности, занесено въ Псковъ изъ иностранныхъ законодательствъ, гдѣ этотъ институтъ издавна уже существовалъ. Псковъ, подобно Новгороду, находился постоянно въ сношеніяхъ съ иностранными городами. Въ Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, постоянно жили иностранцы, имѣли дѣла, заключали контракты. и пр. Такимъ образомъ, изъ западной Европы легко могли быть занесены въ городъ Псковъ и во всю псковскую область, нѣкоторые юридическіе обычаи, употреблявшіеся въ то время на западѣ Европы. Къ числу такихъ обычаевъ относятъ и *давность владѣнія*, т. е. юридическій институтъ, въ силу котораго лицо, владѣвшее безспорно какимъ-нибудь имуществомъ, хотя и не принадлежавшимъ ему по праву, дѣлается собственникомъ этого имущества. Законъ о давности, помѣщенный въ Псковской Судной Грамотѣ, служитъ основаніемъ давностному институту нашего современнаго законодательства, съ тою только разницею, что срокъ давностнаго владѣнія первоначально былъ установленъ отъ 4-хъ до 5-ти лѣтъ. Уже послѣ Псковской Судной Грамоты встрѣчается законъ о давности въ другихъ княжествахъ и въ уставныхъ грамотахъ московскаго княжества, только сроки давности были различны, а именно, отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ и притомъ безъ всякихъ ограниченій относительно воздѣлыванія или невоздѣлыванія земель, тогда, какъ на основаніи Псковской Судной Грамоты, право пріобрѣтенія по давности предоставлялось только такимъ владѣльцамъ, которые воздѣлывали землю и застраивали ее, такъ что нельзя искать права владѣнія на землю, хотя по прошествіи 4 или 5, если захва

тившій землю не обрабатывалъ ее или не застраивалъ и вообще, если земля оставалась ничѣмъ не занятою; въ такомъ случаѣ никакая продолжительность времени не давала права на ея пріобрѣтеніе. (См. Давность).

Въ Псковской Судной Грамотѣ впервые положено различіе поземельнаго владѣнія. Она различаетъ два способа обладанія землею: обладаніе *вотчинное* и обладаніе *помѣстное*. Вотчинное обладаніе есть *полное* обладаніе, такъ что вотчинникъ можетъ сдѣлать съ своею вотчинною все, что хочетъ, а за наслѣдниками признается только право *выкупа*, а помѣстное владѣніе есть владѣніе *ограниченное*, потому что оно связано съ условіями службы и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не переходитъ къ потомству.

Затѣмъ, весьма замѣчательны нѣкоторые законы Псковской Судной Грамоты, относящіеся къ порядку взысканія долговъ по законнымъ обязательствамъ, особенно въ случаѣ смерти должниковъ. Эти законы являются въ Грамотѣ болѣе подробно выраженными, на что имѣлись особыя основанія. Въ Псковѣ, при значительности торговыхъ сдѣлокъ и оборотовъ, долженъ былъ быть развитъ до извѣстной степени кредитъ и сдѣлки относительно ссуды денегъ, вещей и товаровъ, относительно принятія ихъ на сохраненіе, которыя весьма часто заключались не только между псковитянами, но и между ними и иностранцами. Поэтому, въ Псковѣ, какъ въ городѣ торговомъ, должны были выработаться нѣсколько точнѣе правила о порядкѣ взысканія долговъ и этимъ объясняется то, почему въ Псковской Судной Грамотѣ является особый отдѣлъ объ этомъ предметѣ. Такъ, Грамота установляетъ подробныя правила о взысканіи долговъ кредиторами съ своихъ должниковъ вообще, о взысканіи долговъ послѣ умершаго должника, о взысканіи долговъ по *торговымъ* сдѣлкамъ, о займахъ по поручительству, о долговыхъ обезпеченіяхъ должника и о нѣкоторыхъ другихъ договорахъ. Псковская Судная Грамота опредѣляетъ нѣкоторыя правила относительно взысканія съ должника въ томъ случаѣ, если онъ будетъ отпираться отъ долга, если онъ не явится въ срокъ на судъ и если отъ неявки должника кредиторъ потерпитъ какіе-либо убытки. Въ такомъ случаѣ законъ опредѣляетъ, что должникъ не только обязанъ уплатить долгъ и убытки, происходящіе отъ неявки, но сверхъ того подвергается еще тюремному заключенію. Кредиторъ, однакожъ, не можетъ самъ взять должника силою, но долженъ просить, чтобы судъ постановилъ подобную мѣру взысканія и, если кредиторъ позволитъ себѣ какое-либо самоуправство въ отношеніи личности должника, то за это онъ судится, какъ за грабежъ и приговаривается еще къ денежной пенѣ въ одинъ рубль въ пользу казны. Такимъ образомъ, Псковская Судная Грамота является закономъ, ограничивающимъ самоуправство, не только въ уголовныхъ дѣлахъ, но и въ дѣлахъ гражданскихъ.

На основаніи этой Грамоты кредиторъ не только не могъ самъ взять какую нибудь вещь отъ должника, но онъ не могъ позволить себѣ никакихъ самоуправныхъ распоряженій, а долженъ во всемъ и для всего обращаться въ судъ. Этими ограниченіями вводится все болѣе и болѣе юридическій порядокъ и законодательство достигаетъ нѣкоторыхъ успѣховъ въ своемъ развитіи.

Относительно порядка взысканія долговъ съ имущества умершаго должника, Судная Грамота ввела новое правило, которое предшествовавшему законодательству вовсе не было извѣстно. Древнее законодательство не опредѣляло способа удовлетворенія долговъ умершаго должника, оставившаго послѣ себя имущество. Законъ не могъ рѣшить вопроса: отдать-ли преимущество наслѣдникамъ или кредитору? Но Псковская Судная Грамота рѣшаетъ этотъ вопросъ окончательно и отдаетъ преимущество *кредиторамъ*. Законъ прямо говоритъ: «*пусть имѣніе возьмутъ кредиторы*», а наслѣднику запрещаетъ даже выкупить его отъ кредитора. Такимъ образомъ, въ нашемъ законодательствѣ стало развиваться понятіе о томъ, что въ наслѣдствѣ есть переходъ не только *правъ*, но и *обязанностей*, и что при томъ главное лицо, заступающее мѣсто умершаго, есть *кредиторъ*, а затѣмъ уже наслѣдники. Далѣе, законъ заботится о томъ, чтобы установить правильный порядокъ къ удовлетворенію долговъ, въ случаѣ нѣсколькихъ кредиторовъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно то правило, что кредиторы должны выбрать изъ среды себя одно лицо, болѣе богатое, и ему отдать имѣніе должника, съ тѣмъ, чтобы, удержавъ имѣніе умершаго за собою, онъ уплачивалъ бы другимъ кредиторамъ по соразмѣрности. Впрочемъ, съ цѣлью охраненія интересовъ умершихъ должниковъ. Грамота относится болѣе строго при удовлетвореніи взысканій. Существованіе займовъ вообще доказывалось закладомъ, досками или другими записями; но для взысканія долга съ умершаго должника, одного заклада или одной замѣтки было еще недостаточно, но законъ требовалъ подтвержденія существованія долга еще цѣлованіемъ креста, присягою. Хотя *закладъ* считался, въ подобныхъ случаяхъ, сильнымъ доказательствомъ, но при этомъ нужно было также истцу или кредитору, положивъ вещь предъ крестомъ, цѣловать крестъ въ удостовѣреніе того, что долгъ дѣйствительно сдѣланъ.

Псковская Судная Грамота установила также строгій порядокъ взысканія по дѣламъ и разсчетамъ торговымъ. Лицо, предъявившее взысканіе по дѣламъ торговымъ, обязано было представить письменный документъ, или запись, именовавшуюся *рядницею*, изъ которой было бы видно, что деньги даны въ долгъ, по оборотамъ и разсчетамъ торговымъ. Рядница лишь тогда могла служить достовѣрнымъ доказательствомъ существованія

долга. если она заявлена въ церкви св. Тройцы и копія съ нея или, по выраженію Грамоты. «противень», хранилась въ церковномъ *ларѣ*. Если, по сличеніи копіи съ подлинникомъ, оба документа оказались слово въ слово сходными, то искъ былъ удовлетворенъ немедленно; въ противномъ случаѣ, судъ не признавалъ долга обязательнымъ и не удовлетворялъ кредитора.

Псковскій законъ дозволяетъ кредиторамъ брать проценты, но для доказательства, что проценты условлены добровольно, требуетъ, чтобы они были прописаны въ самой заемной записи, чтобы въ ней былъ обозначенъ срокъ, на который дана ссуда въ долгъ и за какіе именно проценты. По Псковской Грамотѣ займы могли быть обезпечены двумя способами: поручительствомъ и закладомъ. Поручительство въ займахъ дозволялось только тогда, когда заемъ не превышалъ рубля; но если заемъ былъ болѣе рубля, то требовался закладъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ долгъ могъ обезпечиваться своимъ личнымъ трудомъ. Такъ, Псковская Грамота опредѣляетъ, что лицо, незаплатившее своего долга, можетъ быть отдано въ заработокъ кредитору. Въ грамотѣ упоминается также и *закупы*, но не въ томъ смыслѣ, какъ въ Русской Правдѣ. По Русской Правдѣ каждый свободный человѣкъ могъ занять деньги съ тѣмъ, что бы не отдавать ихъ наличными, а личнымъ трудомъ, работою. Такіе закупы назывались «закупами городскими»; но Псковская Грамота, не допуская *городскихъ закуповъ*, упоминаетъ о *закупахъ ролейныхъ*, т. е о крестьянахъ, которые берутъ у землевладѣльца участки земли, не платя денегъ, но обязуясь заработать землю въ извѣстное число лѣтъ (см. Закупы).

Замѣчательны также постановленія Псковской Судной Грамоты о наслѣдствѣ. По отношенію къ наслѣдству Грамота ввела много перемѣнъ противъ Русской Правды. Она раздѣляетъ наслѣдственное право на два главные вида: на наслѣдство по *закону* и наслѣдство по *завѣщанію*. О наслѣдствѣ по завѣщанію, см. Грамоту духовную. Что же касается до наслѣдства по закону, то отмѣтимъ слѣдующее: Наслѣдство, по выраженію судной грамоты, называлось *отморщиною*, т. е. все то, что осталось послѣ смерти безъ завѣщанія. Ближайшее право на наслѣдство принадлежитъ дѣтямъ и потомкамъ нисходящей линіи. За неимѣніемъ нисходящихъ наслѣдниковъ, Грамота допускаетъ къ наслѣдству родственниковъ восходящей и боковой линій, въ мужескомъ и женскомъ полѣ, съ сравнительно равными правами. Замѣчательно еще то, что Псковская Судная Грамота признаетъ право наслѣдства не только за мущиною, но и за женщиной; не только за замужней женщиной, но и за незамужней,—вообще Грамота отличается равноправностью. Относительно наслѣдства мужа пос-

лѣ бездѣтной жены и жены послѣ бездѣтнаго мужа, Грамота опредѣляетъ, чтобы такіе супруги были наслѣдниками оставшагося имѣнія только въ пожизненное владѣніе и со вступленіемъ во второй бракъ лишались доли наслѣдства. Въ этомъ случаѣ въ Грамотѣ является новое опредѣленіе наслѣдства, отличное отъ опредѣленія Русской Правды. По Русской Правдѣ вдовы пользовались правомъ владѣнія всѣмъ имуществомъ своего мужа даже и въ томъ случаѣ, когда послѣ него остались дѣти, а часть выданнаго имъ имущества оставалась за ними и по вступленіи въ новый бракъ; но на основаніи Псковской Грамоты вдова получала наслѣдство послѣ своего мужа лишь тогда, когда онъ умиралъ бездѣтнымъ; при томъ же она получаетъ имущество только въ пожизненное владѣніе и лишь до втораго замужества. Правило это равномѣрно относится къ обоимъ супругамъ. Наконецъ, наслѣдственное право Псковской Судной Грамоты содержитъ въ себѣ еще одну особенность, а именно: сынъ, не помогавшій родителямъ, т. е. не кормившій ихъ, лишается наслѣдства. Такое постановленіе можетъ показаться не логичнымъ, ибо, если родители нуждались въ помощи сына и въ кормленіи, значитъ—они находились въ состояніи бѣдности и не имѣли никакого имущества; слѣдовательно, лишеніе наслѣдства не существующаго—не имѣетъ смысла; однакожъ, можетъ быть такой случай, что родители сначала были бѣдными и нуждались въ помощи сына, но впослѣдствіи имъ досталось имущество въ наслѣдство отъ ихъ родителей. Поэтому, нужно полагать, что при постановленіи правила о лишеніи наслѣдства сына, не помогавшаго родителямъ, Грамота имѣла въ виду случай, подобный приведенному нами.

Въ Псковской Судной Грамотѣ находятся также подробныя постановленія о поклажѣ и о личномъ наймѣ. Въ отношеніи договора отдачи на храненіе вещей или товаровъ, Грамота опредѣляетъ, что если кто возьметъ на храненіе, а впослѣдствіи будетъ отпираться, что вещей не принималъ, то отдавшій на храненіе обязанъ заявить предъ судомъ, по какому случаю онъ отдалъ вещи на храненіе и затѣмъ долженъ выставить свидѣтелей, присутствовавшихъ при отдачѣ. Если же нѣтъ свидѣтелей, то въ такомъ случаѣ нужно цѣловать крестъ, или заставить цѣловать крестъ того, кто отпирается. Судъ, въ подобныхъ случаяхъ, могъ назначать судебный поединокъ или поле. Если же при отдачѣ вещей на храненіе была составлена запись или рядница и подписана принявшимъ вещь на храненіе, то судъ постановлялъ рѣшеніе о взысканіи. Относительно же *личнаго найма*, то, по смыслу Псковской Судной Грамоты, подобныя наймы совершались по *записи* или безъ оной. Въ Судной Грамотѣ встрѣчается выраженіе «о наймахъ *на отрядъ*. Это означаетъ наемъ до окончанія извѣстной работы. Наемъ на *сроки* допускаются: мѣсячный и годовой.

По окончаніи срока или работы, наймитъ можетъ требовать съ хозяина задѣльную плату, которая должна быть выдана ему безъ всякихъ стѣсненій. Если хозяинъ не выдастъ работнику заработанной платы, то работникъ можетъ требовать ее *закличкой*, т. е. публично, на площади или на рынкѣ. Если наймитъ подрядился на срокъ, то, отживши его, онъ имѣетъ право требовать заработанныя деньги, а если отойдетъ отъ хозяина, не дождавши до срока, то онъ имѣетъ право на полученіе только той доли наемной платы, которая ему слѣдуетъ по разсчету времени. Но, въ случаѣ досрочнаго оставленія работъ, постановлено, что если наемъ былъ годичный, то работникъ можетъ получить только за полный годъ, хотя бы работа продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ сверхъ года, а если мѣсячный,—то только за полные мѣсяцы, не считая лишнихъ дней. Споры между хозяевами и наймитами разрѣшаются судомъ или на основаніи *рядной записи* или посредствомъ крестнаго цѣлованія. Такой порядокъ въ Судной Грамотѣ установленъ и въ разсчетахъ мастеровъ съ учениками.

Всѣ вышеизложенныя постановленія показываютъ, что гражданскія отношенія были въ это древнее время уже довольно развиты, что народу были извѣстны обороты не только торговые, но и обыкновенные гражданскіе, что эти обороты не ограничивались одними займами, покупкой и продажей, но что довѣрялись суммы капиталовъ, что было извѣстно существованіе процентовъ, что существовали опредѣленія относительно правильныхъ удовлетвореній долговъ, что существовали всевозможныя сдѣлки личныя и по имуществу и т. п. Все это—признаки значительнаго развитія гражданственности.

Въ заключеніе обозрѣнія *гражданской* части Псковской Судной Грамоты, обратимъ вниманіе еще и на то, что этотъ древній законъ уже понималъ ту юридическую аксіому, что для заключенія сдѣлки или какого-либо условія необходимо свободное соглашеніе и ясное сознаніе и представленіе о предметѣ соглашенія. Все то, что нарушаетъ свободное соглашеніе, все то, что можетъ затемнить разсудокъ или ясное представленіе о предметѣ, все то законъ признаетъ уничтожающимъ силу сдѣлки. На этомъ основаніи Псковская Судная Грамота признаетъ всякаго рода сдѣлки дѣйствительными только тогда, когда сдѣлки эти заключаютъ лица, находящіяся въ трезвомъ видѣ; въ противномъ случаѣ, сдѣлка считается ничтожною. Если кто продаетъ или мѣняетъ товаръ или вообще какія-нибудь вещи, будучи въ нетрезвомъ видѣ, тотъ имѣетъ право возвратить проданное, купленное и вымѣненное, и законъ, въ этомъ случаѣ, не полагаетъ никакихъ штрафовъ, ни пеней, ни другихъ взысканій. При этомъ Грамота требуетъ, чтобы торговыя сдѣлки всякаго рода были совершаемы безъ принужденія, обмана, хитрости или иныхъ какихъ-либо

противозаконныхъ дѣяній, подъ опасеніемъ ничтожности самой сдѣлки. Отсюда и понятно почему иностранцы, жившіе въ то время въ Россіи, и имѣвшіе торговыя сношенія съ жителями псковской области, такъ лестно отзывались о псковской торговлѣ и свидѣтельствуютъ, что торговля въ Псковѣ происходила гораздо честнѣе, что сдѣлки и расчеты велись гораздо правильнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ Россіи и даже въ Новгородѣ. Это свидѣтельство является наилучшимъ доказательствомъ того, что законъ относился къ сдѣлкамъ всякаго рода со всевозможною строгостью и преслѣдовалъ не только обманъ или принужденное заключеніе сдѣлокъ, но и вообще все то, что могло уничтожить законность какого-либо дѣла.

Что же касается до *уголовнаго* права, то постановленія Псковской Судной Грамоты во многихъ пунктахъ различаются отъ постановленій Русской Правды, хотя они не отличаются особыми подробностями. Первая отличительная черта состоитъ въ томъ, что въ этой Грамотѣ совершенно не упоминается о *вирѣ*, какъ о мѣрѣ наказанія за важныя уголовныя преступленія, а встрѣчаются только *продажи*, т. е. денежные штрафы за проступки низшихъ степеней. Другимъ существеннымъ различіемъ является то обстоятельство, что Грамота окончательно уничтожила, такъ называемую, *дикую виру* (см. этотъ терминъ) и всякій денежный штрафъ за преступленіе или проступокъ взыскивается только съ самого виновнаго и, ни въ какомъ случаѣ, община не платитъ за виновнаго. Въ этихъ опредѣленіяхъ усматривается успѣхъ законодательства въ томъ смыслѣ, что законъ смотритъ уже строже на уголовное преступленіе: онъ, какъ-бы, проводитъ ту идею, что отъ тяжкаго преступленія нельзя откупиться денежнымъ взысканіемъ, что, во всякомъ случаѣ, виновное лицо должно *лично* испытать на себѣ тягость наказанія и что отвѣтственность *общины*, раздѣляющей наказаніе, въ видѣ денежныхъ штрафовъ, вмѣстѣ съ преступникомъ, въ томъ предположеніи, что она будто-бы его прикрываетъ, не соотвѣтствуетъ правосудію. Поэтому за важнѣйшія преступленія Грамота полагаетъ смертную казнь, а не виру. Затѣмъ установлены подробныя правила по дѣламъ о нанесеніи ранъ и побоевъ. Грамота требуетъ, чтобы приносящій жалобу на личное оскорбленіе дѣйствіемъ, доказалъ существованіе этихъ преступленій не только знаками побоевъ, какъ это установлено въ Русской Правдѣ, но и свидѣтелями, присягою и разными другими доказательствами. Наказаніе за побои ограничивается денежнымъ взысканіемъ, которое опредѣляется рублями, въ размѣрѣ не болѣе двухъ. Штрафъ этотъ поступаетъ: половина въ пользу князя, а половина—въ пользу обиженнаго; если въ нанесеніи побоевъ участвовали многія лица, то каждый изъ нихъ платитъ по рублю «продажи» князю, а по рублю—обижен-

ному. Въ этомъ опредѣленіи наказанія замѣтно то различіе отъ предъидущаго взгляда законодательства, что количество денежнаго взысканія опредѣляется уже не числомъ преступленій, а числомъ виновныхъ, тогда какъ древнее законодательство опредѣляетъ денежный штрафъ или виру вообще за каждое преступленіе. Въ Псковской Судной Грамотѣ, въ числѣ наказаній, появились уже нѣкоторыя весьма тяжкія и даже смертная казнь, которой подвергались, впрочемъ, одни только измѣнники государства и поджигатели, хотя поджогъ имѣетъ сравнительно меньшее преступное значеніе, чѣмъ государственная измѣна. Если противъ обвиняемыхъ въ измѣнѣ или поджогѣ нѣтъ прямыхъ уликъ, то Грамота предоставляетъ дать присягу или лицу, приносящему жалобу въ обвиненіи, или дать таковую обвиняемому—въ его оправданіи. Въ первомъ случаѣ обвиняемый подвергается смертной казни, а въ послѣднемъ—освобождается отъ суда и наказанія. Такимъ образомъ, для обвиненія лица и для того, чтобы примѣнить къ нему самое тяжкое наказаніе, именно, смертную казнь, достаточно было обвинителю принять присягу. Конечно, это должно считаться однимъ изъ крупныхъ недостатковъ уголовнаго судопроизводства тогдашняго времени, не смотря на то, что Псковская Судная Грамота внесла въ современное ей законодательство значительныя улучшенія.

Совершенно другой характеръ и значеніе, сравнительно съ Псковской Судной Грамотой, имѣетъ другой законодательный памятникъ древней Руси, извѣстный подъ названіемъ «Новгородской Судной Грамоты», которая отличается отъ Псковской только тѣмъ, что порядокъ судопроизводства излагается въ ней со многими особенностями, соотвѣтствующими вообще своеобразному устройству древняго великаго Новгорода.

Новгородская Судная Грамота относится къ XV столѣтію. Она составлена въ 1440 году, а въ 1471 году была дополнена. Первоначальный текстъ этой грамоты былъ составленъ на Новгородскомъ вѣчѣ въ то время, когда новгородцы были въ войнѣ съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Васильевичемъ и затѣмъ, когда Новгородъ покорился Москвѣ, тогда въ 1471 году Судная Грамота была дополнена и утверждена Іоанномъ III-мъ. Въ содержаніе этой Грамоты входятъ опредѣленія различныхъ случаевъ суда, постановленія объ истцѣ, отвѣтчикѣ и ихъ представителяхъ или повѣренныхъ, о свидѣтеляхъ, о вызовѣ въ судъ и т. п. судебныхъ дѣйствіяхъ. Новгородская грамота различаетъ три вида суда: судъ владычный, судъ тысяцкаго и судъ докладчиковъ. О значеніи всѣхъ этихъ видовъ суда, см. Судъ.

На основаніи Новгородской Судной Грамоты порядокъ судопроизводства установленъ совершенно отличный отъ того порядка, который

существовалъ въ то время въ другихъ мѣстностяхъ древней Руси. Истцомъ и отвѣтчикомъ на судѣ могло быть каждое лицо, даже не свободный человѣкъ, рабъ. Тяжущіеся могли или сами являться къ суду или посылать за себя повѣренныхъ. Повѣреннымъ могъ быть, какъ родственникъ тяжущагося, такъ и посторонній. Нѣкоторымъ родственникамъ законъ даже вмѣняетъ въ обязанность быть ходатаями по дѣламъ своихъ родственниковъ. Такъ, сынъ по закону обязанъ былъ являться въ судъ по дѣламъ матери, мужъ за жену, а братъ за сестру. При явкѣ тяжущихся къ суду, прежде всего судъ предлагалъ имъ цѣловать крестъ на томъ, что каждый изъ тяжущихся считаетъ свое дѣло правымъ и вполнѣ согласнымъ съ новгородскими законами. Безъ такого цѣлованія тяжущіеся не допускались къ судебному разбирательству: кто отъ присяги или крестнаго цѣлованія отказался, тотъ безъ разбора дѣла признавался виновнымъ и на него тутъ же выдавалась противной сторонѣ *безсудная грамота* (см. этотъ терминъ). Такое же цѣлованіе креста требовалось отъ тяжущихся и въ такомъ случаѣ, когда они поручали свое дѣло повѣреннымъ; повѣренные же,въ свою очередь, должны были принять присягу и только по совершеніи этого обряда судъ допускалъ повѣренныхъ ихъ къ участію въ дѣлѣ. Отъ присяги освобождались только тѣ повѣренные, которые защищали интересы своихъ родственниковъ «по обязанности». Лица знатныя и высшаго сословія пользовались въ этомъ отношеніи тою привилегіею, что могли производить крестное цѣлованіе не въ судѣ, а у себя на дому, но не иначе, какъ въ присутствіи судебнаго пристава. Каждое дѣло при самомъ разборѣ на судѣ должно было быть подтверждено или свидѣтельскими показаніями или другими доказательствами. Относительно свидѣтелей Грамота опредѣляетъ, кто могъ быть свидѣтелемъ и кто не могъ. Свидѣтелемъ могъ быть каждый и даже несвободный человѣкъ, если показаніе давалось не противъ свободнаго. Не допускались въ свидѣтели: малолѣтніе, безумные, лица, имѣвшія старинную вражду или ненависть къ какому нибудь изъ тяжущихся, а равно и псковитяне, которые постоянно враждовали съ новгородцами.Каждый тяжущійся могъ самъ приводить въ судъ своихъ свидѣтелей; но если онъ не заставалъ ихъ дома или если они находились въ отсутствіи, то долженъ былъ указать суду, гдѣ они находятся и просить судъ о вызовѣ ихъ къ назначенному времени. Если свидѣтель жилъ въ самомъ Новгородѣ, то судъ посылалъ за нимъ, такъ называемыхъ, *бирючей**);

*) Бирючами назывались глашатаи, которые выходили на площади и вызывали въ судъ лицъ, имѣвшихъ стать на судѣ въ опредѣленное время по дѣлу гражданскому или уголовному. Это было нѣчто въ родѣ нашихъ современныхъ судебныхъ приставовъ. Бирючи или глашатаи жили всѣ около софійской главной церкви Новгорода, поэтому они иногда и назывались *софіянами*.

если же свидѣтель жилъ внѣ города, то судъ посылалъ за нимъ особыхъ *тонцовъ*, которымъ выдавалъ деньги на проѣздъ, разсчитывая по 4 гривны на разстояніе 100 верстъ. Если свидѣтель не могъ явиться въ судъ по болѣзни или по другимъ какимъ-либо причинамъ, то посланные за нимъ отъ суда должны были разспросить у него обстоятельства дѣла на дому, записать его показаніе въ грамоту и представить суду. Новгородская Судная Грамота опредѣляетъ также порядокъ вызова въ судъ тяжущихся и обвиняемыхъ. Каждый истецъ, въ дѣлахъ гражданскихъ, и каждый частный обвинитель—въ дѣлахъ уголовныхъ, обязанъ указать суду мѣсто жительства отвѣтчика или обвиняемаго. На основаніи этихъ указаній судъ производитъ вызовъ и назначаетъ срокъ для явки къ суду. Если лицо, вызываемое въ судъ, не можетъ явиться въ назначенный срокъ, то оно должно извѣстить объ этомъ судъ и просить назначить новый срокъ. Отсрочка допускается до трехъ разъ; но если послѣ троекратнаго вызова вызывающійся къ суду не явится и не пришлетъ повѣреннаго, то, въ такомъ случаѣ, онъ обвиняется безъ судебнаго разбора. Въ Судной Грамотѣ положено два разряда судебныхъ сроковъ: одинъ для самихъ судей, а другой—для частныхъ лицъ, т. е. для тяжущихся и для свидѣтелей. Такъ, если споръ касается поземельной собственности, то судьямъ назначается двухмѣсячный срокъ, въ теченіи котораго они непремѣнно должны дѣло окончить; во всѣхъ же остальныхъ спорахъ, срокъ для окончанія дѣла назначенъ судьямъ—мѣсячный. Въ случаѣ проволочки дѣла со стороны судьи далѣе законнаго срока, тяжущіеся или ихъ повѣренные могли жаловаться на судью новгородскому вѣчу, въ качествѣ высшей судебной инстанціи. По выслушаніи жалобы, вѣче давало жалобщику одного изъ *судныхъ мужей*, въ родѣ судебнаго пристава, который долженъ былъ отправиться къ судьѣ, отобрать отъ него дѣло и рѣшить его тутъ же, въ присутствіи народа и самихъ тяжущихся.

Что же касается до сроковъ, установленныхъ для явки въ судъ тяжущихся и свидѣтелей, то Грамота дѣлаетъ различіе между нахожденіемъ отвѣтчика въ самомъ городѣ и пребываніемъ его внѣ Новгорода. Въ первомъ случаѣ, срокъ зависѣлъ отъ отвѣтчика, который самъ назначалъ день явки по своему усмотрѣнію. Это производилось слѣдующимъ образомъ: судья посылалъ вызовъ отвѣтчику, но не назначалъ ему срока явки, а отвѣтчикъ сообщалъ судьѣ, когда онъ можетъ явиться для отвѣта и объясненія. Если судья самъ почему-либо не могъ явиться въ назначенный срокъ, то онъ долженъ былъ извѣстить объ этотъ тяжущихся и назначить новый срокъ для явки. Когда послѣ перваго вызова кто нибудь изъ тяжущихся не являлся, то посылались еще два письменные вызова и за каждый вызовъ неявившійся обязанъ былъ заплатить три деньги штрафа.

Послѣ трехъ вызововъ неявившійся обвинялся. Во второмъ случаѣ срокъ назначался по разстоянію и на каждыя 100 верстъ полагались двѣ недѣли. Тоже самое соблюдалось и въ отношеніи свидѣтелей. По дѣламъ уголовнымъ, срокъ на явку въ судъ для обвиняемыхъ, жившихъ внѣ Новгорода, полагался немного больше нежели по дѣламъ гражданскимъ, а именно, на каждыя сто верстъ по 3 недѣли; при томъ же «судный мужъ» или «гонецъ», посланный за обвиняемымъ, не ограничивался сдѣланнымъ вызовомъ, а оставался все время на мѣстѣ и наблюдалъ за тѣмъ, чтобы подсудимый не скрылся изъ мѣста своего жительства.

Затѣмъ, Грамота опредѣляетъ самый порядокъ суда. Судъ производился въ комнатѣ тіуна, называвшейся «Одриною». Судья, принявъ челобитную истца, назначалъ срокъ для явки въ судъ и затѣмъ передавалъ дѣло на разсмотрѣніе дьяку или тіуну. Дьякъ или тіунъ разсматривалъ челобитную и дѣлалъ распоряженія о вызовѣ въ судъ отвѣтчика. Въ назначенный день стороны являлись къ тіуну въ сопровожденіи «судебныхъ мужей» или приставовъ. Послѣдніе присутствовали на судѣ до самого окончанія дѣла. До начала разбора дѣла совершалось крестное цѣлованіе: истецъ принималъ крестное цѣлованіе на томъ, что онъ ищетъ праваго дѣла, отвѣтчикъ на томъ, что онъ будетъ отвѣчать и указывать на всѣ вопросы правильно, а «судные мужи» и самъ тіунъ—въ томъ, что они будутъ дѣйствовать по правдѣ. По окончаніи обряда крестнаго цѣлованія начиналось разсмотрѣніе дѣла. Существо дѣла объяснялъ тіунъ или дьякъ въ присутствіи самого судьи, который, по выслушаніи доклада, также цѣловалъ крестъ въ томъ, что онъ будетъ судить правдиво и безпристрастно. Затѣмъ, судья спрашивалъ истца о его искѣ, а отвѣтчика о томъ, что онъ можетъ сказать въ свое оправданіе. Тотъ и другой объясняли свое дѣло судьѣ, ссылаясь на свидѣтелей, которые тутъ же были вводимы «судными мужьями». Когда судья находилъ, что дѣло достаточно разъяснено, онъ полагалъ свое рѣшеніе. Но если тяжущіеся, послѣ судныхъ рѣчей и переговоровъ, усматривали, что необходимо выслушать еще какихъ-нибудь свидѣтелей и просили судью объ отсрочкѣ дѣла, то судья давалъ имъ эту отсрочку и отлагалъ разбирательство дѣла до новаго срока. Эта отсрочка имѣла цѣлью дать тяжущимся время примириться. Если дѣло оканчивалось въ то же засѣданіе, то судья приказывалъ дьяку или тіуну написать такъ называемую *«правую грамоту»*, въ которой описывалось челобитье истца, судныя рѣчи и вообще все то, что происходило на судѣ, а равно и приговоръ или рѣшеніе. Приговоръ или рѣшеніе объявлялось словесно. По изготовленіи грамоты или *судницы*, судья прикладывалъ къ ней печать, которая замѣняла подпись, такъ какъ большею частью судьи, какъ выборные изъ народа, сами были безграмотны. Съ «правой гра-

моты» или «судницы» взыскивалась установленная пошлина, въ размѣрѣ 10-ти денегъ. Сторона, получившая «правую грамоту», могла или сама взыскивать присужденное, или просить «судныхъ мужей», чтобы они исполнили рѣшеніе судьи по «правой грамотѣ». Если исполненіе рѣшенія суда нужно было произвести въ отдаленіи отъ Новгорода, тогда посылался особый «гонецъ», который, прибывъ на мѣсто, предъявлялъ «правую грамоту» мѣстному тіуну или намѣстнику и рѣшеніе приводилось въ исполненіе тутъ же на мѣстѣ. Гонцамъ полагалась особая судебная пошлина.

Изъ описаннаго нами порядка суда, существовавшаго въ Псковѣ и Новгородѣ, въ силу Судныхъ Грамотъ, видно, что, еще 400 лѣтъ тому назадъ, въ древней Руси судъ производился почти на тѣхъ же началахъ, на которыхъ онъ производится въ наши дни, въ силу новой судебной реформы; что судъ производился не тайно, а въ присутствіи тяжущихся, что допускались судныя рѣчи, обмѣнъ мыслей и вообще, что процессъ былъ не канцелярскій, а состязательный. Затѣмъ, и самое исполнительное производство имѣло большое сходство съ нашимъ нынѣшнимъ, и что судъ имѣлъ свои судебные органы для исполненія своихъ рѣшеній и приговоровъ, въ лицѣ судныхъ мужей или приставовъ, и, наконецъ, что *правая грамота* имѣла тоже значеніе и тотъ же характеръ, какой имѣетъ нынѣ *исполнительный листъ*. Причины же, почему корни этого древняго порядка судопроизводства такъ рано пресѣклись, почему правосудіе въ Россіи въ теченіи цѣлыхъ четырехъ столѣтій находилось въ такомъ угнетенномъ состояніи, кроются въ самой исторіи развитія русскаго народа. Эту мысль подтвердилъ и нашъ маститый государственный мужъ и законовѣдъ, графъ Блудовъ. При внесеніи въ Государственный Совѣтъ, въ 1857 году, проекта устава гражданскаго судопроизводства, главноуправляющій тогда II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, статсъ-секретарь графъ Блудовъ, изложивъ историческое обозрѣніе нашего законодательства, между прочимъ, высказалъ слѣдующее: «Изъ уцѣлѣвшихъ доселѣ историческихъ памятниковъ можно съ нѣкоторою достовѣрностью заключить, что первоначально во всѣхъ областяхъ, впослѣдствіи вошедшихъ въ составъ Россіи, порядокъ судопроизводства былъ одинаковый. Онъ состоялъ изъ немногихъ постановленій и обрядовъ. *Тяжущіеся представляли суду свои требованія и возраженія публично, безъ изложенія ихъ на письмѣ*; предъявляли имѣющіяся у нихъ доказательства, и по разсмотрѣніи оныхъ и обстоятельствъ дѣла, судъ немедленно постановлялъ свое рѣшеніе. Въ этомъ порядкѣ уже видны были *драгоцѣнныя начала для будущаго дальнѣйшаго развитія этой части законодательства*. Но, къ несчастію, бѣд-

ствія, которымъ подвергалась большая часть нашего отечества во время владычества монголовъ, не только препятствовали всякому успѣху, но еще были причиною того, что самый этотъ древній порядокъ пришелъ въ разстройство. До какой степени оный могъ усовершенствоваться и перейти въ настоящую раціональную систему судопроизводства, доказываютъ *дошедшія до насъ судныя грамоты*». Такимъ образомъ, нашъ государственный мужъ, выражая глубокую скорбь объ упадкѣ нашего древняго порядка судопроизводства, приписываетъ этотъ упадокъ историческому событію. подвергавшему Россію иноплеменному долголѣтнему рабству.

ГРАМОТА ТАМОЖЕННАЯ. Такъ называлась въ древней Руси грамота, опредѣлявшая размѣръ таможенныхъ пошлинъ. Заключая въ себѣ опредѣленія относительно предметовъ, мѣстностей и лицъ, подлежавшихъ сбору таможенныхъ пошлинъ или изъятыхъ отъ платежа таковыхъ, опредѣленія касательно взысканій за уклоненія отъ платежа таможенныхъ пошлинъ и т. п.,—грамоты эти стремились къ регламентаціи одной изъ отраслей мѣстнаго управленія—таможенно-финансоваго и этимъ выказываютъ цѣль, общую съ грамотами *уставными*. Различіе обоихъ видовъ грамотъ очевидно: таможенныя грамоты преслѣдовали *одну* сторону мѣстнаго управленія, а уставныя грамоты не носятъ такого спеціальнаго характера, а обнимаютъ собою опредѣленіе *всѣхъ*, или, по крайней мѣрѣ, *многихъ* отраслей его. Другое, чисто формальное различіе ихъ состоитъ въ томъ, что уставныя грамоты давались всегда на имя самаго населенія, тогда какъ *таможенныя* грамоты давались на имя лицъ, уполномоченныхъ для сбора таможенныхъ пошлинъ. Еще рельефнѣе выступаетъ отличіе уставныхъ грамотъ отъ такъ называемыхъ *откупныхъ таможенныхъ грамотъ*, по которымъ таможенныя пошлины и сборъ ихъ отдавались на *откупъ* частнымъ лицамъ. Вслѣдствіе этого таможенныя грамоты раздѣлены были на два разряда: на «таможенныя *правительственныя*» и «таможенныя *откупныя*» (см. «Уставныя грамоты XIV—XVI вв.», Н. Загоскина, вып. 1. стр. 21—22).

ГРАМОТА ТАРХАННАЯ. Документъ, утверждавшій за какимъ-нибудь лицомъ «тарханное право», назывался въ древне-русской терминологіи *тарханною грамотою*. Подъ «тарханнымъ правомъ» разумѣлось то право, которымъ предоставлено было патріарху, архіереямъ, монастырямъ, князьямъ и знатнымъ боярамъ, не быть судимымъ ни кѣмъ, кромѣ государя и не платить повинностей. Лица, получившія *тарханное право* должны были пріѣзжать зимою въ Москву и, если на нихъ были жалобы, то таковыя тутъ же подавались и ихъ разбиралъ самъ царь. Право это отмѣнено царемъ Иваномъ Васильевичемъ, но многія лица пользовались имъ еще въ XVIII столѣтіи. Слово *тарханъ* есть монголо-татарское, озна-

чавшее: вольный человѣкъ, человѣкъ свободный отъ платежа повинностей, налагаемыхъ ханомъ и не обязанный дѣлиться съ нимъ полученною на войнѣ добычею. Тарханы, какъ право, стали извѣстны въ Золотой Ордѣ, а оттуда это учрежденіе перешло и къ намъ. Ханы Золотой Орды давали «тарханные ярлыки» нашему высшему духовенству, а также и своимъ людямъ. Подлинныя «тарханныя грамоты» разработаны и изданы профессоромъ Березинымъ.

Слово *тарханъ* сохранилось еще и по нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и означаетъ мелочнаго торговца, разъѣзжающаго по селамъ съ товарами.

ГРАМОТА УСТАВНАЯ есть юридическій терминъ древне-русскаго государственнаго права, имѣвшій значеніе частнаго, сепаратнаго закона, даннаго мѣстному населенію для опредѣленія юридическихъ отношеній его къ правительству и его органамъ, въ видахъ парализированія произвола и злоупотребленія со стороны областныхъ управителей*). Въ древнерусскомъ государственномъ быту терминъ «уставная грамота» употреблялся въ значеніяхъ самыхъ разнообразныхъ и отнюдь не имѣлъ своимъ назначеніемъ обнять извѣстный, рѣзко-очерченный кругъ грамотъ. Онъ принимался въ общемъ и самомъ обширномъ значеніи, что вполнѣ соотвѣтствуетъ и его этимологіи. Слово *уставъ*, *установленіе* выражаетъ собою понятіе объ опредѣленномъ порядкѣ, о твердомъ и устойчивомъ положеніи того или другого отношенія или предмета, равно какъ и слова: *уставить*, *уставлять*, *устанавливать* означаютъ приведеніе чего-либо въ порядокъ чрезъ уничтоженіе неопредѣленнаго, измѣнчиваго состоянія.

*) Въ литературѣ исторіи русскаго государственнаго права существуютъ различныя опредѣленія термина „уставной грамоты“ Н. Загоскинъ, въ своемъ изслѣдованіи „Уставныя грамоты XIV го—XVI го вѣковъ“ (вып. 1, стр 48), раздѣляетъ всѣ эта разнообразныя опредѣленія на три группы. опредѣленія, выраженныя въ самой *общей* формѣ, опредѣленія, выдающія уставныя грамоты за *инструкціи*, даваемыя лицамъ мѣстнаго управленія, и—опредѣленія новѣйшія, дающія уставнымъ грамотамъ значеніе регламентаціи отношеній мѣстнаго населенія къ верховной власти или къ ея органамъ. Представителями *первой* группы являются: Татищевъ, Максимовичъ, Преосвященный Евгеній, Саларевъ и Васильевъ. В Н. Татищевъ, первый заговорившій объ уставныхъ грамотахъ, даетъ такое опредѣленіе: „уставныя грамоты заключаютъ нѣкоторое учрежденіе съ вольностями“. Это опредѣленіе буквально повторяетъ и Максимовичъ (Указ. росс. законовъ, М. 1863 г. 1 380). Преосвященный Евгеній говоритъ: „названіе уставныхъ грамотъ, въ особенномъ смыслѣ, означало нѣкоторый родъ всегдашняго и непремѣннаго установленія“ (Вѣстникъ Европы за 1813 г. № 21, стр. 46). Саларевъ опредѣляетъ: „уставныя грамоты составляютъ нѣкоторыя учрежденія или уставы непремѣнные, продолжительные“ (Вѣст. Европы за 1819 г. № 4, стр. 288). По опредѣленію И. Васильева, „уставныя грамоты суть акты, содержащіе въ себѣ коренные законы и означали родъ всегдашняго и непремѣннаго установленія“(труды Моск. общ. ист. и древ. ч. 5, 1830 г.). Ко *второй* группѣ относятся тѣ опредѣленія, которыя разсматриваютъ уставныя грамоты какъ *инструкціи*, даваемыя верховною властью лицамъ мѣстнаго управленія. Представителемъ этой группы является Рейцъ, опредѣляющій ихъ

Вслѣдствіе этого, въ древнейшей эпохѣ русскаго законодательства, всякій письменный актъ, всякая грамота, заключавшая въ себѣ извѣстныя *установительныя* опредѣленія, притомъ опредѣленія, издаваемыя лицомъ въ предѣлахъ своей компетентности, носили названіе *уставныхъ грамотъ*; но въ позднѣйшее время терминъ этотъ получилъ уже болѣе тѣсное значеніе и сталъ обнимать собою только нѣсколько *видовъ* грамотъ, которыя, вслѣдствіе извѣстныхъ отличительныхъ чертъ своихъ, сливались въ одинъ общій кругъ *грамотъ уставныхъ*. Начиная съ XIV столѣтія, терминъ «уставная грамота» сталъ заключать въ себѣ понятіе не *видовое*, но *родовое*, т. е. онъ началъ соотвѣтствовать не одному какому-либо *виду* грамотъ, но цѣлому *роду*, цѣлой совокупности извѣстныхъ видовъ грамотъ. Поэтому, наука государственнаго права приняла четыре вида уставныхъ грамотъ: уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ областнаго *правительственнаго* управленія; 2) уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ областнаго *самоуправленія*; 3) уставныя грамоты церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ; и 4) уставныя грамоты монастырскаго общежитія и благочинія. Но такъ какъ послѣдніе два вида уставныхъ грамотъ относятся къ сферѣ права каноническаго, то исчисленные четыре вида грамотъ, въ свою очередь,

---

слѣдующими словами „Для управленія округами князь давалъ инструкціи (напр. грамота, данная жителямъ Двинской земли), кои вмѣстѣ опредѣляли и права жителей“ (Опыт ист. рос гос и граж. зак М 1836 г. стр. 171). Къ *третьей* группѣ опредѣленій уставныхъ грамотъ относятся опредѣленія новѣйшія, высказанныя современными учеными изслѣдователями исторіи русскаго государственнаго права, каковы И. Дювернуа и А. Градовскій. Г. Дювернуа высказываетъ свое воззрѣніе на уставныя грамоты въ слѣдующей фразѣ „въ уставныхъ грамотахъ мы находимъ общій и нормальный порядокъ отношеній князя къ *цѣлой* волости и ко всѣмъ ея частямъ. . по уставной ходитъ *намѣстникъ* и она опредѣляетъ его публичныя отношенія къ цѣлой волости и къ князю“ («Источники права и судъ въ древней Россіи». М. 1869 г. стр. 273—274) Наконецъ профессоръ Градовскій, въ своемъ сочиненіи „Начала русскаго государственнаго права“, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „Князья старались опредѣлить отношенія правительственныхъ лицъ къ народу уставными грамотами“. За тѣмъ, въ примѣчаніи онъ высказываетъ слѣдующую мысль: „Уставныя грамоты имѣютъ главною своею цѣлью ограничить произволъ областныхъ начальствъ относительно мѣстнаго народонаселенія“. Но г Загоскинъ, анализируя всѣ эти опредѣленія, находитъ каждое изъ этихъ опредѣленій само по себѣ недостаточнымъ и одностороннимъ. Поэтому, соединивъ всѣ вышеприведенныя опредѣленія въ одно цѣлое, онъ далъ уставнымъ грамотамъ слѣдующее опредѣленіе *уставныя грамоты давались мѣстному населенію для опредѣленія юридическихъ отношеній его къ правительству и его органамъ, и извѣстныхъ, соприкасающихся съ интересами государства, сторонѣ внутренней, общественной жизни его,—въ видахъ парализированія произвола и зло употребленій со стороны областныхъ управителей*. („Уставныя грамоты XIV—XVI в.“ вып. I стр. 59). Такое опредѣленіе установили и мы

разбиваются на двѣ группы: уставныя грамоты *государственныя* и уставныя грамоты *каноническія* и каждая изъ этихъ группъ вмѣщаетъ въ себѣ по два вида грамотъ. *Государственными* уставными грамотами считаются грамоты, издававшіяся *государственною* властью и содержавшія въ себѣ болѣе или менѣе всестороннюю регламентацію различныхъ вѣтвей мѣстнаго управленія,—правительственнаго или земскаго; а уставныя грамоты *каноническія* называются такія, которыя опредѣляютъ порядокъ управленія въ монастырскихъ вотчинахъ.

Для того, чтобы грамота могла быть причисляема къ грамотамъ уставнымъ, древне-русскій юридическій бытъ требовалъ отъ грамоты четырехъ условій:

1) Грамота должна быть издана властью, имѣющею самодержавныя права, или по самому свойству своему, напр. государственною, или же обладающею извѣстною суммою правъ по пожалованію отъ государства, напр. высшею духовною властью, привилегированными вотчинниками и. т. п.

2) Грамота должна заключать въ себѣ регламентацію юридическихъ отношеній непосредственно подвѣдомственныхъ этой власти мѣстностей и лицъ

3) Отношенія, регулируемыя грамотою, не должны быть случайными и скоропреходящими, но должны носить въ себѣ характеръ продолжающійся, характеръ явленій текущей жизни.

4) Опредѣленія, даваемыя грамотою, въ существенныхъ чертахъ своихъ не должны имѣть характеръ одной только привилегіи, не должны составлять исключеній изъ нормальнаго строя государственной и общественной жизни.

Вотъ почему *жалованныя* грамоты, конечная цѣль которыхъ состояла въ предоставленіи извѣстныхъ льготъ и привилегій разнымъ учрежденіямъ и лицамъ, никогда не причислялись въ древне-русскомъ государственномъ быту къ «грамотамъ» уставнымъ, тогда, какъ другіе виды грамотъ, напр. судныя, губныя, таможенныя и др. нерѣдко подводились подъ названіе *уставныхъ*, не смотря на, то, что эти виды грамотъ имѣютъ свою собственную терминологію, притомъ терминологію вполнѣ твердую, установившуюся и весьма удачную въ томъ смыслѣ, что она прекрасно соотвѣтствуетъ самому предмету содержанія этихъ грамотъ.

Уставныя грамоты давались самому населенію и имъ самимъ хранились. Онѣ давались въ интересахъ населенія и только косвеннымъ образомъ затрогивали интересы управленія. Уставныя Грамоты находились въ связи не съ «личностью» мѣстнаго управителя, а продолжали имѣть силу до тѣхъ поръ, пока она пользовалась санкціею законодательной власти. Уставныя грамоты, съ одной стороны регулировали отношенія населенія къ правительственному лицу, а съ другой—регулировали тѣ стороны уп-

равленія, въ которыхъ представлялась возможность столкновенія интересовъ управляемыхъ съ интересами управляющихъ и нерѣдко опредѣляли извѣстныя стороны внутренней, общественной жизни населенія.

Обязательная сила Уставной Грамоты начиналась съ момента полученія и прочтенія ея въ той волости, которой она давалась. Для начала обязательной силы Уставной Грамоты требовалось предъявленіе ея административному лицу, имѣвшему въ своемъ управленіи пожалованную ею волость. Пожалованіе Уставной Грамоты происходило или вслѣдствіе личнаго побужденія къ тому центральной государственной власти, въ видахъ извѣстныхъ государственныхъ цѣлей, или же оно происходило вслѣдствіе ходатайства о томъ самого населенія, сознавшаго себя мало огражденнымъ отъ злоупотребленій и угнетеній со стороны своихъ начальниковъ. Челобитная о пожаловании Уставной Грамоты подавалась выборными земскими старшинами отъ лица всего волостнаго населенія на имя государя, который и приказывалъ дать населенію Уставную Грамоту. Уставная Грамота выдавалась, по приказу государя, казначеемъ его или же другимъ начальникомъ отдѣльнаго вѣдомства. Выдача Уставной Грамоты сопровождалась особаго рода торжественнымъ актомъ, состоявшимъ въ томъ, что казначей, вручая земскимъ представителямъ грамоту, говорилъ «*слово*» отъ имени самого государя.

Всѣ Уставныя Грамоты имѣютъ болѣе или менѣе сходную систему содержанія и болѣе или менѣе опредѣленную внѣшнюю форму. Всякая грамота состоитъ изъ четырехъ частей: вступленія, внутренняго содержанія, угрозы за нарушеніе и заключенія. Вступленіе содержитъ въ себѣ названіе лица, дающаго грамоту, обозначеніе населенія, жалуемаго ею и изложеніе причинъ и поводовъ выдачи грамоты*). Внутренняя часть, вслѣдъ за изложеніемъ сущности предмета грамоты, состоитъ изъ установленія способовъ содержанія должностныхъ лицъ, опредѣленія основъ организаціи мѣстнаго правительственнаго управленія, опредѣленія, касающіяся размѣровъ сборовъ и пошлинъ, взимаемыхъ должностными лицами при отправленіи послѣдними различныхъ вѣтвей управленія и опредѣленія, затрагивающія внутреннія стороны земской общественной жизни въ тѣхъ сферахъ ея, которыя имѣютъ общегосударственный интересъ или въ которыхъ предвидится возможность нарушенія ихъ лицами чуждыми этой жизни. Послѣ изложенія содержанія, слѣдуетъ угроза лицамъ мѣстнаго управленія наказаніемъ за притѣсненіе жителей, вопреки постановленіямъ,

*) Почти всѣ грамоты начинаются словами: «Се азъ князь»... «Се азъ князь великій»... Но есть грамоты, которыя начинаются «Во имя Отца и Сына и Св Духа. Богъ и Св. Богородица и отца моего молитва»..... (См Уставная грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича епископіи Смоленской 1150.

даваемымъ въ уставной грамотѣ. Грамота заканчивается обозначеніемъ мѣста и времени выдачи ея и утвержденія ея надлежащими подписями. Нѣкоторыя грамоты писались на пергаментѣ; большинство же—на бумагѣ. Изъ числа послѣднихъ нѣкоторыя писались на отдѣльныхъ большихъ листахъ, другія—на нѣсколькихъ вмѣстѣ-склеенныхъ листахъ, обыкновенно двухъ. Самые размѣры уставныхъ грамотъ были далеко не одинаковы. Вообще же уставныя грамоты, какъ и всѣ вообще русскіе старинные акты, писались на писчемъ матеріалѣ, имѣвшемъ форму *столбца* или свитка, т. е. имѣвшемъ бо́льшіе размѣры въ длину, нежели въ ширину*). Внизу грамоты подвѣшивалась на шелковомъ цвѣтномъ шнуркѣ восковая печать. Обыкновенный цвѣтъ шнурка былъ красный или малиновый, а цвѣтъ печати красный**). На каждой Уставной Грамотѣ находились надлежащія подписи участвовавшихъ въ выдачѣ ея лицъ. Въ верхней части обратной стороны грамоты дѣлалась надпись имени государя, по приказанію котораго она выдана; на лицевой же сторонѣ грамоты находилась скрѣпа дьяка или дворецкаго. Если грамота писалась на склеенныхъ вмѣстѣ отдѣльныхъ листахъ, то, въ такомъ случаѣ, для предупрежденія подлога, скрѣпа дѣлалась по длинѣ самой склейки. На обратной сторонѣ Уставной Грамоты дѣлались и подтвердительныя подписи слѣдующихъ государей. Если для подтвердительной подписи не оставалось на грамотѣ свободнаго мѣста или если она была уже слишкомъ ветха, то, въ такомъ случаѣ, населеніе могла ходатайствовать о перемѣнѣ Уставной Грамоты во всемъ ея объемѣ на имя новаго государя.

Изъ всѣхъ уставныхъ грамотъ особенно замѣчательна Двинская Уставная Грамота, которая, послѣ Русской Правды, представляетъ собою

*) Отношеніе длины грамоты къ ея ширинѣ было не всегда равномѣрно. Такъ напр. Уставная Грамота, данная переяславскимъ рыболовамъ, имѣла въ длину 9, а въ ширину 4 вершка; Бѣлозерская Уставная Грамота имѣла въ длину $9^1/_2$, а въ ширину 7 вершковъ; уставная грамота Каменскаго стана бобровщикамъ имѣла самую продолговатую форму: въ длину 17, а въ ширину 7 вершковъ.

** Право красновосковой печати, по средне-вѣковымъ памятникамъ, есть одно изъ регальныхъ правъ. Въ западной Европѣ общины и лица, получавшія это право, или достигли вполнѣ верховныхъ правъ, или приближались къ нимъ. Краснымъ воскомъ печатались акты законодательнаго характера, въ томъ числѣ частные законы и привилегіи. Постановленіе о приложеніи *красной печати* къ грамотамъ находится въ „Судебникѣ“ Ц. Іоанна Васильевича 1550 года, въ ст. 43. „А велитъ государь кому какову грамоту дати, льготную, или уставную, или полѣтную, съ *красною печатью*“. Впрочемъ, это однообразіе цвѣта шнурка и печати соблюдалось только при уставныхъ грамотахъ московскихъ государей, но въ другихъ княжествахъ цвѣтъ печати и шнурка былъ совершенно иной. Такъ, у Уставной Грамоты Каменскаго стана бобровникамъ, пожалованной Дмитревскимъ княземъ, цвѣтъ шнурка темно-каштановый, а цвѣтъ печати красный.

самый древній памятникъ русскаго законодательства. Она замѣчательна тѣмъ, что служитъ дальнѣйшимъ развитіемъ Русской Правды. Она дана Двинской области великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Васильевичемъ,въ 1397 году. Обстоятельства, въ силу которыхъ появился этотъ памятникъ законодательства, были слѣдующія: около конца XIV столѣтія жители Двинской области объявили себя независимыми отъ Новгорода, отъ котораго они прежде зависѣли, и добровольно признали власть великаго князя московскаго, а такъ какъ по присоединеніи ихъ къ Москвѣ, и судъ и порядокъ суда слѣдовало установить не прежній новгородскій, а новый, то они просили московскаго князя дать имъ уставъ, на основаніи котораго они могли бы разрѣшать судныя дѣла въ этой области. Въ удовлетвореніе этой просьбы и созданъ былъ уставъ, подъ названіемъ «Двинской Уставной Грамоты»*). Хотя главнѣйшая цѣль этой грамоты была установленіе суда, тѣмъ не менѣе она содержитъ въ себѣ и нѣкоторыя правила касательно администраціи. Постановленія о судѣ, заключающіяся въ Двинской Грамотѣ, похожи на постановленія о томъ же въ Русской Правдѣ, но они гораздо болѣе развиты и гораздо подробнѣе и точнѣе изложены. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что законодательство наше. начиная съ Русской Правды, получило дальнѣйшее развитіе въ послѣдующихъ грамотахъ. Касательно суда Двинская грамота установляетъ разныя формы судопроизводства въ дѣлахъ по преступленіямъ уголовнымъ, порядокъ суда, исчисляетъ степени подсудности, опредѣляетъ какіе судьи какого рода преступленія должны судить и т. п. Прежде всего грамота эта говоритъ о *душегубствѣ*, т. е., о преступленіяхъ убійства. Характеръ суда въ преступленіяхъ этого рода, установленный Двинской Грамотой, былъ таковъ же, какъ и въ Русской Правдѣ, т. е. что судъ принадлежалъ княжескому судьѣ и княжескому намѣстнику, а пошлины отъ такихъ судныхъ дѣлъ, подъ именемъ *вирз*, собирались въ

*) Двинской грамотѣ не долго, впрочемъ, пришлось пользоваться обязательною силою. Въ 1398 году новгородская рать овладѣла городомъ Орѣшкомъ, центральнымъ пунктомъ Двинской земли, прогнала великокняжескаго намѣстника, возвратила великому Новгороду отнятую у него волость и Двинская Грамота перестала дѣйствовать. Вторичное и уже окончательное присоединеніе къ Москвѣ Двинской области совершилось одновременно съ послѣднею войною Ивана III съ Новгородомъ Слѣдствіемъ этой войны была выдача въ 1471 году „*Отказной Грамоты*“ на Двинскую землю. Такимъ образомъ, „Двинская Уставная Грамота“, пользовавшаяся обязательною силою всего лишь въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ будто для того и была издана, чтобы оставить потомству указаніе на нѣкоторыя законодательныя нормы, имѣвшія примѣненіе въ московскомъ государствѣ конца XIV вѣка, дать ему увидѣть, что законодательство это составляло ничто иное, какъ дальнѣйшее примѣненіе и развитіе опредѣленій, встрѣчающихся въ Русской правдѣ. (См. „Уставныя Грамоты XIV-го — XVI вѣка“, Н Загоскина, вып. 1 стр. 31).

пользу князя. Въ случаѣ убійства община должна отыскать убійцу и выдать его княжескому намѣстнику. Если же община не могла отыскать убійцу, то должна была заплатить за него въ княжескую казну *дикую виру* въ 10 рублей*). Только относительно способа собиранія виръ Двинская грамота ввела нѣкотораго рода улучшенія въ томъ смыслѣ, что по Русской Правдѣ виры собирались особыми княжескими чиновниками, именовавшимися *вирниками*, которые для этого должны были въ опредѣленное время въ году разъѣзжать по волостямъ и собирать виры: но на основаніи Двинской Грамоты сборъ виръ принадлежалъ княжескому намѣстнику, жившему постоянно въ извѣстной волости, который могъ лучше знать жителей этой волости, чѣмъ пріѣзжіе вирники и могъ болѣе правильнымъ образомъ собирать виры.

ГРУБОЕ ОБХОЖДЕНІЕ есть проступокъ, предусмотрѣнный 394 ст. улож. о нак., если онъ произошелъ отъ подчиненнаго въ отношеніи своего прямого начальства. Лицо, виновное въ «грубомъ обхожденіи» съ своимъ начальствомъ, смотря по степени вины, опредѣляемой какъ обстоятельствами, такъ и званіемъ оскорбленнаго, приговариваются: или къ строгому выговору, со внесеніемъ въ послужной списокъ, или же къ аресту на время отъ 7-ми дней до 3 недѣль.

ГРУЗОВАЯ РОСПИСЬ есть юридическій терминъ торгово-морскаго права, означающій документъ, въ который хозяинъ корабля или корабельщикъ вноситъ всѣ товары и грузъ, принятые имъ на корабль. Въ нашемъ уставѣ торговомъ, въ главѣ VI, «о наймѣ кораблей и судовъ подъ грузъ» имѣются три статьи (1012, 1013 и 1014), трактующія «о грузовой росписи». Грузовая роспись есть дополнительный актъ, сопровождающій договоръ о наймѣ корабля подъ грузъ. По заключеніи договора о наймѣ корабля, корабельщикъ составляетъ *грузовую роспись*, въ которую вноситъ всѣ товары и грузъ, принятые на корабль. Грузовая роспись должна быть составлена сходственно перечню и реестру штурмана (уст. торов. ст. 926) и при томъ въ двухъ или болѣе образцахъ, по числу хозяевъ товара или груза, изъ коихъ каждый долженъ имѣть такую же роспись у себя за подписаніемъ корабельщика. Одинъ образецъ грузовой росписи подписываетъ вмѣстѣ и наниматель корабля, и этотъ образецъ вручается корабельщику, который и хранитъ его при себѣ на кораблѣ, въ видѣ документа, до выгрузки принятаго товара и полученія провозныхъ денегъ; другіе же образцы вручаются хозяевамъ товара или груза. Если въ грузовыхъ росписяхъ окажется несходство, то преимущественное довѣріе должно быть отдано той изъ нихъ, которая подписана корабельщикомъ.

*) Нужно замѣтить, что въ Двинской грамотѣ первый разъ встрѣчается новое монетное наименованіе—„рубль“.

По этой же росписи корабельщикъ подлежитъ отвѣту и отчету, исключая тотъ случай, когда доказанъ будетъ подлогъ чрезъ выскобленіе словъ или перемѣну въ буквахъ или цифрахъ (см. Договоръ).

ГУБА. Старинно-русское названіе округа или части его, состоявшаго подъ управленіемъ особаго должностнаго лица, именовавшагося *губнымъ старостою*. (См. Губный староста).

ГУБЕРНАТОРЪ (Gubernator—управитель, отъ латинскаго глагола gubernare—управлять) есть представитель высшей правительственной власти въ губерніи, органъ высшаго правительства въ провинціи, облеченный не только административными, но и политическими функціями. Въ этомъ качествѣ, на губернатора возложено: «блюстительство неприкосновенности верховныхъ правъ самодержавія, пользъ государства и повсемѣстнаго точнаго исполненія законовъ, уставовъ, Высочайшихъ повелѣній, указовъ правительствующаго сената и предписаній начальства (св. закон. т. II, учрежд. о губер. ст. 637). Для этой цѣли ему дается право «ревизіи» всѣхъ учрежденій гражданскаго вѣдомства, за исключеніемъ судебныхъ. На губернатора законъ возлагаетъ непосредственныя административныя обязанности, выполняемыя, какъ имъ *лично*, такъ и чрезъ состоящія подъ его предсѣдательствомъ и начальствомъ установленія. Такимъ образомъ, губернаторъ вообще является нормальнымъ и главнымъ органомъ центральной власти на *мѣстахъ*, а относительно новыхъ *общественныхъ* установленій,—земскихъ и городскихъ, губернаторъ является органомъ правительственнаго *надзора*; но надзоръ этотъ отличается отъ надзора *политическаго*, который принадлежитъ ему, какъ «представителю высшей правительственной власти». Для опредѣленія значенія должности губернатора, въ 1837 году изданъ былъ особый наказъ губернаторамъ, который вошелъ во II т. св. зак., изд. 1842 и 1857 и 1876 годовъ (4-е изданіе), съ значительными измѣненіями, вслѣдствіе судебной и земской реформы, преобразованія городскаго общественнаго управленія, воинской повинности и т. д. Сверхъ того, права и обязанности губернатора опредѣляются еще и отдѣльными указаніями, изложенными: въ положеніи о крестьянахъ, положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, въ городскомъ положеніи, въ уставѣ воинской повинности, уставѣ акцизномъ и т. д., такъ какъ губернаторъ имѣетъ соприкосновеніе со всѣми этими отраслями мѣстной администраціи.

Губернаторы опредѣляются и увольняются именными Высочайшими указами. Для занятія должности губернатора законъ не установляетъ какого-либо образовательнаго или служебнаго ценза: они могутъ быть назначаемы, какъ изъ гражданскихъ, такъ и военныхъ чиновъ. Только примѣчаніе къ 488 ст. т. II св. зак. рекомендуетъ министру

внутр. дѣлъ поручать лицамъ, состоящимъ при министерствѣ кандидатами на губернаторскія мѣста, *обозрѣніе* разныхъ мѣстныхъ установленій и такія *обозрѣнія* считаются достаточною подготовкою къ занятію губернаторскихъ мѣстъ. Должность губеранатора, являясь должностью нормальною и не предполагающею *исключительнаго* довѣрія Верховной власти къ *лицу*, ее занимающему, подобно должности генералъ-губернатора, можетъ быть исправляема другими должностными лицами, въ случаяхъ болѣзни, отсутствія или увольненія. Исправленіе этой должности возлагается прежде всего на вице-губернатора и, за отсутствіемъ послѣдняго, на управляющихъ казенною палатою или государственными имуществами по старшинству чиновъ. Такъ какъ исправленіе должности губернатора можетъ быть въ двухъ случаяхъ: во *первыхъ*, когда губернаторъ находится внѣ губернскаго города, но остался въ предѣлахъ губерніи по дѣламъ службы, и во *вторыхъ*, когда онъ отсутствуетъ по болѣзни или по домашнимъ обстоятельствамъ, то законъ устанавливаетъ различіе и въ формѣ подписи лица, заступающаго его мѣсто: въ первомъ случаѣ форма подписи: «за губернатора», а во второмъ—«исправляющій должность губернатора».

Предѣлы губернаторской власти опредѣляются тѣмъ, что они, по свойству ихъ обязанностей, не снабжены какими-либо *чрезвычайными* полномочіями, а суть только исполнители и оберегатели законовъ. Поэтому, они не въ правѣ ни дѣлать новыхъ постановленій, ни отступать отъ существующихъ, ни учреждать новыхъ налоговъ или сборовъ, закономъ не установленныхъ. Порядокъ отправленія губернаторскихъ обязанностей опредѣляется тѣмъ началомъ, что для завѣдыванія въ губерніяхъ дѣлами всякаго рода установлены закономъ точныя правила, съ которыми губернаторы должны сообразоваться. Въ обыкновенныхъ случаяхъ они дѣйствуютъ чрезъ различныя губернскія установленія, а въ дѣлахъ, не входящихъ въ кругъ вѣдомства общихъ установленій губерніи, въ дѣлахъ нетерпящихъ отлагательства или подлежащихъ особенной тайнѣ, или, наконецъ, въ дѣлахъ, порученныхъ высшимъ правительствомъ ихъ *непосредственному* вѣдѣнію, губернаторы распоряжаются *лично* и *непосредственно*. Установленія и лица, чрезъ которыя губернаторы дѣйствуютъ по дѣламъ этого рода, суть: канцелярія и состоящіе при нихъ старшіе и младшіе чиновники особыхъ порученій.

Вообще кругъ дѣятельности губернатора на столько обширенъ и обязанности его на столько многочисленны и различны, что законы не способны установить цѣльнаго и опредѣленнаго понятія о губернаторской должности, такъ какъ рядомъ съ функціями *надзора*, вытекающими изъ значенія губернатора, какъ органа высшаго правительства, на него *лично* часто

возлагается еще множество такихъ обязанностей по всѣмъ частямъ управленія, которыя могутъ быть вызваны только силою обстоятельствъ, но не могутъ быть предусмотрѣны закономъ.

ГУБЕРНІЯ (слово латинское—gubernium, управленіе, завѣдываніе, отъ глагола gubernare—управлять) есть общее названіе высшей изъ *мѣстныхъ* единицъ. Она есть пространство земли, въ предѣлахъ котораго дѣйствуютъ власти, непосредственно подчиненныя *центральному* правительству и образующія кругъ, такъ называемыхъ, *губернскихъ* учрежденій, которымъ поручено завѣдываніе извѣстными общими дѣлами государственнаго управленія. Понятіе о *губерніи*, какъ административной единицы, въ полномъ его объемѣ, опредѣляется слѣдующими двумя признаками: 1) она является округомъ, на пространствѣ котораго извѣстныя правительственныя установленія или лица, облеченныя правами правительственной власти, осуществляютъ общія государственныя задачи и заботятся о пользахъ и нуждахъ мѣстнаго населенія; 2) она является округомъ, имѣющимъ общественное значеніе, въ качествѣ *юридическаго лица*, при чемъ мѣстнымъ обществамъ, его образующимъ, предоставлено право непосредственно или чрезъ своихъ представителей завѣдывать мѣстными пользами и нуждами и выполнять извѣстныя административныя функціи, на нихъ возложенныя. Только при наличности этихъ двухъ признаковъ и получается понятіе о губерніи, какъ административной единицѣ. Но когда извѣстная единица является *округомъ*, созданнымъ только для административныхъ цѣлей одного изъ вѣдомствъ, —тогда она является дѣленіемъ только *спеціальнымъ* или *добавочнымъ* къ общему. Такъ, напримѣръ, учебные или военные округи суть дѣленія *спеціальныя*, станы—суть подраздѣленія уѣздовъ въ *полицейскомъ* отношеніи. Равнымъ образомъ, когда единица создана для общественныхъ и по преимуществу *хозяйственныхъ* нуждъ, то она также не имѣетъ самостоятельнаго значенія въ ряду дѣленій страны: напр. *сельское общество* не образуетъ особаго подраздѣленія; напротивъ же, *волости*, созданныя для административно-судебнаго управленія крестьянами, имѣющія долю общественнаго значенія, образуютъ его. Такимъ образомъ, административное дѣленіе Россіи представляетъ *четыре* главныхъ единицы: три малыхъ—*уѣздъ*, *городъ* и *волость* и одну большую—*губернію*.

Губернія состоитъ подъ вѣдомствомъ одного правителя, именуемаго *губернаторомъ* или начальникомъ губерніи (см. Губернаторъ).

Губернію, какъ единицу *мѣстнаго* управленія, создалъ Петръ Великій, который считается и творцемъ губернскихъ установленій. Онъ положилъ основаніе правильному и однообразному дѣленію страны, замѣнившему хаотическія «единицы» прежняго времени; онъ попытался пос-

редствомъ общихъ наказовъ опредѣлить предметы вѣдомства *мѣстнаго* управленія и провести нѣкоторую границу между задачами мѣстныхъ и центральныхъ установленій; онъ поставилъ мѣстныя должности въ условія *гражданской службы* и открылъ, такимъ образомъ, возможность обратить въ пользу государства силы *мѣстнаго* дворянства; наконецъ, ему принадлежитъ первая попытка разграничить предметы вѣдомствъ разныхъ установленій и спеціально указать нѣкоторыя основанія для отдѣленія *суда* отъ *администраціи*. Словомъ, Петръ Великій создалъ формальныя условія для существованія губерніи, какъ административной *мѣстной* единицы. Но не отъ него зависѣло дать этой новой формѣ необходимое содержаніе, такъ какъ въ подробностяхъ своей реформы онъ столкнулся съ историческими условіями и объ нихъ разбились многія изъ его начинаній. За организацію единицы мѣстнаго управленія Петръ Великій принимался два раза: въ 1708 году, когда была постепенно создана первая его система управленія, и въ 1719 году, когда прежняя система видоизмѣнилась; но оба раза онъ не достигалъ желаемой цѣли. Поэтому не удивительно, что весь этотъ періодъ, отъ 1708 до 1719 г., страдаетъ отсутствіемъ общихъ органическихъ законовъ. Издана была цѣлая масса отдѣльныхъ узаконеній, касающихся мѣстныхъ должностей, но эти узаконенія не даютъ полнаго понятія о мѣстномъ управленіи. Они часто не сходятся съ тѣмъ, что было въ дѣйствительности. Нерѣдко одинъ законъ противорѣчилъ другому.

Самый принципъ устройства губерній не объясненъ законодателемъ при ихъ первоначальномъ учрежденіи; но ученые изслѣдователи русскаго государственнаго права высказывали по поводу этого принципа различныя предположенія. Профессоръ И. Андреевскій*) полагаетъ, что этимъ административнымъ дѣленіемъ Россіи законодатель имѣлъ въ виду *приписать* опредѣленное число уѣздовъ съ городами къ такимъ городамъ, которые могли бы быть дѣйствительно *центрами* военно-финансоваго управленія государства. Это предположеніе онъ подтверждаетъ тѣмъ, что еще въ 1699 году воспослѣдовало Высочайшее распоряженіе объ учрежденіи провинцій посредствомъ *приписки* по *торговымъ* дѣламъ небольшихъ городовъ и уѣздовъ къ большимъ городамъ, каковы: Новгородъ, Псковъ, Астрахань и др. (Полн. собр. зак. № 1706). А. Лохвицкій, основываясь на разнообразіи первыхъ губерній, дѣлаетъ также заключеніе, что характеръ ихъ былъ дѣйствительно *приписной*, но прописной не торговый, а *тяглый*. По объясненію его, служебный характеръ губернскаго дѣленія вызывался въ то время потребностями организаціи повинностей для

*) См. „Исторію Государственнаго Права“ стр. 139.

разныхъ цѣлей государственныхъ. Между этими цѣлями на первомъ мѣстѣ онъ ставитъ необходимость флота*). Наконецъ, профессоръ А. Градовскій полагаетъ, что первымъ и самымъ главнымъ мотивомъ образованія губерній и губернаторовъ была потребность въ сильныхъ отвѣтственныхъ органахъ *мѣстнаго* управленія государства. Петру Великому, зорко слѣдившему за *центральнымъ* управленіемъ *лично*, нужна была сильная власть на *мѣстахъ*—власть, которая могла бы дѣйствовать быстрѣе, чѣмъ прежніе *приказы* въ соединеніи съ воеводскимъ управленіемъ. Ему нужна была вмѣстѣ съ тѣмъ и должность *лично-отвѣтственная* предъ верховною властью. Эту должность онъ создалъ въ лицѣ губернатора. Къ этому присоединились, по мнѣнію профессора, еще и другія соображенія. Армія и флотъ требовали большихъ издержекъ, новыхъ налоговъ, спеціально установленныхъ для этой цѣли. Петръ Великій нуждался въ такой власти, которая бы сбирала эти подати и на *мѣстѣ* расходовала ихъ по указаніямъ центральнаго правительства, на тѣ именно предметы, для которыхъ онѣ предназначались. Въ этомъ отношеніи должность губернатора представляла чрезвычайныя удобства. На губернатора постепенно возлагались разныя новыя задачи, попеченіе о различныхъ сторонахъ народнаго благосостоянія и другія полицейскія обязанности. Наконецъ, въ развитіи *мѣстныхъ* должностей Петръ Великій думалъ найти средство для организаціи правосудія на *мѣстахъ*. *Мѣстный* судъ избавлялъ жителей отъ классической волокиты, которой такъ страдалъ прежній порядокъ судопроизводства**).

Таковы мнѣнія ученыхъ изслѣдователей исторіи развитія русскаго государственнаго устройства о принципѣ, положенномъ въ основаніе при учрежденіи губерній. Но какъ бы то ни было, какими бы мотивами не руководствовался Великій преобразователь Россіи, на страницахъ исторіи развитія русскаго государственнаго устройства красуется тотъ неопровержимый фактъ, что мысль о дѣленіи Россіи на губерніи принадлежитъ Петру Великому и что онъ первый создалъ формальныя условія существованія губерній, какъ административной мѣстной единицы.

Первая губернія въ Россіи образована была въ 1702 изъ мѣстностей, завоеванныхъ Петромъ отъ Швеціи, сначала подъ названіемъ Ингерманландской, а затѣмъ, съ 1710 г.—Петербургской***). Сюда вошли мѣстности, не имѣвшія ничего общаго между собою ни въ историческомъ, ни въ этнографическомъ отношеніи. Здѣсь соединились съ одной стороны: Ингерманландія, Корелія, Эстляндія, а съ другой—нынѣшнія губерніи:

*) См. его „Губернія“, стр. 42.

**) См. „Начала рус. госуд. права“, т. III, стр. 86.

***) Первымъ генералъ-губернаторомъ первой русской губерніи былъ кн. Меншиковъ

Псковская, Новгородская и Тверская. Фактъ этотъ, по справедливому замѣчанію профессора А. Градовскаго*)—объясняется тѣмъ, что въ Россіи не существовало историческихъ событій для образованія провинцій, а потому самыя разнородныя мѣстности легко поддавались *механическому* соединенію.

Въ 1708 году, губерніи, съ ихъ губернаторами во главѣ, сдѣлались *общимъ* учрежденіемъ. Указъ этого года предписываетъ росписать всѣ города россійской имперіи къ 8-ми *центрамъ*, вслѣдствіе чего образовалось 8 губерній: Ингерманландская (впослѣдствіи Петербургская), Московская, Кіевская, Смоленская, Архангельская, Казанская, Азовская и Сибирская, раздѣленная тогда же на двѣ провинціи; но въ виду того, что эти губерніи оказались чрезвычайно велики для правильной администраціи, то число ихъ вскорѣ было увеличено. Такъ, въ 1713 году была образована губернія Рижская, къ которой присоединена была большая часть Смоленской губерніи съ городомъ Смоленскомъ, а въ 1817 году учреждены еще двѣ губерніи: Нижегородская и Астраханская. Такимъ образомъ, къ наступленію 1819 года Россія была раздѣлена на 11 губерній, которыя, въ свою очередь, для удобства управленія, раздѣлялись на нѣсколько *уѣздовъ*, или, какъ ихъ тогда называли, провинцій. Въ промежутокъ времени отъ 1719 года до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II, число губерній увеличилось до 20. Первоначально, послѣ смерти Петра Великаго, прибавилось 5 губерній (Выборгская, Новгородская, Смоленская, Бѣлгородская и Оренбургская), а затѣмъ—еще четыре (Новороссійская, Слободско-украинская, Малороссійская, отдѣленная отъ Кіевской, и Иркутская, отдѣленная отъ Сибирской.

Дальнѣйшее развитіе *губерніи* получила лишь въ царствованіе императрицы Екатерины II, изданіемъ знаменитаго законодательнаго акта, подъ названіемъ: «*Учрежденіе о губерніяхъ*» и всѣ позднѣйшія видоизмѣненія вращались въ рамкахъ, указанныхъ въ «Учрежденіи». «Губернія», въ силу этого «Учрежденія», является высшею единицею мѣстнаго управленія и, для избѣжанія неравномѣрной дѣятельности административныхъ властей, было постановлено, чтобы, при дѣленіи имперіи на губерніи, а губерній на уѣзды, принято было во вниманіе не пространство земли, а количество народонаселенія, а именно: территорія съ числомъ душъ отъ 300 до 400 тысячъ составляетъ губернію, а часть губерніи, съ числомъ душъ отъ 20 до 30 тысячъ—составляетъ провинцію или уѣздъ. Вслѣдствіе этой общей нормы число губерній при императрицѣ Екатеринѣ II увеличилось сначала до 40, а ко дню кончины этой Великой

*) „Начала рус. гос. права", ч. III, стр. 85

Монархіи прибавилось еще 11 губерній изъ разныхъ мѣстностей, вновь завоеванныхъ отъ Турціи и изъ частей, доставшихся Россіи послѣ втораго и третьяго раздѣла Польши. Императоръ Павелъ I сократилъ число губерній; но Александръ I возвратился къ Екатерининской нормѣ. Съ тѣхъ поръ количество губерній возрастаетъ, какъ вслѣдствіе новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, такъ и вслѣдствіе дѣленія существующихъ губерній на новыя. Такъ, при императорѣ Николаѣ I, Оренбургская губернія была раздѣлена на двѣ: Оренбургскую и Самарскую; въ 1865 г. остатокъ Оренбургской губерніи былъ раздѣленъ на двѣ части: губерніи Оренбургскую и Уфимскую.

Въ настоящее время вся Россія раздѣлена на 79 губерній, расположенныхъ такъ: въ европейской Россіи 68, въ томъ числѣ 10—въ привислянскомъ краѣ и 8—въ великомъ княжествѣ финляндскомъ; на Кавказѣ—7, а въ Сибири—4.

Не смотря на предпринимавшееся въ разное время подраздѣленіе нашихъ губерній, онѣ все еще страдаютъ неравномѣрностью, особенно въ сравненіи съ административными единицами другихъ государствъ. Во Франціи, напр., департаментъ имѣетъ до 400,000 жителей, на англійское графство приходится до 450,000, тогда какъ въ европейской Россіи на губернію приходится среднимъ числомъ свыше 1,500,000 жителей*).

Нужно замѣтить, что вообще дѣленіе россійской имперіи на губерніи и области представляется искусственнымъ, механическимъ, и лишь немногія изъ нихъ, каковы: губерніи Остзейскія и Область Войска Донскаго, имѣютъ историческое происхожденіе и значеніе. Прочія же губерніи составились путемъ «приписки» къ данному административному центру извѣстнаго числа уѣздовъ, при чемъ основаніемъ для приписки принято число душъ въ нормѣ, положенной для губерній. Приписной характеръ провинціальной территоріи относительно губернскаго центра рельефно выражается въ самомъ названіи губерніи: она у насъ называется именемъ губернскаго города, напримѣръ: Харьковская—по гор. Харькову, Тобольская—по гор. Тобольску, Курская—по гор. Курску, Орловская—по гор. Орлу, и т. д. Центры губерній—т. е. губернскіе города, были выбраны

*) Какъ неравномѣрно распредѣлена территорія европейской Россіи по губерніямъ въ отношеніи пространства можно судить изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ: Одна губернія (Астраханская) имѣетъ болѣе 10 тысячъ кв. миль; одна—болѣе 7 т.; одна—болѣе 5 т.; одна—болѣе 4 т. и одна—болѣе 3 т; 6 губерній имѣютъ болѣе 2 т.; 12—болѣе 1000; 23—отъ 700 до 1000; 2—менѣе 500 кв. миль. Относительно же числа народонаселенія, губерніи европейской Россіи представляются въ слѣдующемъ видѣ: 3 губерніи имѣютъ меньше 500 т. жителей; 6—около милліона; 30—отъ 1 до 2 милліоновъ, а 11—свыше 2-хъ.

Екатериной II изъ списка прежнихъ губернскихъ и провинціальныхъ городовъ.

Что же касается до юридическаго значенія губерніи, то она не имѣетъ качества ни физическаго, ни юридическаго лица: она не имѣетъ ни своей собственности, ни права вступать въ обязательства, ни права быть на судѣ, а даетъ только отвлеченное понятіе о крупной единицѣ административнаго дѣленія обширной территоріи россійской имперіи, относительно *мѣстнаго* управленія. Губернія есть организмъ, имѣющій свою жизнь, свои интересы, свое управленіе, своихъ правителей. Она представляетъ собою такую часть территоріи государства, которая имѣетъ *на мѣстѣ* органы: судебные, административные и финансовые, непосредственно подчиненные центральной власти (см. Мѣстныя учрежденія).

ГУБЕРНСКАЯ ЗЕМСКАЯ УПРАВА есть исполнительный органъ земскаго самоуправленія, который дѣйствуетъ въ качествѣ уполномоченнаго губернскаго земскаго собранія и исполняетъ его распоряженія. Въ смыслѣ хозяйственнаго органа земства, управа завѣдуетъ его имуществами и капиталами и вообще земскимъ хозяйствомъ губерніи. Кромѣ того, на обязанности ея лежитъ составленіе губернскихъ смѣтъ, раскладокъ и отчетовъ, подготовленіе всѣхъ нужныхъ для собранія свѣдѣній и заключеній, надзоръ за поступленіемъ земскихъ доходовъ, расходованіе губернскихъ земскихъ суммъ, веденіе исковъ по имуществу и дѣламъ земства и разсмотрѣніе жалобъ на уѣздныя земскія управы. Губернская земская управа не можетъ учреждать никакихъ сборовъ и повинностей, кромѣ учрежденныхъ земскимъ собраніемъ.

ГУБЕРНСКАЯ ЧЕРТЕЖНАЯ. Такъ называется межевое отдѣленіе, состоящее при губернскихъ правленіяхъ и находящееся въ завѣдываніи губернскаго землемѣра.

ГУБЕРНСКІЕ ПРОКУРОРЫ. До судебной реформы въ каждомъ губернскомъ городѣ состоялъ прокуроръ, обязанность котораго была наблюденіе за порядкомъ дѣлопроизводства въ губернскихъ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ. Вслѣдствіе чего онъ и назывался прокуроромъ «губернскимъ». При губернскихъ прокурорахъ для совѣта и помощи состояли губернскіе стряпчіе. Съ преобразованіемъ же судоустройства въ Россіи, должности губернскихъ прокуроровъ уничтожены (см. Прокуроры).

ГУБЕРНСКІЙ АРХИТЕКТОРЪ. Архитекторъ, завѣдывающій «строительнымъ отдѣленіемъ», состоящимъ при губернскомъ правленіи называется *губернскимъ архитекторомъ*. Строительное отдѣленіе образовалось изъ учрежденія строительныхъ и дорожныхъ коммиссій, находившихся въ губерніяхъ до введенія земскихъ учрежденій. Учрежденіе этихъ коммиссій организовано

положеніемъ 1833 г. Онѣ были составлены какъ изъ чиновниковъ-спеціалистовъ по назначенію отъ правительства, такъ и членовъ отъ сословій и находились въ завѣдываніи главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій. По введеніи земскихъ учрежденій и преобразованіи главнаго управленія путей сообщенія, министерство завѣдыванія путями сообщенія, кромѣ государственныхъ, было передано въ руки земскихъ установленій, а часть строительная, по сколько она касается строительной полиціи въ обширномъ смыслѣ этого слова, ввѣрена была министерству внутреннихъ дѣлъ. Органомъ министерства внутреннихъ дѣлъ явилось «строительное отдѣленіе», введенное въ составъ губернскаго правленія. Оно состоитъ изъ губернскаго инженера и архитектора, а также и младшихъ инженеровъ и архитекторовъ, техниковъ и другихъ чиновъ. Губернскій архитекторъ входитъ въ составъ «Общаго присутствія» губернскаго правленія.

ГУБЕРНСКІЙ ВОИНСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.—Начальникъ мѣстныхъ войскъ въ губерніи. Въ порядкѣ подчиненія губернскій воинскій начальникъ подчиняется начальнику мѣстныхъ войскъ округа.

ГУБЕРНСКІЙ ЗЕМЛЕМѢРЪ. Лицо, завѣдывающее межевымъ отдѣленіемъ, состоящимъ при губернскомъ правленіи, подъ названіемъ «губернской чертежной», именуется *губернскимъ землемѣромъ*. Подъ его наблюденіемъ дѣйствуютъ уѣздные землемѣры.

ГУБЕРНСКІЙ СЕКРЕТАРЬ—чинъ XII класса по табели о рангахъ.

ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. Подъ этимъ выраженіемъ понимаются всѣ присутственныя мѣста, при помощи которыхъ управляются губерніи, каковы: губернское правленіе, казенная палата, контрольная палата, управленіе государственными имуществами и т. п. (см. Мѣстныя учрежденія).

ГУБЕРНСКОЕ ПРАВЛЕНІЕ есть «высшее въ губерніи мѣсто, управляющее оною въ силу законовъ, именемъ Императорскаго Величества». Такое опредѣленіе даетъ этому Учрежденію нашъ нынѣ-дѣйствующій законъ*). Опредѣленіе это заимствовано изъ «Учрежденія о губерніяхъ» 1775 года. Но организація губернскаго правленія подвергалась различнымъ измѣненіямъ со времени изданія означеннаго «Учрежденія».

По мысли императрицы Екатерины II, губернское правленіе, постановленное ею во главѣ всѣхъ другихъ губернскихъ учрежденій, не имѣло коллегіальнаго устройства, признаннаго необходимымъ для другихъ установленій губерніи, каковы: казенная палата, приказъ общественнаго призрѣнія и судебныя мѣста. Губернское правленіе было лишь совѣщательнымъ учрежденіемъ при губернаторѣ. По первоначальному учрежденію, оно должно было состоять подъ непосредственнымъ начальствомъ «государева намѣстника», гражданскаго губернатора, совѣтниковъ и ассес-

*) Св. Зак. т. II, кн. IV, ст. 665 (изд. 1876 г.).

соровъ. Совѣтникамъ данъ былъ *совѣщательный* голосъ; *рѣшительный* же—предоставленъ губернатору. Губернаторъ властенъ былъ принять или не принять мнѣніе совѣтниковъ и дѣла рѣшались не по большинству голосовъ, а по *приказанію* губернатора.

Устройство губернскаго правленія и взаимныя отношенія его членовъ видоизмѣнились лишь въ XIX столѣтіи, именно—составъ губернскаго правленія увеличенъ вице-губернаторомъ, первоначально бывшимъ предсѣдателемъ казенной палаты, а затѣмъ уже самое губернское правленіе получило новое устройство лишь въ 1845 г. Въ силу этого учрежденія, губернское правленіе опредѣлено какъ установленіе, управляющее дѣлами общаго благоустройства губерніи, охраняющее права личности, собственности, общую безопасность и тишину, управляющее дѣлами относительно народнаго здравія, продовольствія, хозяйства и промышленности, содѣйствующее всѣмъ другимъ управленіямъ въ исполненіи законовъ и понуждающее подчиненныя ему мѣста и лица къ исполненію обязанностей. Это общее опредѣленіе развивалось въ цѣломъ рядѣ постановленій, издававшихся въ разное время и вошедшихъ въ содержаніе ст. 716 св. зак. т. II.

Реформы прошлаго царствованія отразились и на учрежденія губернскихъ правленій. По введеніи въ губерніи земскихъ учрежденій, прекратили свое *отдѣльное* существованіе различныя управленія и коммисіи, каковы: врачебная управа и строительная коммиссія, которыя присоединены къ губернскому правленію въ качествѣ его отдѣленій. Въ 1865 году издано новое положеніе о губернскихъ правленіяхъ, касающееся какъ устройства этого учрежденія, такъ и порядка производства въ немъ дѣлъ. Въ настоящее время предметы вѣдомства губернскаго правленія опредѣляются въ законѣ слѣдующимъ образомъ: «Губернское правленіе управляетъ дѣлами общаго благоустройства, охраняетъ права личности и собственности, общую безопасность, тишину и спокойствіе, управляетъ дѣлами относительно народнаго здравія, оспопрививанія и пресѣченія скотскихъ падежей, продовольствія, хозяйства и промышленности (насколько это не предоставлено учрежденіямъ общественнымъ), содѣйствуетъ всѣмъ другимъ учрежденіямъ въ исполненіи законовъ и понуждаетъ подчиненныя ему мѣста и лица къ исполненію ихъ обязанностей» (т. II ст. 666. изд. 1876 г.). Согласно этому общему опредѣленію видоизмѣнился подробный перечень дѣлъ, производящихся въ губернскомъ правленіи.

Губернское правленіе, по положенію 1845 года, состояло изъ губернатора, вице-губернатора, совѣтниковъ и асессоровъ; но положеніемъ 1865 года составъ этотъ увеличенъ инспекторомъ врачебнаго отдѣленія, губернскимъ архитекторомъ и губернскимъ землемѣромъ. Послѣдніе, въ качествѣ членовъ правленія, участвуютъ въ засѣданіяхъ «общаго присут-

ствія» только по дѣламъ, касающимся частей: врачебной, строительной и межевой.

Губернское правленіе состоитъ: 1) изъ общаго присутствія и 2) изъ канцеляріи. Подъ выраженіемъ «общее присутствіе» не должно разумѣть *коллегіи*, въ полномъ смыслѣ этого слова, ибо законъ опредѣляетъ тѣ случаи, когда губернское правленіе дѣйствуетъ какъ коллегія и отличаетъ эти *коллегіальныя* присутствія отъ присутствій съ характеромъ *совѣщательнымъ*, гдѣ рѣшительный голосъ принадлежитъ губернатору. Такимъ образомъ, при производствѣ всѣхъ дѣлъ, входящихъ въ кругъ дѣятельности губернскаго правленія, оно является въ троякой формѣ: 1) въ видѣ *коллегіи*, рѣшающей предоставленныя ему дѣла на общемъ коллегіальномъ основаніи—большинствомъ голосовъ; 2) какъ установленіе *совѣщательно-распорядительное*, постановленія котораго получаютъ силу по утвержденіи ихъ губернаторомъ; и 3) совокупностью единоличныхъ властей: рѣшающихъ предоставленныя имъ дѣла по завѣдуемымъ ими отдѣленіямъ (совѣтники) или личными своими распоряженіями. Канцелярія же губернскаго правленія раздѣляется на канцелярію «общаго присутствія», подъ завѣдываніемъ секретаря, и на «канцелярію отдѣленій», которая управляется дѣлопроизводителями и ихъ помощниками.

Компетенція губернскаго правленія весьма обширна. Она опредѣляется, какъ 667 ст. т. II, свода законовъ, такъ и другими постановленіями, заключающимися во второмъ томѣ и въ другихъ томахъ нашего «Свода». Губернскому правленію, какъ высшему установленію въ губерніи, принадлежитъ великое право обнародованія законовъ, равно какъ и указовъ высочайшихъ и сенатскихъ. Затѣмъ, ему же принадлежитъ надзоръ за повсемѣстнымъ исполненіемъ законовъ и прекращеніемъ дѣйствій имъ противныхъ. Губернскому правленію принадлежитъ разсмотрѣніе сомнѣній, возникающихъ въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ административнаго вѣдомства и пререканій о компетенціи этихъ учрежденій, а равно и пререканій городскихъ и уѣздныхъ установленій разныхъ вѣдомствъ. Губернское правленіе, въ лицѣ своего предсѣдателя—губернатора, участвуетъ также въ разрѣшеніи пререканій между *судебными* и *правительственными* установленіями, именно: губернаторъ входитъ въ составъ *особаго* присутствія судебной палаты для разрѣшенія означенныхъ пререканій*). Въ качествѣ установленія *полицейскаго* въ тѣсномъ смыслѣ, на губернское правленіе возлагается: попеченіе объ охраненіи тишины и спокойствія въ городахъ, а равно и уѣздахъ, и нѣкоторыя другія обязанности полицейскаго характера, какъ напр. дѣла о порочныхъ людяхъ, представляе-

*) Уст. уголов. суд. ст. 239—245 и уст. граж. суд. ст. 237—234.

мыхъ городскими и сельскими обществами въ распоряженіе правительства, попеченіе о прекращеніи нищенства, бродяжничества, принятіе мѣръ къ поимкѣ и розыскѣ бѣглыхъ, приведеніе въ дѣйствіе объявленныхъ судебныхъ приговоровъ и т. п.

Юридическое положеніе губернскаго правленія, въ ряду другихъ присутственныхъ мѣстъ, опредѣляется какъ общимъ его назначеніемъ, такъ и кругомъ предоставленныхъ ему дѣлъ. Оно состоитъ въ вѣдомствѣ министра внутреннихъ дѣлъ и постановлено выше всѣхъ другихъ мѣстъ губерніи. Поэтому, оно подчиняется непосредственно правительствующему сенату. Постановленія губернскаго правленія, вошедшія въ законную силу, не могутъ быть измѣнены или отмѣнены ни имъ самимъ, ни какимъ-либо другимъ мѣстомъ или лицомъ, кромѣ Императорскаго Величества и сената.

Жалобы на губернское правленіе по дѣламъ административнымъ приносятся въ сенатъ по 1-му департаменту. Для принесенія жалобъ положенъ опредѣленный срокъ—*шести* и *трехъ* мѣсячный. Первый срокъ—когда постановленіе правленія приведено уже въ дѣйствіе, а второй—если къ приведенію въ дѣйствіе еще не было приступлено.

ГУБНАЯ ГРАМОТА, см. Грамота Губная.

ГУБНАЯ ИЗБА. Такъ называлось въ старину на Руси то помѣщеніе, гдѣ производилось разбирательство уголовныхъ дѣлъ—мѣсто уголовнаго суда. При губной избѣ находилась и тюрьма, гдѣ содержались подсудимые: тамъ же производилась и пытка (см. «Ист. русск. права», Михайлова, стр. 23).

ГУБНАЯ ТЮРЬМА. Подъ именемъ «губной тюрьмы» понимаются тѣ мѣста заключенія, которыя въ древней Руси устроены были при губныхъ избахъ, гдѣ содержались подсудимые до объявленія имъ приговора суда, а равно и преступники, присужденные къ временному или пожизненному заключенію. Губныя тюрьмы существовали въ каждомъ губномъ округѣ при губномъ старостѣ и при особомъ присутственномъ мѣстѣ, которое называлось *губною избою*, т. е. домомъ гдѣ производился судъ. Какъ самая губная изба, такъ и губная тюрьма содержались на счетъ сборовъ самихъ жителей. Сборъ этотъ располагался по *сохамъ*—(см. этотъ терминъ), какъ и всякій другой сборъ. Объ устройствѣ тюрьмы долженъ былъ заботиться губный староста; онъ долженъ былъ опредѣлять въ тюрьму сторожей и самъ наблюдать за ними. Сторожа должны были смотрѣть, чтобы преступники не разбѣжались; но такъ какъ побѣги были весьма часты, то законъ опредѣлялъ, чтобы преступниковъ держать въ тюрьмахъ короткое время и лишь до тѣхъ поръ, пока надъ ними не

состоится судебный приговоръ. Заключеніе въ губныя тюрьмы по приговорамъ суда иногда было пожизненное, а иногда—временное. Временному заключенію подвергались такія лица, о которыхъ судъ не могъ еще составить окончательнаго приговора, или такіе преступники, преступленія которыхъ хотя и были изобличены, но о которыхъ имѣлось въ виду предположеніе, что они совершили еще болѣе тяжкія преступленія. Пожизненному заключенію подвергали такихъ лицъ, противъ которыхъ были только улики, но не было прямыхъ доказательствъ. Иногда же въ губныхъ тюрьмахъ содержали и такихъ лицъ, которыя не совершили никакого преступленія, но которыя за себя не могли представить поручителя въ томъ, что они люди благонадежные, люди хорошіе (см. «Ист. русск. права», М. Михайлова, стр. 234—245).

ГУБНОЙ ДЬЯКЪ—такъ называлось въ старину, при существованіи на Руси «губнаго права», то должностное лицо, которое завѣдывало въ губной избѣ дѣлопроизводствомъ. Губный дьякъ состоялъ подъ вѣдѣніемъ губнаго сртаосты и находился въ полной отъ него зависимости. Дьякъ объяснялъ дѣло въ присутствіи судьи; онъ же производилъ вмѣстѣ съ тіуномъ первоначальныя судебныя распоряженія, какъ-то: дѣлалъ вызовъ, собиралъ свидѣтелей и т. д. Дьякъ писалъ «правыя грамоты», прикладывалъ печать и взималъ установленныя судебныя и канцелярскія пошлины.

ГУБНАЯ ЗАПИСЬ есть названіе законодательнаго памятника древне-русскаго права, содержащаго въ себѣ положенія о производствѣ уголовныхъ дѣлъ. Такое названіе носитъ уголовное уложеніе московскаго государства 1486 г. Согласно этой Губной Записи преступленія раздѣлялись: а) на такія, которыя влекли за собою смертную казнь, каковы: душегубство, разбой и татьба, если при нихъ было *поличное*, и б) дѣла, за которыя слѣдовала лишь пеня или денежный штрафъ, каковы: уголовныя преступленія безъ *поличнаго*, т. е. по оговору или подозрѣнію, личныя оскорбленія и др. Послѣднія преступленія именовались «*пенными дѣлами*».

ГУБНЫЙ СТАНЪ. Селеніе или городъ, гдѣ жилъ губный староста, и гдѣ находилась губная изба, т. е. помѣщеніе уголовнаго суда, называлось въ старину *губнымъ станомъ*.

ГУБНЫЙ СТАРОСТА. Высшее должностное лицо, завѣдывавшее уголовными дѣлами цѣлой области въ древней Руси, называлось *губнымъ старостою*. Должность губныхъ старость возникла въ концѣ XV столѣтія, одновременно съ изданіемъ «Губныхъ грамотъ» и просуществовала до петровскихъ реформъ. Должность эта сначала ея возникновенія была выборная. Первые губные старосты выбирались изъ городскихъ жителей; но когда образовалось въ Россіи *дворянское* сословіе, то законъ требовалъ, чтобы старосты избирались не иначе, какъ

изъ «мѣстныхъ дворянъ» и то только изъ тѣхъ дворянъ, которыхъ можно было «уволить» отъ *настоящей службы*, т. е. отъ службы *полковой*, именно «отставленныхъ отъ службы за старостью или за ранами», или за которыхъ служили дѣти ихъ и племянники, а за недостаткомъ дворянъ,— изъ дѣтей боярскихъ, съ тѣми же условіями. Такимъ образомъ, для дворянства губная служба имѣла значеніе службы «заштатной» и невыгодной, отъ которой дворяне начали уклоняться. Вслѣдствіе этого должность губныхъ старостъ скоро получила *приказный* характеръ, не смотря на выборное ея происхожденіе. Иногда старосты прямо назначались правительствомъ. Только за крестьянствомъ осталось номинальное *право* выбирать старостъ и *обязанность* ставить губному дѣлу цѣловальниковъ, бирючей и палачей,— обязанность отъ которой правительство освобождало нѣкоторыя села, въ видѣ особой милости*). Въ XVII столѣтіи должность губныхъ старостъ то отмѣняется, то снова возстановляется. Дѣла разбойныя, татебныя и убійственныя долго оставались въ рукахъ губныхъ старостъ, кругъ вѣдомства которыхъ впослѣдствіи расширился еще и новыми дѣлами. Иногда на губныхъ старостъ возлагались и административныя обязанности.

Народъ очень много страдалъ отъ произвола губныхъ старостъ. Противъ дурного избраннаго старосты, у избирателей не было другого средства, какъ просить правительство «вывести» его изъ города. Это грустное заключеніе выведено нашимъ историкомъ Соловьевымъ (т. XIII стр. 114 и слѣд.) изъ одной челобитной мірскихъ людей на своего старосту, въ которой челобитчики писали слѣдующее: «въ нашихъ мірскихъ дѣлахъ учинилъ губный староста большое дурно, въ денежныхъ приходахъ и расходахъ большую хитрость, а себѣ корысть; подговаривался къ воеводѣ и таможенному откупщику, пьетъ и есть съ ними безпрестанно и ночи просиживаетъ, на насъ воеводѣ и откупщику наговариваетъ, и насъ продаютъ и убытчатъ: вели государь отъ насъ его вывесть».

Указомъ 1679 года должность губныхъ старостъ отмѣнена и власть воеводъ усилена, существованіе же губныхъ старостъ окончательно прекратилось лишь указомъ 1702 года.

ГУБНЫЕ ЦѢЛОВАЛЬНИКИ. Такъ назывались присяжные по уголовнымъ дѣламъ въ древне-русскомъ процессѣ. Губные цѣловальники были выборные изъ самихъ жителей, которые давали присягу и цѣловали крестъ на то, что они будутъ указывать на виновныхъ и не скроютъ вообще преступленія. Губные цѣловальники обыкновенно избирались на одинъ годъ изъ жителей со всѣхъ земель, за исключеніемъ земель дворцовыхъ и городскихъ посадовъ. Они должны были постоянно находиться при губныхъ старо-

*) См. „Начала русскаго государственнаго права". А. Градовскаго, т. III стр. 72—78.

стахъ во врема розыска и суда. Обязанности губныхъ цѣловальниковъ были весьма разнообразны. Главнѣйшее ихъ занятіе заключалось въ розыскѣ и поимкѣ преступника и затѣмъ въ производствѣ наказанія. Присутствуя при судѣ губныхъ старостъ, они должны были исполнять ихъ порученія, стеречь преступника и собирать судебныя пошлины съ уголовныхъ дѣлъ. Кромѣ обязанностей судейскихъ, вытекавшихъ изъ производства уголовнаго процесса, губные цѣловальники обязаны были нести еще и нѣкоторыя обязаности полицейскаго характера. Они должны были заботиться о предупрежденіи и искорененіи разбоевъ, о пресѣченіи преступленій при первомъ ихъ проявленіи, преслѣдовать не только преступниковъ, т. е. лицъ, уже совершившихъ преступленіе, но и всякихъ людей, склонныхъ къ преступленію. Совокупность такихъ разнородныхъ обязанностей въ одномъ лицѣ, смѣшеніе обязанностей судебныхъ и полицейскихъ могутъ считаться главною причиною неустройства древне-русскаго уголовнаго судопроизводства. Юное русское законодательство еще не постигло того, что невозможно налагать на однихъ и тѣхъ же лицъ обязанности судейскія и полицейскія, поэтому значительное число преступленій оставалось не раскрытымъ.

БИБЛИОТЕКА
Ленинград. отделения
Коммунист. Академии
при ЦИК. СССР.

БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР